

ТЭ(0)6
Н 978

НЮРНБЕРГСКИЙ

ПРОЦЕСС:

УРОКИ ИСТОРИИ

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

РАЗДЕЛ I. Общие проблемы

А.О. Чубарьян

Нюрнбергский процесс и его значение в истории
XX века 9

А.Г. Лисицын-Светланов, И.А. Ледах

Нюрнбергский процесс и защита прав человека 22

А.Г. Звягинцев

Нюрнбергский процесс и современный миропорядок 38

РАЗДЕЛ II. Нюрнбергский процесс: источники и историография

К.К. Провалов

Материалы Архива внешней политики МИД России о
Нюрнбергском процессе 49

В.С. Христофоров

Участие органов государственной безопасности в
подготовке и проведении Нюрнбергского процесса 55

Т.Ф. Павлова

Документы Чрезвычайной Государственной Комиссии
по установлению и расследованию злодеяний
немецко-фашистских захватчиков о Холокосте 61

А.И. Борозняк

Нюрнбергский процесс в зеркале исторического
сознания и исторической науки ФРГ 72

РАЗДЕЛ III. Подготовка и проведение Нюрнбергского процесса

А.В. Шубин

Фашизм как тенденция европейской политической
культуры 99

М.Ю. Мягков	
Вопрос о наказании нацистских военных преступников в дискуссиях лидеров Антигитлеровской коалиции	103
Е.Н. Кульков	
Нацистские преступные организации сквозь призму Нюрнбергского приговора	112
Н.С. Лебедева	
СССР и Нюрнбергский процесс	139
Г.И. Богуш	
А.Н. Трайнин и значение его идей для Нюрнбергского процесса	166
Дж. Ч. Робертс	
Ирландия, Великобритания и Нюрнбергский процесс	174
М.С. Зинич	
Преступления нацистов против культуры (по материалам Нюрнбергского процесса)	182
А.Ю. Борисов	
Нюрнберг-2: о несостоявшемся суде над спонсорами нацизма	192
И.С. Яртых	
Право на защиту на Нюрнбергском процессе (историко-философский аспект)	208

РАЗДЕЛ IV. Реализация идей Нюрнберга

Ю.Н. Малеев	
Против искажения юридических итогов Великой победы над фашистской Германией	221
Ю. Царуски	
Судебное преследование преступлений в нацистских концлагерях, 1945-1990 гг.	233
С.П. Минаков	
Актуальные уроки Нюрнберга	241
С.В. Глотова	
От Нюрнберга до Гааги: эволюция идеи международного уголовного суда	252
Сведения об авторах	265

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник посвящён шестидесятилетию со дня окончания Нюрнбергского процесса – самого значительного судебного разбирательства в истории человечества. Перед Судом народов предстали нацистские лидеры, сконцентрировавшие в своих руках необъятную власть, олицетворявшие собой расовую ненависть, террор, агрессию и геноцид. Они были осуждены Международным военным трибуналом за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Преступными организациями были признаны СС, СА, гестапо, руководящий состав НСДАП.

В ходе 403 заседаний судьи тщательно исследовали несколько тысяч документов, которые были захвачены союзными армиями в германских армейских штабах, в правительственных зданиях. Некоторые из них были зарыты в землю, спрятаны за ложными стенами, в соляных копиях и др. Обвинение против подсудимых и преступных организаций базировалось, главным образом, на документах, составленных самими подсудимыми и их приближенными, аутентичность которых не оспаривалась за исключением одного-двух случаев. Суд допросил более 200 свидетелей, принял тысячи письменных показаний. 1 октября 1946 г. он вынес свой исторический приговор. Как злейшие враги человечества, мира и прогресса были осуждены Геринг и Гесс, Риббентроп и Кейтель, Редер и Кальтенбрунер, Дениц и Штрейхер, Ширах и Шпеер, Функ и Заукель, Иодль и Франк, Зейс-Инкварт и Фрик, Розенберг и Нейрат.

Трибунал раскрыл внутренний механизм фашистской диктатуры, показал результаты ее деятельности для целых народов и отдельных человеческих судеб, разоблачил бесчеловечную сущность нацизма, его теории, преступную политику и практику.

Нюрнбергский приговор вошел в историю как грозное предупреждение всем зачинщикам войн и конфликтов, апологетам расовой ненависти и ксенофобии.

20-21 ноября 2006 г. в Москве прошла международная научная конференция «**Нюрнбергский процесс: уроки истории**». Она проводилась Российской академией наук (Институтом всеобщей истории (ИВИ РАН) и Институтом государства и права (ИГП РАН)) и Генеральной Прокуратурой РФ при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), № гранта 06-06-85079г.

В конференции приняли участие около 150 российских и зарубежных учёных – историков и правоведов – в том числе предста-

вители США, Великобритании и Германии, журналисты, бывшие узники нацистских концлагерей, общественные деятели и др.

Вниманию читателя представляются статьи, в основу которых положены доклады участников конференции:

1) **по общим проблемам Нюрнбергского процесса** (директора ИВИ РАН А.О. Чубарьяна, директора ИГП РАН А.Г. Лисицына-Светланова и в.н.с. ИГП РАН И.А. Ледах, заместителя генерального прокурора РФ А.Г. Звягинцева);

2) **по источникам и историографии Суда народов** (директора Историко-документального департамента МИД России К.К. Провалова, начальника Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России В.С. Христофорова, начальника отдела Росархива Т.Ф. Павловой, заведующего кафедрой Липецкого государственного педагогического университета проф. А.И. Борозняка);

3) **по истории подготовки и проведения процесса** (в.н.с. ИВИ РАН А.В. Шубина, М.Ю. Мягкова, Н.С. Лебедевой, ст.н.с. ИВИ РАН Е.Н. Кулькова, ст.н.с. Института российской истории РАН М.С. Зинич, проф. МГИМО МИД РФ А.Ю. Борисова, доцента юридического факультета МГУ Г.И. Богуша, заведующего кафедрой Юридического института МИИТ И.С. Яртыха, английского историка проф. Дж.Ч. Робертса);

4) **отражающие реализацию идей Нюрнбергского процесса** (проф. МГИМО МИД РФ Ю.Н. Малеева, научного сотрудника Института современной истории в Мюнхене д-ра Ю. Царуского, доцента юридического факультета МГУ С.В. Готовой, научного сотрудника НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной Прокуратуре РФ С.П. Минакова).

Материалы сборника свидетельствуют, что Устав Международного Военного Трибунала (МВТ) и его Приговор стали важной вехой в развитии международного права, а принципы Нюрнберга легли в основу ряда международных конвенций. Из представленных в сборнике статей следует, что идея неизбежной уголовной ответственности за агрессию и исполнение преступного приказа проникла в сознание миллионов людей и можно говорить не только о политической и юридической роли Нюрнбергского процесса, но и о его нравственном значении.

Сборник рассчитан на специалистов по новейшей истории, студентов и широкий круг читателей.

Корректорская работа по сборнику проведена н.с. ИВИ РАН Г.П. Добросельской.

Н.С. Лебедева, В.В. Ищенко

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ XX ВЕКА

Конференция, посвященная юбилею Нюрнбергского процесса, открылась 20 ноября. И это не случайно – 20 ноября 1945 г. состоялось первое судебное заседание Международного военного трибунала. 1 октября 1946 г. был оглашен его Приговор. «Суд народов» довершил военный крах фашистского рейха его морально-политическим разгромом. Устав и Приговор МВТ внесли неоценимый вклад в развитие международного права. Нюрнбергские нормы – юридические и моральные – прочно вошли в общественное сознание.

Однако дорога к Нюрнбергу была долгой и не простой. XX век, век небывалого научно-технического прогресса, в то же время породил такие страшные явления, как мировые войны, фашизм, геноцид и холокост. Преступления, совершавшиеся в ходе глобальных конфликтов, становились уже не просто реализацией злой воли отдельных командиров и солдат, но целенаправленной деятельностью государственных машин в целях устрашения противника, закрепления результатов агрессии и уничтожения народов.

Все возрастающую опасность войн для мирового сообщества осознавали многие государственные и общественные деятели. Они пытались ограничить право государств и их армий совершать те или иные антигуманные действия в ходе вооруженных конфликтов. Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. защищали права военнопленных, мирных граждан, стремясь ввести войну в цивилизованные рамки. Однако ход истории показал недостаточность предпринятых усилий, поставил вопрос о необходимости признать само развязывание войны международным преступлением.

В Первой мировой войне участвовали 33 государства с населением свыше 1,5 млрд человек, или 87% населения планеты. Она унесла жизни более 10 млн человек.

Германия ратифицировала Гаагские конвенции 1907 г., тем не менее, ее лидеры не намеревались придерживаться их норм. В самом начале Первой мировой войны Вильгельм II писал австрийскому императору Францу-Иосифу: «Все должно быть утоплено в крови и огне. Необходимо убивать мужчин и женщин, детей и стариков. Нельзя оставить ни одного дома, ни одного дерева. Этими

террористическими методами, единственными, которые способны устрашить такой выродившийся народ, как французы, война будет завершена менее чем за два месяца»¹.

Окончание Первой мировой войны привело к глобальным изменениям в мире: потерпела сокрушительное поражение в войне одна из самых крупных европейских стран – Германия; в небытие ушла австро-венгерская монархия; под натиском Октябрьской революции 1917 г. распалась Российская империя и возникла большевистская Страна Советов, оплот мирового коммунизма. В Центральной и Юго-Восточной Европе появились новые независимые государства. Лидирующие позиции в Западной Европе заняли Англия и Франция; набиравшие силу США выходили на авансцену мировой политики с претензиями на ведущее положение в мире. Именно руководители США, Англии и Франции стали творцами Версальской системы, которая отражала новое видение мира державами-победительницами. Конструировалось нечто вроде нового «европейского равновесия», строилась заново международно-политическая система. В качестве неотъемлемой части Версальского мирного договора был принят Статут Лиги Наций – международной межправительственной организации, провозгласившей в качестве основной своей цели «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безопасности».

Одним из элементов Версальской системы должно было стать наказание тех, кто санкционировал и руководил совершением тяжчайших военных преступлений. 25 января 1919 г. на пленарном заседании Парижской мирной конференции была избрана Комиссия по изучению вопроса об уголовной ответственности за преступления войны. На основе огромного материала, представленного Англией, Францией, Бельгией, Сербией и другими государствами, Комиссия составила доклад. По содержащимся в нем рекомендациям в Версальский мирный договор был вставлен специальный VII раздел «Санкции». В нем предусматривалась уголовная ответственность Вильгельма II и его соратников; создание международного суда из 5 судей (по одному от США, Великобритании, Франции, Италии и Японии) для суда над ними; право союзников привлекать к военным судам и наказывать лиц, виновных в нарушениях права войны, независимо от суда над ними в Германии; те, кто совершил преступления против граждан одной из союзных стран, должны были предстать перед военным судом этой страны, виновные в совершении злодеяний в нескольких странах – перед сме-

¹ Цит. по: Дурденевский В. Н. На пути к международному уголовному правосудию // Научные записки Института внешней торговли. Вып. I. М., 1945. С. 178.

шанными судами; Германия обязывалась выдать в ступников союзникам и предоставить им необходимые и сведения.

Гри.

16 января 1920 г. союзные державы направили Голландии, сославшись на традиции своей страны, всеобщей пристанищем для побежденных, не отступили от принципа и на этот раз. Суд над Вильгельмом II так и не состоялся. Тем не менее, Версальский договор создал правовую норму привлечения руководителя государства и его сподвижников к уголовной ответственности и предания их суду международного трибунала, которая была реализована уже после окончания Второй мировой войны в Нюрнберге.

Среди идей, волновавших человечество, издавна была идея «вечного мира» и избавления от истребительных войн. Об этом писали в разное время многие выдающиеся умы – Платон и Эразм Роттердамский, Леонардо да Винчи и Томас Мор, Гете и Кант, французские просветители и русские революционные демократы. Первая мировая война, возникновение фашистских движений и режимов в Европе, все увеличивавшаяся угроза миру со стороны Германии, Италии, Японии вновь вызвали бурный рост антивоенных настроений. Это побудило европейский истеблишмент выступить с инициативой принятия международных актов, запрещающих прибегать к войне как средству разрешения споров и даже признающих ее международным преступлением. В результате в Лиге Наций был разработан и принят в 1924 г. Протокол о мирном урегулировании международных споров («Женевский протокол»). В нем объявлялось, что агрессивная война представляет собой нарушение солидарности членов международного сообщества и «является международным преступлением». Этот протокол был рекомендован членам Лиги Наций в резолюции, принятой на Ассамблее 48 членов Лиги Наций, и подписан руководящими государственными деятелями мира, представлявшими подавляющее большинство цивилизованных государств и народов². Да и в самом Статуте Лиги Наций (Версаль, 1919 г.), подписанном, в том числе, и Германией, высокие договаривающиеся стороны признавали необходимость для развития мира и безопасности принять «обязательства не прибегать к войне».

24 сентября 1927 г. на заседании Ассамблеи Лиги Наций все делегации (включая германскую, итальянскую и японскую) едино-

² Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. М., 1999. Т. 8. С. 608.

гласно приняли декларацию, в которой указывалось, что «агрессивная война никогда не может служить средством урегулирования международных споров и вследствие этого является международным преступлением».

18 февраля 1928 г. 21 американские республики в резолюции шестой Гаванской конференции, в свою очередь, заявили, что агрессивная война является «международным преступлением против рода человеческого». И, наконец, Генеральный договор об отказе от войны от 27 августа 1928 г., известный как Парижский пакт или Пакт Бриана–Келлога, связал 63 страны, включая Германию, обязательством отказа от войны как орудия национальной политики. Таким образом, к началу Второй мировой войны в международном праве агрессия уже рассматривалась не только как незаконный акт, но и как международное преступление³.

Вторая мировая война, втянувшая в свою орбиту 61 государство, четыре пятых всего населения земного шара, лишь подтвердила своевременность и огромную значимость международно-правовой нормы, признающей агрессию тягчайшим преступлением.

Гитлеровская Германия, развязывая новую мировую войну, преследовала цель не просто передела мира, но завоевания мирового господства. В ходе продвижения к ней совершались чудовищные преступления, которые планировались заранее, исподволь готовились и осуществлялись на государственном уровне. Ставилась задача истребления целых народов – поголовного для евреев и цыган, многомиллионного для славян, превращения в рабов и германизацию для остальных лиц не арийского происхождения. Для этого создавались концлагеря, эйнзатцгруппы, конструировались газовые печи и душегубки, производились «Циклон А» и «Циклон Б», агрегаты для дробления человеческих костей, аппаратура для производства из них удобрений и т.д.

Задолго до начала агрессии против Советского Союза Гитлер говорил одному из своих приближенных Раушнингу: «Мы должны развивать технику обезлюживания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюживанием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц, и это то, что я намерен осуществить, это, грубо говоря, моя задача... Я имею право устранить миллионы низших рас, которые размножаются как черви»⁴.

Гитлеровская Германия полностью отбросила общепринятые и установленные Гаагскими и Женевскими конвенциями правила ведения войн. Она не считалась ни с какими нормами междуна-

³ Там же. С. 604-608.

⁴ Лебедева И.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975. С. 7.

родного права, ни с какими требованиями человеческой морали. Фашистские захватчики прибегали к самым жестоким методам и средствам ведения войны, разрушая без военной необходимости города и села, превращая оккупированные территории в «выжженную землю», применяя нечеловеческие пытки и изощренную жестокость к военнопленным и гражданским лицам.

Освенцим, Трешлинка, Дахау, Майданек, Бухенвальд, Яновский лагерь, Саласпилс, Бабий Яр стали синонимами варварского истребления людей, не идущего ни в какое сравнение даже с ужасами средневековой инквизиции. Невозможно забыть трагедию французского города Орадур-сюр-Глан, чешской деревни Лидице. В Белоруссии же оккупанты сожгли более 9 тыс. деревень, из них 5 тыс. со всем населением, включая детей и стариков. Генерал-губернатор оккупированных польских территорий Г. Франк, в 1945 г. представший перед МВТ, заявил одной из газет по поводу вывешенного объявления о казни 7 чешских студентов: «Если бы я хотел вывешивать плакаты по поводу расстрела каждых семи поляков, то в Польше не хватило бы лесов, чтобы производить бумагу для этих плакатов». И он не преувеличивал – в Польше в годы Второй мировой войны погибло от рук гитлеровских оккупантов и спровоцированного ими голода 6 млн человек. На временно оккупированной территории СССР германские фашисты истребили 10 млн мирных советских граждан и военнопленных.

Человеческая цивилизация была спасена ценой величайших усилий и жертв всех держав Антигитлеровской коалиции, решающий же вклад в победу внес именно советский народ.

С первых дней войны лидеры стран, противостоявших Германии, предупреждали нацистских главарей и их приспешников о неминуемой расплате за совершаемые ими преступления. Сама идея проведения международного судебного процесса над главными военными преступниками была выдвинута правительством СССР. 14 октября 1942 г. оно опубликовало заявление, в котором указывалось: «Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии»⁵.

Руководители же США и Великобритании вплоть до Ялтинской конференции отстаивали идею внесудебного наказания нацистских

⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1944. Т. 1. С. 314-319.

главарей, чьи преступления не были связаны с определенным географическим местом. Лишь после возвращения из Крыма в феврале 1945 г. президент США Ф.Д. Рузвельт одобрил принцип проведения гласного международного судебного процесса. Англичане же продолжали противиться этому методу действия. 6 апреля 1945 г., в канун разгрома гитлеризма, лорд-канцлер Великобритании Д. Саймон писал помощнику президента США судье С. Розенману: «Я обеспокоен перспективой длительного процесса, в ходе которого будут обсуждаться разного рода вопросы – юридические и исторические, – могущие привести к существенным противоречиям и спорам в мире, к непредвиденной реакции». В том же духе был составлен и ответ британского правительства США от 23 апреля, в котором выражалась глубокая обеспокоенность, связанная с подобным курсом, и вновь подчеркивалось, что «казнь без суда более предпочтительна»⁶. Лишь 2 мая в Сан-Франциско на совещании глав внешнеполитических ведомств СССР, США, Великобритании и Франции Англия дала согласие на проведение международного судебного процесса над гитлеровскими главарями.

26 июня 1945 г. в Вестминстере состоялось первое официальное заседание Лондонской конференции по разработке соглашения о создании Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками стран оси. Перед ее участниками лежало два проекта – советский и американский, которые кое в чем совпадали, но имели и ряд принципиальных различий. Работа конференции как раз и была направлена на то, чтобы на их основе разработать единый текст, приемлемый для делегаций СССР, США, Великобритании и Франции. Биограф Р. Джексона, ставшего главным обвинителем от США на Нюрнбергском процессе, отмечал, что представители США «исходили из того, что большинство главных военных преступников находились в их руках», и, пользуясь этим, «придерживались спокойной, твердой, тактической агрессивности»⁷. Однако твердая позиция советских делегатов – генерал-майора юстиции И.Т. Никитченко и профессора А.Н. Трайнина свели эту тактику на нет. Джексон, в ряде случаев пытавшийся действовать языком ультиматумов, был вынужден отказаться от методов нажима и перейти к деловому, спокойному обсуждению.

8 августа 1945 г. представители СССР, США, Великобритании

⁶ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). 1945. Vol. III. P. 1161; *Pompe C.A. Aggressive War – an International Crime. The Hague, 1953. P. 89.*

⁷ *Gerhart E. America's Advocate: Robert H. Jackson. Indianapolis, 1958. P. 319-322.*

и Франции подписали Соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников, неотъемлемой частью которого являлся Устав Международного военного трибунала (МВТ). 19 государств присоединились к нему, тем самым МВТ был создан по воле 23 стран, сокрушивших фашистскую Германию. И сам Трибунал, и Комитет обвинителей были сформированы из представителей СССР, США, Великобритании и Франции.

29 августа был обнародован первый список главных военных преступников, включавший имена двадцати четырех ведущих нацистских политиков, промышленников, военных, дипломатов, идеологов — Геринга, Гесса, Риббентропа, Бормана, Кейтеля, Лея, Круппа, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Шахта, Функа, Деница, Рёдера, Шираха, Заукеля, Йодля, Папена, Зейсс-Инкварта, Шпеера, Нейрата и Фриче.

В начале октября была закончена работа по составлению Обвинительного заключения, которое 18 октября было вручено Секретариатом Международного военного трибунала каждому из обвиняемых. Подсудимые обвинялись в том, что они планировали, готовили и развязывали агрессивные войны, т.е. в преступлениях против мира; в убийствах и истязаниях военнопленных и мирных жителей, угоне гражданского населения на принудительные работы в Германию, убийствах заложников, ограблениях общественной и частной собственности, т.е. в военных преступлениях; в истреблении, порабощении, ссылках и других жестокостях, совершенных в отношении гражданского населения по политическим, расовым или религиозным мотивам, иными словами, в преступлении против человечности⁸.

Суду были преданы также руководящий состав национал-социалистической партии, гестапо, охранные отряды национал-социалистической партии (СС), ее служба безопасности (СД), штурмовые отряды (СА), правительственный кабинет, Генеральный штаб и верховное командование вермахта. Констатировать юридически преступный характер этих организаций было необходимо для того, чтобы обеспечить возможность национальным судам привлекать к ответственности за принадлежность к ним отдельных лиц.

Начавшийся в нюрнбергском Дворце юстиции 20 ноября 1945 г. суд являлся, по словам председателя МВТ Дж. Лоуренса, «единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции» и имел величайшее значение для миллионов людей на всем земном

⁸ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 274-340.

шаре⁹.

На скамье подсудимых оказалась почти вся нацистская верхушка, за исключением Гитлера, Геббельса и Гимmlера, покончивших жизнь самоубийством; разбитого параличом Г. Круппа, дело которого было выделено и приостановлено; исчезнувшего и судимого заочно Бормана; Лея, повесившегося в камере нюрнбергской тюрьмы после ознакомления с Обвинительным заключением.

Нюрнбергский процесс был гласным в самом широком смысле этого слова. В ходе его состоялись 403 открытых судебных заседания. В зал суда было выдано 60 тыс. пропусков, многие из них получили немцы. Радио, кино, печать дали возможность миллионам людей во всем мире следить за ходом процесса. Для этого представителям прессы была отдана большая часть мест — 250 из 350.

Судебное разбирательство было построено по принципу состязательности, что означает предоставление защите и обвинению равных возможностей предъявлять доказательства, ходатайствовать о вызове свидетелей, производить перекрестные допросы, выступать с речами. Защита подсудимых осуществлялась немецкими адвокатами. Открывая процесс, Дж. Лоуренс заявил: «Трибунал весьма удовлетворен мерами, принятыми главными обвинителями для того, чтобы защита получила доступ к многочисленным документам, на которых основывается обвинение, с целью предоставить обвиняемым полную возможность справедливой защиты»¹⁰.

Защитники в первый же день процесса попытались поставить под сомнения правомерность самого суда. Они утверждали, что предъявленные им подолечным обвинения не значились ранее в международных актах и вменяются им в вину постфактум на базе послевоенного Соглашения и Устава, разработанных победителями. Трибунал, рассмотрев протест защиты, отклонил его и решил продолжить рассмотрение дела. После зачтения Обвинительного заключения МВТ опросил подсудимых, признают ли они себя виновными. Чаще всего следовали ответы: «Не признаю себя виновным в том смысле, как мне предъявлено обвинение» (Геринг, Риббентроп, Розенберг, Ширах) или «не признаю себя виновным» (Кейтель, Франк, Функ, Редер и др.). Гесс же заявил, что признает себя виновным лишь «перед Богом»¹¹.

Затем с обвинительными речами выступили главные обвинители от США, Великобритании, Франции и СССР. Приведу лишь некоторые положения их выступлений. Американский обвинитель

Там же. С. 357.

⁹ Там же. С. 358.

Там же. С. 358-359.

Роберт Джексон сказал: «Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся». Он подчеркнул, что судебное разбирательство отражает стремление народов использовать право для того, чтобы противодействовать величайшей угрозе нашего времени – агрессивной войне¹².

Главный обвинитель от Великобритании, в свою очередь, указал: «Этот Трибунал, который, несмотря на то, что он создан державами-победительницами, будет действовать с полной юридической объективностью, заложит краеугольный камень в разрешение вопросов современности и явится авторитетной и беспристрастной летописью, к которой будущие историки могут обращаться в поисках правды, а будущие политики – в поисках предупреждения»¹³.

Французский главный обвинитель Франсуа де Ментон, обращаясь к судьям, сказал: «Ваш приговор должен быть вписан в историю международного права как решающий документ по подготовке создания подлинно международного сотрудничества, исключающего обращение к войне на все времена... Этот приговор будет одним из краеугольных камней мирового порядка, к которому стремятся народы после перенесенных мучений»¹⁴. Он остановился подробно на расовой теории нацистов, теории жизненного пространства, проследил их истоки, проанализировал характер преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных в оккупированных Германией странах Западной Европы.

Главный обвинитель от СССР, народ которого испытал всю тяжесть гитлеровской агрессии и оккупации, принес невероятные жертвы на алтарь победы, Роман Андреевич Руденко завершал выступления главных обвинителей. Он сказал: «Впервые в истории человечества правосудие сталкивается с преступлениями такого масштаба, вызвавшими такие тяжелые последствия. Впервые перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и само государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений. Впервые, наконец, в лице подсудимых мы судим не только их самих, но и преступные учреждения и организации, ими созданные, человеконенавистнические «теории» и «идеи», ими распространяемые в целях осуществления давно задуманных пре-

¹² Там же. С. 390-392.

¹³ Там же. С. 454.

¹⁴ Там же. С. 572.

ступлений против мира и человечества... Во имя священной памяти миллионов невинных жертв фашистского террора, во имя укрепления мира во всем мире, во имя безопасности народов в будущем – мы предъявляем подсудимым полный и справедливый счет. Это – счет всего человечества, счет воли и совести свободолюбивых народов. Пусть же свершится правосудие!»¹⁵.

После выступлений каждого их главных обвинителей представлялись документальные и вещественные доказательства нацистских преступлений, демонстрировались документальные фильмы. В задачу обвинения входило не только доказать виновность обвиняемых и преступных организаций, но и воссоздать систему и механизм действия величайшего из зол XX века – фашизма. Главные обвинители, их заместители и помощники вскрыли суть фашистской диктатуры, показали ее разрушительные последствия. При этом они не ставили знака равенства между нацистами и германским народом. Представленные обвинением свыше 3 тыс. документальных доказательств были столь убедительны, что подсудимые и их защитники не смогли противопоставить им сколь-нибудь весомых контраргументов. «Обвинение против подсудимых, – констатируется в Приговоре Трибунала, – базируется в большей степени на документах, составленных ими самими, аутентичность которых не оспаривалась за исключением одного или двух случаев»¹⁶.

Нюрнбергский процесс длился долгих десять месяцев. Он проходил во время постепенного нарастания холодной войны. Перемены в международном климате не остались незамеченными на скамье подсудимых. Некоторым казалось, что Трибунал вот-вот распадется, прекратит свою деятельность. Подсудимые и их защитники все чаще стали прибегать к различного рода политическим провокациям, надеясь создать такую трещину в отношениях между обвинителями и членами трибунала от разных стран, в которую бы «мог провалиться здесь весь Нюрнбергский процесс»¹⁷.

И вот прения сторон закончились. Заключительные речи обвинителей отличались все тем же единодушием, которое не смогли поколебать нарастающие противоречия между союзниками. Нюрнберг доказал, что сотрудничество представителей государств с различным социальным строем возможно не только в экстремальных условиях вооруженной схватки с общим врагом, но и в обстановке мира. Это было сделано в то время, когда во многих областях сотрудничество уже было нарушено и распространялся

¹⁵ Там же. С. 573, 636.

¹⁶ Там же. Т. 8. С. 565.

¹⁷ Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. М., 1983. С. 91.

страх перед возможным столкновением Запада и СССР.

1 октября 1946 г. Международный военный трибунал вынес свой исторический Приговор. Суд приговорил Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Заукеля, Йодля, Зейсс-Инкварта, Кальтенбруннера и Бормана (заочно) к смертной казни через повешение; Гесса, Рёдера и Функа – к пожизненному заключению; Шираха и Шпеера – к 20 годам, Нейрата – к 15 годам и Деница – к 10 годам тюремного заключения. Подсудимые Шахт, Папен и Фриче были оправданы.

Трибунал признал преступными организациями руководящий состав национал-социалистической партии, СС, СД и гестапо. Однако большинством голосов представителей западных держав МВТ не счел нужным объявить преступными организациями гитлеровское правительство, Генеральный штаб и верховное командование вермахта, указав, что их члены могут быть привлечены к суду индивидуально. Не были названы преступной организацией и штурмовые отряды (СА), хотя в Приговоре и констатировалось, что до чистки, начавшейся 30 июня 1934 г., они представляли собой «группу, состоявшую большей частью из негодяев и головорезов, которые участвовали в нацистских эксцессах того периода»¹⁸.

Член трибунала от СССР И.Т. Никитченко в Особом мнении заявил о своем несогласии с оправданием Шахта, Папена и Фриче, недостаточно суровым наказанием Гессу, непризнанием Генерального штаба, верховного командования и правительственного кабинета преступными организациями¹⁹.

Но эти пункты Приговора не изменили общей направленности вердикта.

Приговор Нюрнбергского трибунала был встречен с глубоким удовлетворением всеми народами, кровно заинтересованными в сохранении мира и предотвращении войны. Подавляющее большинство немецкого населения, по данным многочисленных опросов общественного мнения, сразу после процесса также считало, что суд в Нюрнберге проводился в соответствии с нормами международного права, был законным, а его Приговор справедливым.

Нюрнбергский процесс стал важной вехой в истории международных отношений. И дело не только в том, что Трибунал осудил гитлеровскую клику и преступные организации фашизма, точно и достоверно установил масштабы содеянных злодеяний и личное участие в них каждого из подсудимых. В наше время, когда оружие массового уничтожения людей грозит самому существованию

¹⁸ Нюрнбергский процесс. Т. 8. С. 656.

¹⁹ Там же. С. 722-740.

человечества, особенно важно то, что Нюрнберг означал конец безнаказанности агрессии, что впредь нормы международного уголовного права могут реально защищать мир.

Впервые в истории руководители государства были наказаны как уголовные преступники, виновные в подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны, претворен в жизнь принцип, гласящий, что «положение в качестве главы государства или руководящего чиновника правительственных ведомств, равно как и то, что они действовали по распоряжению правительства или выполняли преступный приказ, не является основанием к освобождению от ответственности». «Война, — подчеркивается в Приговоре, — по самому своему существу — зло, ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных».

Важно, что Трибунал осудил и различные формы пособничества и сотрудничества с нацистами. И как следствие этого во многих странах были осуждены за коллаборационизм и сотрудничество с нацистами многие представители даже высших кругов общества.

Принципы Устава и Приговора Трибунала были подтверждены 11 декабря 1946 г. Генеральной Ассамблеей ООН. С этого времени идеи Нюрнберга стали общепризнанными нормами международного права.

Трибунал мог бы внести еще больший вклад в общее дело Объединенных Наций, если бы его деятельность не ограничилась только одним процессом. Однако изменившаяся обстановка в мире поставила под удар дальнейшее международное сотрудничество в деле судебного преследования и наказания главных военных преступников. Советский Союз и Франция выступали за продолжение деятельности Трибунала, и в частности, за скорейшую подготовку второго процесса — суда над крупными германскими промышленниками. Однако ни США, ни Великобритания не поддержали это предложение. 17 июня 1946 г. американский генерал Т. Тэйлор, на которого была возложена задача организации последующих процессов, запросил инструкции. В своем ответе государственный секретарь США Д. Бирнс писал: «Соединенные Штаты не могут официально предстать в роли государства, не желающего организации следующего процесса... Но если план реализации второго процесса провалится, то ли вследствие несогласия между остальными тремя правительствами, то ли вследствие того, что одно или

более из трех правительств не согласится на условия и требования, которые необходимы с точки зрения интересов США, то тем лучше». В докладе Р. Джексона Г. Трумэну от 7 октября также говорилось, что «у США нет ни моральных, ни юридических обязательств предпринимать другой процесс такого рода»²⁰.

Итак, значение Нюрнбергского процесса непреходяще. Его принципы остро актуальны и сегодня, когда во многих странах поднимают голову крайние радикалы и неофашисты, нарастает угроза терроризма, ксенофобии и расовой ненависти, а в ряде стран предпринимаются попытки оправдать тех, кто сотрудничал с нацистами в годы войны, участвуя тем самым в преступлениях против человечества.

Уроки истории, преподанные в Нюрнберге, и сегодня призывают нас к борьбе с любыми проявлениями подобного рода. Они свидетельствуют о необходимости международного сотрудничества для предотвращения этих опасных для всего человечества явлений. Нюрнбергская идея уголовной ответственности за агрессию глубоко проникла в сознание сотен миллионов людей. Поэтому надо говорить не только о политической и юридической роли процесса, но и его нравственном значении. Он способствовал росту общественного сознания, обострению чувства ответственности народов в вопросах войны и мира.

И очень важно, чтобы и в наши дни история Нюрнбергского процесса и его решений не уходила из памяти народов, освещалась бы в учебниках и книгах для молодого поколения, рассказывая и о страшной трагедии XX века, и о неумолимом наказании тех, кто принес столько страданий всему человечеству.

²⁰ См.: Лебедева Н.С. Указ. соч. С. 191-192.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

60-я годовщина Нюрнбергского процесса – событие мирового значения. Чем больше времени отделяет нас от этого события, тем все значимее становятся те непреходящие ценности и принципы, которые были сформулированы на этом историческом процессе. Они стали одним из основных источников как международного, так и национального права государств-членов ООН.

Прошли десятилетия, изменился мир, возникли новые тенденции, новое мироустройство, однако уроки Нюрнберга выступают как предостережение в военных и межнациональных конфликтах. Однополярный мир порождает новые войны: без санкции Совета Безопасности ООН против государства применяется военная сила, порождающая и массовые грубые нарушения прав человека.

Принципы и нормы Нюрнберга служат правовой основой оценки острых проблем, возникающих во взаимоотношениях между государствами, когда предпринимаются попытки исказить итоги Второй мировой войны, принизить роль Советского Союза в победе над фашизмом. Это касается юридической квалификации многих четко выверенных в Нюрнберге правовых позиций и подтвержденных ими норм международного обычного права, обязательных для всех государств.

Прямо искажая смысл общепризнанных установлений Нюрнбергского трибунала, правящие круги ряда стран Балтии делают ставку на оправдание и даже героизацию участия многих граждан Латвии и Эстонии в составе нацистских частей СС на оккупированных Германией территориях. Однако итоги Нюрнберга со всей очевидностью указывают на недопустимость квалифицировать их участие в войсках СС иначе как преступное, ибо сама эта организация была признана Приговором Международного военного трибунала (МВТ) в качестве преступной. Принятое МВТ решение о преступности СС, представлявшей оплот нацистского режима, безусловно, имело и сохраняет свое историческое значение в плане пресечения попыток предать нацизм забвению, освободить его от

ответственности и даже гальванизировать¹.

Правовые основы Нюрнбергского процесса – вместе с Уставом ООН – положили начало, по сути, новым отраслям международного права, в которых центральное место занял человек, его права и свободы. Речь идет о международном регулировании прав человека, целью которого является обеспечить гуманность, справедливость и безопасность каждому гражданину.

Судебный процесс и Приговор Нюрнбергского трибунала выявили и доказали, что военные преступления и преступления против человечности не только сопровождалась, но изначально были нацелены на систематические, массовые и грубые нарушения прав и свобод человека. Они проявлялись в массовых убийствах, безжалостном и планомерном истреблении гражданского населения оккупированных территорий, применении репрессалий и казней, уничтожении целых народов и групп населения по расовым, этническим, религиозным, политическим и другим признакам. Военные преступления и преступления против человечности включали угон на рабский труд, уничтожение миллионов людей в газовых камерах концентрационных лагерей, бесчеловечное обращение с военнопленными, применение к ним пыток и принуждения к рабскому труду, расстрелов за попытки к бегству, коллективных наказаний. Уже в Декларации Объединенных Наций, подписанной 1 января 1942 г. от имени 26 стран, отмечалось, что «полная победа над их врагами необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости»².

Исторический прецедент Нюрнбергского правосудия положил начало глобальному процессу формулирования и утверждения принципов и норм уголовной ответственности физических лиц и наказания виновных за совершенные международные преступления в ряде основополагающих международно-правовых договоров, которые сегодня обязывают все мировое сообщество, так как это право было подтверждено и признано ООН. Так, 13 февраля 1946 г. на своей первой сессии Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 3(1), приняв к сведению определение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности в Уставе Нюрнбергского трибунала, рекомендовала всем государствам, в том числе и не являвшимся членами ООН, использовать все необходимые средства для ареста военных преступни-

¹ Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. М., 1995. С. 211-212.

² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1944. Т. 1. С. 170-171.

ков и суда над ними. Через несколько недель после вынесения Приговора 11 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН единогласно приняла резолюцию 95(1), в которой подтвердила принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и его Приговором³. Генеральная Ассамблея также подтвердила обычный характер положений Лондонского соглашения, и с тех пор статья 6 Устава Нюрнбергского трибунала считается частью общего международного права, а включенные в нее положения нормами обычного права, обязывающими все государства.

Нюрнберг, высветив чудовищное положение с правами человека в условиях войны и оккупации, доказательно привел международное сообщество к глубокому осознанию необходимости регулирования и защиты прав человека на международном уровне. После окончания Второй мировой войны это стало принципиально новым этапом в развитии института прав человека, который должен гарантировать им защиту от произвола государства и создание международной системы контроля за их соблюдением. Исторически, вплоть до окончания Второй мировой войны, международное гуманитарное право и право прав человека развивались независимо друг от друга. Решительный поворот, оформивший их сближение и взаимодействие, произошел в конце 60-х годов прошлого столетия как реакция на многочисленные вооруженные конфликты во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, в африканских странах, где в массовом порядке, грубо и систематически нарушались права человека. От жестокостей и несоблюдения элементарных норм гуманитарного права и правил ведения военных действий огромные потери и страдания причинялись гражданскому населению. Поэтому, на созванной под эгидой ООН в 1968 г. (Тегеран) первой Международной конференции по правам человека был поставлен вопрос о необходимости соблюдения норм о правах человека в ситуациях вооруженных конфликтов. Конференция приняла Резолюцию 23 от 12 мая 1968 г. об уважении прав человека во время вооруженных конфликтов. Вслед за тем 19 декабря 1968 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята аналогичная по содержанию Резолюция 2444 (XXIII). В комментариях к этим резолюциям подчеркивалось, что большая часть серьезных нарушений международного гуманитарного права (МГП) одновременно

³ С тех пор Генеральная Ассамблея ООН неоднократно подтверждала обязательство государств принимать меры по расследованию военных преступлений и преступлений против человечности и преданию суду виновных лиц. К ним относятся резолюции: 2583 (XXIV) от 15 декабря 1969 г. (§ 1); 2712 (XXV) от 15 декабря 1970 г. (§§ 2 и 5); 2840 (XXVI) от 18 декабря 1971 г. (§ 1); 3074 (XXVIII) от 3 декабря 1973 г. (§ 1).

представляет собой нарушения прав человека. Уделяемое с тех пор внимание защите прав человека привело к тому, что традиционное право войны (*jus in bello*) постепенно трансформировалось в право, ориентируемое на права человека. Начинается реальный процесс конвергенции МГП и международных стандартов по правам человека. Обе принятые в 1968 г. резолюции, направленные на взаимодействие этих отраслей, проложили путь к разработке двух Дополнительных протоколов (ДП) к Женевским конвенциям 1949 г. Они были приняты в 1977 г. и на базе многих норм о правах человека расширили защиту гражданского населения в период вооруженных конфликтов. В этом отношении особое значение имело то обстоятельство, что ДП II, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов, в целом опирался на основные положения международных пактов о правах человека 1966 г. Эта позиция получила официальное закрепление в Преамбуле ДП II.

После Нюрнберга стало очевидным и то, что основополагающие права и свободы должны быть наделены статусом императивных норм, а их соблюдение поставлено под контроль и защиту международных органов.

Руководствуясь этими исторически и юридически обоснованными требованиями, Объединенные Нации в статье I Устава ООН утвердили основополагающие принципы в отношении прав и свобод: принцип равноправия и самоопределения народов (п.2); поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам без различия расы, пола, языка и религии (п.3). Положения Устава наделены силой приоритетных норм, они являются обязательными и всеобщими, даже государства, не будучи членами ООН, обязаны действовать в соответствии с принципами Устава ООН (ст. 2 п. 6).

В принятых на базе этих принципов и с учетом опыта Нюрнберга универсальных международных актах о правах человека четко обозначен свод основных прав, которые признаются в качестве неотъемлемых и не подлежат ограничениям ни при каких обстоятельствах. Это «неизменное ядро» включает право на жизнь, запрещение пыток, бесчеловечного обращения и наказания, недопустимость рабства и подневольного состояния, запрещение придания обратной силы уголовному закону, признание за каждым человеком его правосубъектности, права на свободу мысли, совести и религии (ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах; ст. ст. 3, 4, 5, 6, 7, 11 Всеобщей декларации прав человека). Равным образом нормы, исключающие отступление или ограничение от указанных и ряда других неотъемлемых прав и свобод во время войны или чрезвычайных ситуаций, содержатся в

региональных договорах о правах человека. К ним относятся ст. 15 п. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод; ст. 27 п. 2 Американской конвенции о правах человека; в несколько «ослабленном» режиме – Хартия Европейского союза о правах человека, которая в ст. 52 предусматривает пределы гарантированных прав.

Однако некоторые договоры в области прав человека допускают отступление от принятых обязательств в отношении ряда прав в условиях чрезвычайных обстоятельств, угрожающих жизни нации или безопасности государства. Правда, при этом такие меры должны быть пропорциональны масштабам кризиса, не могут быть приняты на основе дискриминации или в нарушение других норм международного права, включая МГП. Последнее в принципе не допускает никаких отступлений, поскольку оно предназначено и действует в экстремальных условиях вооруженного конфликта, устанавливая неотъемлемые гарантии защиты жертв войны. Об этом в статье 7, общей для трех Женевских конвенций, и в статье 8 IV Женевской конвенции содержится специальная норма, согласно которой «покровительствуемые лица ни в коем случае не могут отказываться, частично или полностью, от прав, обеспечиваемых им Конвенцией или специальными соглашениями, если таковые имеются». С юридической точки зрения эта запись означает, что предоставляемые покровительствуемым лицам права имеют абсолютный характер. Из этого также следует, что нормы МГП должны соблюдаться всеми сторонами конфликта. Не подлежащие отступлению императивные нормы о правах человека обычно относятся к категории уровня *jus cogens*. Подобная квалификация обеспечивает им приоритетный статус, который определяется в статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Данная статья устанавливает жесткий порядок: если какой-либо закон или договор вступает в противоречие с нормой из свода *jus cogens*, то он является недействительным. И хотя точное содержание и перечень норм *jus cogens* и по сей день вызывает споры, поскольку официально они нигде не закреплены, Комиссия международного права относит к ним право на жизнь, запрет пыток, недопустимость рабства и подневольного труда, уважение человеческого достоинства, права военнопленных, защиту гражданского населения, то есть многие из тех, которые отстаивались и защищались Нюрнбергским трибуналом⁴.

Опираясь на наследие Нюрнберга и в подтверждение свода ме-

⁴ International Law Commission. Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind. Text and commentaries to Articles 1-20 // Human Rights Law Journal. 1997. Vol. 18. No. 1-4. P. 96-134.

ждународных преступлений, влекущих личную уголовную ответственность, 9 декабря 1948 г., накануне принятия Всеобщей декларации прав человека, Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Конвенция относит геноцид, совершаемый как в мирное, так и в военное время, к разряду тяжких международных преступлений. Геноцид выделяется в ней как особо опасная новая разновидность преступлений. Согласно международному праву, это действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу. Наказуемы не только прямые действия, но и различные формы участия в них: заговор, прямое публичное подстрекательство, покушение, соучастие. Конвенция о геноциде из правила о невыдаче исключает политические преступления. В статье VII Конвенции сказано, что для целей экстрадиции геноцид не рассматривается как политическое преступление. Во время Нюрнберга преследование по политическим, расовым и религиозным мотивам входило в состав преступлений против человечности (ст. 6 «с» Устава). Судебное преследование за совершение геноцида отнесено к компетенции как международных, так и национальных судов. Международный Суд ООН в консультативном заключении от 28 мая 1951 г. признал принципы этой Конвенции имеющими характер обычного международного права, в силу чего ее обязаны соблюдать все государства, в том числе Конвенцию не ратифицировавшие.

Оценивая значение нюрнбергского правосудия, прежде всего, следует отметить, что оно безусловно послужило своеобразной «питательной средой», источником формирования и утверждения правовых позиций и механизмов, способствующих упрочению мира и защите прав человека, пресечению агрессии и отторжению войн, причиняющих людям чрезмерные страдания, голод, разруху.

Противостоять наиболее массовым и чрезмерным нарушениям прав человека в экстремальных ситуациях вооруженных конфликтов призвано международное гуманитарное право, основные принципы и нормы которого направлены на защиту жертв войны и гражданского населения, а также на ограничение с этой целью средств и методов ведения военных действий.

В августе 1949 г. вся система гуманитарных норм по защите жертв войны получила новое развернутое измерение благодаря принятию четырех Женевских конвенций, которые впитали в себя основные принципы и нормы Нюрнбергского права. Главный из них получил закрепление в статье первой, общей для всех четырех Конвенций. Государства-участники, согласно этой статье, берут на

себя обязательство «соблюдать и заставлять соблюдать положения Конвенций при любых обстоятельствах». Если при этом учесть, что Женевские конвенции ратифицированы практически всеми государствами мира (194 ратификации), то они обрели статус обычных норм международного права, следовательно, безусловно, подлежат соблюдению. Проявившееся в этом взаимодействие двух основных источников международного права — договорного и обычного — имеет первостепенное значение, поскольку оно ускоряет возможности пресечения серьезных нарушений гуманитарных принципов и норм в период вооруженных конфликтов. Многие из этих нарушений квалифицируются в качестве военных преступлений, совершаемых, в том числе и во время немеждународных (внутренних) вооруженных конфликтов, когда основными жертвами преимущественно становится гражданское население. Взаимодополняемость этих двух правовых начал при усиливающейся роли обычных норм международного права способствует обеспечению эффективной защиты прав человека, гарантируемых нормами международного гуманитарного права в отношении покровительствуемых лиц, военнопленных, гражданского населения и других категорий, относимых к жертвам войны.

Вторая мировая война и нарушение гитлеровцами всех принципов и норм гуманитарного права сопровождалась огромными потерями среди гражданского населения. Десятки миллионов человек были уничтожены в концентрационных лагерях, подвергнуты геноциду, депортации по расовым, религиозным и другим признакам, погибли под бомбами и обстрелами, умерли от голода и болезней. Как признал подсудимый В. Кейтель, человеческая жизнь на оккупированных территориях ничего не стоила. Нюрнбергский трибунал квалифицировал массовое истребление гражданского населения в качестве преступления против человечности. Вопрос о создании в рамках МГП системы защиты гражданского населения в условиях войны стал крайне актуальным.

Решению этой проблемы на правовом уровне способствовало принятие четвертой Женевской конвенции 1949 г. о защите гражданского населения во время войны. Конвенция включает нормы общей защиты гражданского населения, которые распространяются на всех лиц, затронутых вооруженным конфликтом и не принимающих участия в военных действиях.

Защита основана на обязанности конфликтующих сторон проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а равно между гражданскими и военными объектами. При этом в случае сомнений относительно статуса лица действует принцип *in dubio pro teo*, то есть презумпция признания его гражданского ста-

туса. Требование проведения различия считается основным принципом права вооруженных конфликтов. Непосредственно с ним связан запрет нападения на гражданское население или отдельных гражданских лиц; более того, запрещаются неизбирательные нападения, которые могут нанести ущерб как военным, так и гражданским лицам или объектам. Неизбирательными считаются нападения, при которых применяются методы и средства ведения военных действий, разрушительные и несоразмерные последствия которых не могут быть ограничены. Гражданское население не может быть использовано в качестве «живого щита», нападение в порядке репрессалий запрещается.

Эта защита распространяется и на гражданские объекты, включая объекты, необходимые для выживания населения. С гуманитарной точки зрения важнейшими из них являются объекты, содержащие запасы продовольствия, посевы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и ее запасы, а также ирригационные сооружения (п. 2 ст. 54, ст. 59 и 60 ДП I). Основным правилом в этом отношении является запрет нападения на гражданские объекты и презумпция гражданского характера объекта в случае сомнения. Характерная для уголовного права презумпция «*in dubio pro reo*» приобретает в контексте гуманитарного права особый смысл и первостепенную важность, ибо делает несостоятельными ссылки на ошибку, случайное попадание снаряда в гражданский объект, часто неоправданно используемые воюющими сторонами. В условиях внутреннего вооруженного конфликта в ДП II предусмотрены сходные нормы защиты, включающие запрет нападений, насилия и угроз насилием в отношении гражданского населения. Оно пользуется общей защитой от опасностей, возникающих в связи с военными операциями (ст. 13 ДП II).

Специфика МГП состоит в том, что гарантируемые им права предоставляют жертвам конфликта гораздо более эффективную защиту, которая учитывает особенности ситуации. Так, при определении права на жизнь в Международном пакте или Конвенциях о правах человека оно гарантируется посредством оговорок о допустимости отступления от международных обязательств в целях отмены смертной казни только во время войны или иного чрезвычайного положения. Между тем, защита права человека на жизнь – его естественного неотъемлемого права – приобретает особое значение в период вооруженного конфликта, который создает прямую и очевидную угрозу для жизни людей. Ответ на вопрос о правомерности или незаконности лишения кого-либо жизни в условиях вооруженного конфликта должен решаться только на основании норм МГП – *jus in bello*. К такому выводу пришел Международный

Суд ООН в Консультативном заключении относительно законности угрозы ядерным оружием или его применением от 8 июля 1996 г.

При анализе принципов и норм МГП Суд с неизбежностью пришел в своем заключении к выводу, что международное гуманитарное право содержит необходимые правовые основания для запрета применения ядерного оружия при любых обстоятельствах. Очевидно, что обоснованием такой позиции служит исконный принцип о запрете применения оружия, наносящего бесполезные или чрезмерные повреждения, который закреплен в МГП, начиная с Брюссельской декларации 1874 г. (ст. 13 «е»), воспроизведен в Гаагских конвенциях о законах и обычаях сухопутной войны 1899 и 1907 г. (ст. 23 «d») и поныне действует в ст. 35 п. 2 ДП I и п. 2 ст. 6 ДП II. Принцип включен в Конвенцию о запрещении или ограничении применения конкретных видов оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющие неизбирательное действие, 1980 г. (мотивировка 3 Преамбулы) и в п. 2 ст. 6 Протокола II к указанной Конвенции, а также закреплен в поправках 1996 г. к этому Протоколу (п. 3 ст. 3).

Наряду с этим, несмотря на противодействие ядерных держав, в пользу запрета активно выступала Генеральная Ассамблея ООН. Начиная с 1961 г. она приняла более десятка резолюций, не только прямо запрещающих применение ядерного оружия, но во многих из них квалифицировала такое применение как преступление против человечности.

Исходя из констатации неустранимых последствий применения ядерного оружия, которое может привести к истреблению человечества, уничтожению всей цивилизации и экосистемы планеты, вредоносному воздействию на природную среду и угрозу жизни и здоровью будущих поколений людей, Международный Суд ООН признал: любая угроза ядерным оружием и его применением должна регулироваться соответствующими принципами и нормами международного гуманитарного права.

Таким образом, анализируя правовые аспекты комплекса проблем, связанных с угрозой и применением ядерного оружия, Суд обосновал и подтвердил правомерность решения вопроса о применении ядерного оружия на основании МГП. При этом Суд также указал на возрастающую роль международного обычного права, значение оговорки Мартенса и другие связанные с этим правовые позиции⁵.

⁵ Подробные комментарии и анализ основных положений Консультативного заключения опубликованы в специальном выпуске Международного Журнала Красного Креста, янв. – февр. 1997. № 14. С. 144.

В плане защиты жизни МГП устанавливает запрет убийства всех категорий покровительствуемых лиц – раненых, больных, военнопленных, гражданского населения, а также противника, который сложил оружие, сдался или не имел возможности защищаться. Помимо этого МГП вводит ограничения на применение смертной казни в отношении военнопленных (ст. 101 ЖК III); запрещается приводить в исполнение смертный приговор в отношении лиц, не достигших 18 лет (ст. 77 ДП I); запрещается выносить смертный приговор в отношении беременных женщин и матерей, имеющих малолетних детей (ст. 76 ДП I).

Под непосредственным влиянием Нюрнберга проведена и реформа важнейшего раздела МГП о правовом статусе военнопленных. В 1949 г. была принята третья Женевская конвенция, в основу которой положен принцип: «с военнопленными следует обращаться гуманно» (ст. 13). Согласно этой статье, военнопленные должны всегда пользоваться защитой от всяких актов насилия или запугивания, применение к ним пыток и репрессалий запрещается. Равно воспрещается применение к ним коллективных наказаний за индивидуальные проступки, любых телесных наказаний и проявлений жестокости. При любых обстоятельствах военнопленные имеют право на уважение к их личности и чести, – говорится в статье 14 Конвенции. За соблюдение всех прав и норм, обеспечивающих гуманные условия содержания военнопленных, ответственность возлагается на государство, во власти которого они находятся. Этот принцип специально записан в статье 12: «Военнопленные находятся во власти неприятельской Державы, а не отдельных лиц или воинских частей, взявших их в плен». Это значит, что держава, во власти которой они находятся, несет ответственность за все, что с ними происходит. Любой незаконный акт или бездействие со стороны держащей в плену Державы, приводящие к смерти военнопленного или ставящие его здоровье под угрозу, запрещаются и рассматриваются как серьезные нарушения Конвенции.

Важное значение имеет статья 4 Конвенции о категориях военнопленных, которым предоставляется этот статус, права и условия содержания в соответствии с Конвенцией. В этой связи особого внимания заслуживает проблема соблюдения судебных и иных гарантий, установленных МГП в отношении военнопленных. Конвенция об обращении с военнопленными в статьях 84-87 и в специальном разделе – Судебное преследование (ст. 99-108) – предусматривает обязанность держащей в плену Державы соблюдать в отношении подвергшихся преследованию военнопленных основные общепризнанные гарантии независимого и беспристрастного суда, обеспечение прав на защиту, в полном объеме включенных в

ст. 105 этой Конвенции.

Однако подобным запрещенным действиям, квалифицируемым в качестве серьезных нарушений МГП, в течение многих лет подвергаются узники американского лагеря Гуантанамо. Американские власти объясняют или точнее оправдывают практику жестокого и бесчеловечного обращения с заключенными тем, что последние не могут быть признаны военнопленными, а являются на самом деле террористами из отрядов движения Талибан и потому на них не распространяется действие норм третьей Женевской конвенции о гуманном обращении с военнопленными. Подобные «объяснения» не могут быть приняты во внимание, по меньшей мере, в силу двух обстоятельств. Во-первых, на лиц, подозреваемых в терроризме, независимо от того, попали они в плен или задержаны по каким-либо иным причинам, распространяются положения третьей или четвертой Женевских конвенций. С ними следует обращаться в соответствии с женевскими нормами, регулирующими режим содержания под стражей. Их можно преследовать по суду, если они совершали насильственные действия, запрещенные МГП, но они имеют право на определенные судебные гарантии. Повторим, независимо от того, входили они в состав вооруженных сил или иных сражающихся формирований, или являются гражданскими лицами, участвовавшими в боевых действиях («незаконные бойцы»), они остаются под защитой международного гуманитарного права. Одновременно государства должны соблюдать судебные гарантии и согласно юридическим обязательствам по праву прав человека.

«Объяснения» американских властей в оправдание бесчеловечного режима в Гуантанамо не могут быть приняты во внимание и потому, что захваченные ими лица содержатся в заключении уже несколько лет без предъявления обвинения и без суда. Как очевидно, сложившуюся ситуацию следует признать грубейшим нарушением норм о судебных гарантиях и основных правах человека, отступление от которых недопустимо ни при каких обстоятельствах. К их числу, как известно, относятся абсолютный запрет применения пыток, право на жизнь, защита человеческого достоинства и некоторые другие права и свободы. Они закреплены как в Женевских конвенциях, так и в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., а также во многих других международных и региональных актах о правах человека.

Особое место в сопоставимых отраслях занимает проблема борьбы с наиболее серьезными и тяжкими нарушениями прав человека — пытками, которые широко применяются как в мирное, так и в военное время. Пожалуй, именно в данной позиции обе отрас-

ли наиболее активно взаимодействуют. Во всяком случае на международном и региональном уровнях во второй половине XX столетия разработан большой массив нормативных актов по предупреждению и пресечению пыток. Первым международным юридическим документом, объявившим пытки вне закона, стала Всеобщая декларация прав человека (ст. 5). В 1950 г. принята Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, статья 3 которой запретила пытки. Конвенция ООН против пыток 1984 г. стала первым обязательным международным документом, запрещающим пытки в любых условиях и на любой территории (п. 2 ст. 2; ст. 4). Они запрещены и согласно ст. 7 Международного пакта о правах человека (МППЧ), ст. 37 (а) Конвенции о правах ребенка, а также в соответствии со всеми региональными конвенциями о правах человека. В них запреты пыток отнесены к «неизменному ядру» прав человека и не могут практиковаться ни во время чрезвычайного положения, ни в военное время. В рамках права прав человека приняты и специальные региональные конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного унижающего достоинство обращения или наказания.

МПП также устанавливает абсолютный запрет на применение пыток, нанесение увечий или любые формы телесных наказаний (общая для четырех Женевских конвенций ст. 3, ст. 4 ДП II). Более того, в ДП I о защите жертв международных вооруженных конфликтов пытки определяются не только как физические, но и психические истязания, т.е. запрещаются пытки всех видов. При этом устанавливается, что такие действия остаются запрещенными в любое время и в любом месте, независимо от того, совершают ли их представители гражданских или военных органов (ст. 75 п. 2). Согласно нормам Женевских конвенций и ДП I пытки и жестокое бесчеловечное обращение представляют серьезные нарушения МПП, а в соответствии с п. 5 ст. 85 этого же Протокола они квалифицируются как военные преступления, подлежащие преследованию по национальному уголовному законодательству.

В контексте взаимодействия этих двух отраслей следует также отметить и судебные гарантии. Их важное значение в деле эффективной защиты основных прав человека не подлежит сомнению.

В международном гуманитарном праве судебным гарантиям отводится особое место. Они применяются в любом вооруженном конфликте международного или внутреннего характера. И если в случае чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации, будет приостановлено применение судебных гарантий, допускаемое международным правом прав человека, то с началом вооруженного конфликта эти гарантии вновь должны действовать в

полном объеме.

Подобный перечень судебных гарантий, применяемых в период международного вооруженного конфликта, приведен в статье 75 ДП I. В случае вооруженного конфликта немеждународного характера будут применяться гарантии, установленные статьей 6 ДП II и общей для четырех Женевских конвенций статьей 3. О важном значении, которое придается судебным гарантиям в МГП, убедительно свидетельствует и то обстоятельство, что умышленное лишение военнопленного или иного покровительствуемого лица права на беспристрастное и независимое судопроизводство, по смыслу Женевских конвенций и ДП I, представляет собой серьезное нарушение и квалифицируется в качестве военного преступления. Аналогичные положения включены также и в раздел военных преступлений, предусмотренных Статутом Международного уголовного суда (подпункты «а» и «с» п. 2 ст. 8 Статута).

Нюрнбергский судебный процесс 1945–1946 гг. внес огромный вклад в дело установления международного уголовного правопорядка и создания универсальной правовой ситуации, в которой практически все государства связаны одними и теми же обязательствами по привлечению к ответственности и наказанию лиц, виновных в совершении международных преступлений, зафиксированных Уставом МВТ. Неотвратимость наказания, которую обеспечивает принцип универсальной юрисдикции, не была явно предусмотрена в Уставе и Обвинительном заключении Нюрнбергского трибунала. Универсальный характер этих преступлений, их универсальное действие в пространстве (*ratione loci*) в юридическом смысле неявным образом вытекало из Лондонского соглашения от 8 августа 1945 г. В его ст. 1 указывалось, что МВТ создан для «суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом»⁶.

Универсальную юрисдикцию, тем не менее, довольно часто применяли военные трибуналы союзников, учрежденные в оккупационных зонах Германии в соответствии с Законом № 10 союзнического Контрольного Совета. Они были созданы для наказания за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, в которых обвинялись многие немецкие военные преступники.

После окончания Второй мировой войны Нюрнбергское право и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, обеспечившие его вступление в силу, широко применялись в судебной практике мно-

⁶ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. М., 1987. Т. I. С. 144-145.

гих государств в качестве правового основания преследования и наказания нацистских военных преступников. Так, в Израиле по этим основаниям был осужден нацистский военный преступник А. Эйхман (1962 г.). При рассмотрении дела в порядке апелляции Верховный суд Израиля обосновывал свою компетенцию, оспаривавшуюся защитой, ссылкой на принцип универсальной юрисдикции в сфере военных преступлений и преступлений против человечности. Суд постановил: «Все преступления, в которых обвиняется апеллянт, не только носят международный характер, но и с учетом ущерба и смертоносных последствий были способны потрясти до основания все международное сообщество. Поэтому государство Израиль, в соответствии с принципом универсальной юрисдикции и в качестве хранителя и исполнителя международного права, правомочно судить Эйхмана. А поскольку дело обстоит таким образом, не имеет никакого значения тот факт, что в момент совершения преступлений израильское государство еще не существовало»⁷.

К этому времени национальные суды отдельных стран широко применяли принцип универсальной юрисдикции в процессе преследования нацистских военных преступников. Такая практика опиралась на признание того, что Нюрнбергское правосудие основывалось на принципе универсальности норм об уголовной ответственности физических лиц за международные преступления, имеющие безусловный приоритет перед нормами внутригосударственного права.

Как известно, согласно принципу универсальной юрисдикции государство имеет право или даже обязано возбудить уголовное преследование по признакам тяжких преступлений, независимо от места совершения преступления, гражданства лица, его совершившего, и гражданства потерпевшего. Тем самым этот институт обеспечивает универсальность преследования и неотвратимость наказания за совершение особо тяжких международных преступлений.

Этот принцип включен в систему Женевских конвенций 1949 г. и может применяться ко всем серьезным нарушениям международного гуманитарного права, отнесенным в большинстве своем к категории военных преступлений.

В целях пресечения серьезных нарушений принципов и норм МГП о защите жертв войны Женевские конвенции предусматривают уголовную ответственность лиц, совершивших или прика-

⁷ Цит. по Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. Международный Комитет Красного Креста. М., 2000. С. 530.

завших совершить серьезные нарушения Конвенций и ДП I. В этой связи «Высокие Договаривающиеся Стороны принимают на себя обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний виновных лиц» (статьи 49, 50, 129, 146 – соответственно и п. 1 ст. 85 ДП I). Наряду с этим каждая сторона-участница Конвенций «обязуется разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное нарушение и каково бы ни было их гражданство, предать их своему суду». Как видим, данное предписание, общее для всех четырех Конвенций и ДП I и зафиксированное в выше перечисленных статьях, основывается на принципе универсальной юрисдикции уголовного закона и в должной мере обеспечивает неотвратимость наказания. В принципе жертвы военных преступлений, преступлений против человечности и пыток могут обращаться с жалобой в национальные суды других государств на основании универсальной юрисдикции. Она предусмотрена и Женевской конвенцией против пыток 1984 г. Такие жалобы могут быть поданы и в случае геноцида, совершенного в военное время, работорговли, угона самолета и некоторых других террористических актов.

В контексте изложенного о роли правового наследия Нюрнберга и его влиянии на развитие международного уголовного права в направлении пресечения нарушений принципов и норм как МГП, так и МППЧ, посредством института уголовной ответственности физических лиц следует особо подчеркнуть, что характерные черты этого поступательного процесса в полной мере проявились в знаменательном событии – принятии Римского Статута и учреждении на его основе постоянного Международного уголовного суда⁸.

В Статуте получили закрепление правовые гарантии защиты таких ценностей, как уважение достоинства личности, запрет оскорбительного и унижительного обращения, всех видов пыток, запрещение преследований, определяемых как умышленное и серьезное лишение основных прав в нарушение международного права по признаку принадлежности к какой-либо группе или общности.

Важное значение приобретает включение в категорию преступлений против человечности нового состава – «насильственные исчезновения людей» – п. «i» ст. 7 Статута. По данным ООН, начиная с 1980 г. в мире было зарегистрировано около 50 тысяч насильственных исчезновений, совершенных в более чем 90 стра-

⁸ Статут Международного уголовного суда (МУС) вступил в силу 1 июля 2002 г., в настоящее время ратифицирован 104 государствами. Россия подписала, но пока не ратифицировала.

нах⁹. Уголовное пресечение подобной практики должно защитить право семей знать о судьбе своих родственников, пропавших без вести или умерших в результате вооруженного конфликта или насилия внутри страны. Это право является одной из основных норм международного гуманитарного права и международного права прав человека. Многие гуманитарные ценности были взяты под защиту Статутом МУС явно под влиянием норм о правах человека. Они сформулированы в основных документах ООН, принятых с целью обеспечения уважения и защиты прав и свобод каждого человека в условиях вооруженных конфликтов. Об этом прямо заявлено в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2675 от 19 декабря 1970 г. В ней сказано: «Основные права человека, как они признаны в международном праве и изложены в международных документах, продолжают полностью применяться в ситуациях вооруженных конфликтов».

Очевидна и преемственность Нюрнбергского определения международных преступлений в Статуте МУС, под юрисдикцию которого отнесены четыре состава международных преступлений – преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии. В Статуте получили отражение новые подходы в плане наметившейся тенденции расширения уголовной ответственности за военные преступления, совершенные во время вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Данное нововведение в отношении МГП справедливо считается одним из важных достижений Статута МУС, поскольку внутренние вооруженные конфликты, как известно, являются в современном мире преобладающими, а их основными жертвами становится гражданское население. Пресечение военных преступлений, совершаемых в ходе внутренних вооруженных конфликтов, будет служить защите гражданского населения. Положенный в основу правосудия Международного уголовного суда принцип комплементарности (дополнительности) должен способствовать совершенствованию национального уголовного законодательства и эффективной правоприменительной деятельности национальных судов в области защиты прав человека и гуманитарных ценностей в условиях мира и безопасности.

⁹ МККК в Российской Федерации // Перекресток. 2006. № 15. С. 1, 5.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И СОВРЕМЕННЫЙ МИРОПОРЯДОК

Со дня вынесения Приговора и окончания Нюрнбергского процесса прошло 60 лет. Нужно отметить, что суд не был скорой расправой над поверженным врагом. Летом этого года заместитель председателя Верховного суда Баварии господин Эвальд Бершмидт сказал буквально следующее: «Сразу после войны люди скептически относились к Нюрнбергскому процессу (имеются в виду немцы – А.З.). Это все-таки суд победителей над побежденными. Немцы ожидали мести, но не обязательно торжества справедливости. Однако уроки процесса оказались другими. Судьи тщательно рассматривали все обстоятельства дела, они доискивались правды. К смертной казни приговорили виновных. Чья вина была меньше – получили другое наказание. Кое-кто даже был оправдан. Нюрнбергский процесс стал прецедентом международного права. Его главным уроком явилось равенство перед законом для всех – и для генералов, и для политиков». Вот так немецкая юстиция смотрит на Нюрнбергский процесс сегодня.

Следует сказать, что все обвиняемые в достаточной мере были обеспечены и адвокатами, и другими средствами защиты. Им были предоставлены максимальные возможности для того, чтобы защищаться. Я бы хотел даже немного развить эту тему как юрист и еще раз напомнить, что Обвинительный акт на немецком языке всем подсудимым был роздан за 30 дней до начала процесса. И далее передавались им копии всех документальных доказательств. Процессуальные гарантии давали обвиняемым право защищаться лично, а также при помощи защитников из числа немецких юристов, ходатайствовать о вызове свидетелей, предоставлять доказательства в свою защиту, давать объяснения, допрашивать свидетелей и т.д.

В зале суда и на местах были допрошены сотни свидетелей, рассмотрены тысячи документов. В качестве доказательств фигурировали также книги, статьи, публичные выступления нацистских лидеров, фотографии, документальные фильмы, кинохроника. Достоверность и убедительность этой базы не вызывала сомнений. Все 403 заседания Международного военного трибунала (МВТ)

были открытыми. В зал суда было выдано около 60 тысяч пропусков. Работу МВТ освещала пресса и велась прямая радиотрансляция. Достаточно сказать, что один только Геринг выступал почти два дня.

Конечно, по отдельным проблемам в Трибунале существовали серьезные разногласия и у судей, и у главных обвинителей. Были сложности и в работе нашей делегации. Представляет огромный интерес переписка советской делегации на Нюрнбергском процессе – это телеграммы, я их недавно, когда готовил книгу о Нюрнбергском процессе, нашел в архиве. Они еще никогда не публиковались, но должен сказать, что они не только профессионально-деловые, но еще и очень человечные. Мы смотрим: Телеграф узла связи НКО СССР. «У аппарата Руденко. Прошу подтвердить, когда будет мое выступление, когда будут заявлены ходатайства о вызове свидетелей. Мне важно это знать. Сейчас об этом я вас запрашиваю телеграфно». Или вот: «Все ваши соображения доложу, однако должен вам сообщить, что отлет намечен на завтра Москва – Нюрнберг. Постараюсь доказать ваш вариант. Прошу вас информировать кратко, как прошел сегодня день судебного заседания» – это переписка между Москвой и Нюрнбергом. Я взял часть телеграмм: «Карев просил позвонить семье, сообщить, что долетел. Ждем приезда с нетерпением. Крепко жму руку». «Процесс идет нормально, все в порядке. Никитченко, Покровский». «Как вы полагаете, когда должна начаться моя вступительная речь?». Т.е. Руденко постоянно советовался с Москвой. Здесь существовал специальный штаб Политбюро. Была еще рабочая группа, которую возглавлял лично Вышинский.

Приведу текст еще одной телеграммы, совсем прозаичной: «Товарищ Руденко. Прошу вас сообщить товарищу Рычкову (в то время был министром юстиции, а до этого прокурором Советского Союза – А.З.), что присланные им машинки с русским шрифтом никуда негодны. Прошу, если возможно, захватить с собой несколько комплектов русского шрифта для машинок». «Вышлите еще машинки, прошу направить машинисток, не справляемся с работой». Такой обмен телеграммами шел постоянно.

Знаете, почему это важно отметить, потому что Нюрнбергский процесс всем кажется бравурным – все было замечательно, собрались, договорились, главные обвинители от четырех стран, судьи, адвокаты, все идет прекрасно. На самом деле там шла очень большая борьба. Шла борьба разведок и контрразведок, были трения и внутри нашей делегации. Об этом рассказано в моей книге «Нюрнбергский набат» и в одноименном фильме, который можно было посмотреть и в зале конференции, и по телевидению. Но я бы

хотел остановиться на других, более значимых проблемах, ведь они, в конечном счете, определили значение Суда народов.

Нюрнбергский процесс приобрел всемирно-историческое значение как первое, что уже отмечали, и по сей день крупнейшее правовое деяние Объединенных Наций, единых в своем неприятии насилия над человеком и государством. Народы доказали, что они могут успешно противостоять мировому злу, вершить справедливое правосудие. Горький опыт Второй мировой войны заставил всех по-новому посмотреть на многие проблемы, стоящие перед человечеством, понять, что каждый человек на земле несет ответственность за настоящее и будущее.

Тот факт, что Нюрнбергский процесс состоялся, говорит о том, что руководители государств не смеют игнорировать твердо выраженную волю народов и опускаться до двойных стандартов. Казалось, перед всеми странами открылись тогда блестящие перспективы коллективного и мирного решения проблемы: в светлое будущее без войн и насилия. Но, к сожалению, человечество слишком быстро забывает уроки прошлого. Это опять же известная фултонская речь, после чего началась холодная война, на долгие десятилетия опустилась тень над миром. И в этих условиях, естественно, активизировались силы, желающие пересмотреть итоги Второй мировой войны, принизить и даже свести к нулю главенствующую роль Советского Союза в разгроме фашизма, поставить знак равенства между Германией – страной-агрессором и СССР, который вел справедливую войну и ценой огромных жертв спас мир от ужасов нацизма. Появилась масса публикаций, фильмов, телевизионных передач, искажающих историческую роль суда; бывшие brave наци обеляются, героизируются вожди третьего рейха, в то же время очерняются советские военачальники. И все это делается без оглядки на истину, на действительный ход событий.

В версиях этих авторов Нюрнбергский процесс и преследование военных преступников в целом всего лишь акт мести победителей побежденным. При этом используются типичные приемы: показать известных фашистов на бытовом уровне, представить их милыми людьми, а вовсе не палачами и садистами. Например, Гиммлер, шеф главных карательных органов, предстает нежной натурой, сторонником защиты животных, любящим отцом семейства, ненавидящим непристойности в отношении женщин. «Он бы и мухи не обидел», – вспоминает один автор, а другой ему вторит: «Генрих был сущим ягненком». Но кем была эта «нежная» натура на самом деле? Вот собственные слова Гиммлера, произнесенные им лично: «Как себя чувствуют русские (это из документов Нюрнбергского процесса – А.З.), мне абсолютно все равно. Живут ли

другие народы в благоденствии или вымирают с голоду, меня интересует лишь постольку, поскольку мы можем их использовать в качестве рабов для нашей культуры. В остальном это совершенно все равно. Умрут ли при строительстве противотанкового рва 10 тысяч русских баб от истощения или нет, меня это не интересует. Для меня важно, чтобы был построен ров для Германии». Вот такая участь ожидала всех нас, и я думаю, представителей других зарубежных государств, если бы победил нацизм.

Теплые краски находятся даже для Гитлера. В фантастическом по объему гитлероведении приводится: «Артистическая натура, художник, знаток архитектуры, скромный вегетарианец, образцовый государственный деятель». Автор одной книги говорит о том, что если бы Гитлер не начал Вторую мировую войну, то он бы вошел в анналы истории всех народов мира и был бы прославлен как величайший фюрер всех народов.

Но есть ли такая сила, которая бы смогла вообще освободить Гитлера от ответственности за развязывание агрессивной, самой кровавой мировой бойни?

Конечно, позитивная роль послевоенного мира и сотрудничества присутствует, и она абсолютно бесспорна, но несомненно и то, что эта роль могла бы быть гораздо весомее. К счастью, глобальное столкновение не состоялось, но блоки нередко балансировали на его грани, локальным конфликтам не было конца, вспыхивали малые войны с немалыми жертвами. В некоторых странах возникали и утверждались реакционные режимы. Прекращение противостояния блоков и возникновение в 90-х годах однополярного мирового устройства – нужно прямо признать – не прибавило ресурсов Организации Объединенных Наций. Некоторые политологи на Западе даже сейчас высказывают, мягко говоря, очень спорные мнения, что Организация Объединенных Наций в ее нынешнем виде – это устаревшая организация, соответствующая реалиям Второй мировой войны, но никак не сегодняшним требованиям.

Приходится констатировать, что рецидивы прошлого в наши дни во многих странах гулким эхом звучат все чаще и чаще. Мы живем в беспокойном, в нестабильном мире, год от года все более хрупком и уязвимом. Противоречия между развитыми и остальными государствами становятся все острее. Появились глубокие трещины на границах культур и цивилизаций. Возникло новое масштабное зло – терроризм, быстро выросшее в самостоятельную глобальную силу. С фашизмом его объединяет многое, и об этом сегодня говорили.

Есть ли что-либо общее между фашизмом и терроризмом? Да, есть. В частности, намеренное игнорирование международного и

внутреннего права, полное пренебрежение морали, ценности человеческой жизни, неожиданный, непредсказуемый цинизм, жестокость, массовые жертвы сеют страх и ужас в странах, которые, казалось, хорошо защищены от любой угрозы.

Самое опасное, что это явление направлено против всех цивилизаций. Уже сегодня оно представляет серьезнейшую угрозу для всего человечества. И нужно новое, твердое, справедливое слово в борьбе с этим злом, подобное тому, что прозвучало 60 лет назад о германском фашизме в Нюрнберге.

Успешный опыт противостояния агрессии и террору времен Второй мировой войны актуален и по сей день. Многие подходы применимы один к одному. Другие, думается, нуждаются в переосмыслении, развитии. И это очень важно.

Важно потому, что время – суровый судья. Оно абсолютно. И не надо забывать, что время, будучи недетерминировано поступками людей, не прощает никому неуважительного отношения к тем вердиктам, которые оно уже однажды вынесло, будь то конкретный человек или целые народы и государства, – времени все равно. К сожалению, стрелки на его циферблате никогда не показывают вектор движения, но, неумолимо отсчитывая мгновения, время охотно пишет роковые письма тем, кто пытается с ним фамильярничать.

Да, порой не такая уж бескомпромиссная мать-история взваливала реализацию нюрнбергских решений на хрупкие, слабые, прямо скажем, плечи политиков. Поэтому неудивительно, что коричневая гидра фашизма во многих странах мира вновь подняла голову, а шаманствующие апологеты терроризма каждый день рекрутируют в свои ряды все новых и новых прозелитов.

Деятельность Международного военного трибунала нередко называют нюрнбергским эпилогом. В отношении казненных главварей третьего рейха, его распущенных преступных организаций, я считаю, эта метафора вполне оправдана. Но зло, как видим, оказалось более живучим, чем многим это представлялось тогда, в 1945-1946 годах в эйфории великой победы. Никто сегодня не может утверждать, что свобода и демократия утвердились в мире окончательно и бесповоротно.

В этой связи, конечно, напрашивается вопрос, сколько и каких усилий требуется предпринять, чтобы из опыта Нюрнбергского процесса были сделаны конкретные выводы, которые воплотились бы в добрые дела и стали прологом создания миропорядка без войн и насилия, основанном на реальном невмешательстве во внутренние дела других государств и народов, а также уважении прав личности.

За рубежом много пишут и говорят о своих участниках процесса, но практически нет книг о наших людях, которые на Нюрнбергском процессе достаточно мужественно сражались, а до его начала, в тяжелых условиях войны собирали доказательства обвинения, а потом, уже во время самого процесса, боролись за справедливый приговор. Как это проходило? Коснусь лишь двух наиболее известных лиц – Р.А. Руденко и А.Я. Вышинского. Во-первых, потому что Руденко в должности Генерального прокурора СССР находился 27 лет. Более длительный срок в этой должности, за всю историю российской прокуратуры, из 65 генеральных прокуроров Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации был только Александр Алексеевич Вяземский при Екатерине II. В этой должности он состоял более 29 лет. Вторым был Роман Андреевич Руденко.

Теперь давайте посмотрим на Нюрнбергский процесс во времени и пространстве и проведем некоторые параллели. В те далекие годы у обвинителя от Соединенных Штатов Р. Джексона были очень большие амбиции. Он хотел баллотироваться в президенты, и не скрывал этого. Он ехал с этим настроением в Нюрнберг. В отличие от него у Романа Андреевича не было никаких президентских амбиций. Я думаю, в то время и не могло быть. Юноша из многолетней крестьянской семьи прошагал все нелегкие ступеньки своей прокурорской доли, дойдя до генерального прокурора. В этой должности он был достаточно долго, как я уже сказал, – 27 лет. Его называли человеком блестящей карьеры. Роль главного обвинителя от СССР в Международном военном трибунале, которую Руденко исполнил с блеском и достоинством, во многом предрепредила его дальнейшую судьбу.

Советская, в особенности перестроечная, пресса то и дело говорила о его обласканности властью. В какой-то степени это так. До войны молодому и способному юристу явно благоволили такие видные политические деятели, как Н.С. Хрушев и А.Я. Вышинский. Рассказывали, что когда ему было 31 год, а был он тогда прокурором большой Сталинской области, его даже прочили вместо Вышинского на должность прокурора Советского Союза (должность «Генерального» была введена только в 1948 году). Тогда был просто прокурор Советского Союза. Однако ни в одном официальном документе, ни в одной публикации никогда ни слова не было о том, что всего за 6 лет до Нюрнбергского процесса он попал, говоря простым языком, в такую передрыгу, что неизвестно, чем бы все это могло закончиться.

На что я хотел обратить внимание? На личное мужество Романа Андреевича Руденко. Совсем недавно, работая с архивами, мне

удалось найти документы, которые свидетельствуют о том, что в 1940 году Руденко был освобожден от должности прокурора Сталинской области. Ему было объявлено строгое партийное взыскание за то, что он не обеспечил надлежащий надзор за органами НКВД. Как известно, в то время было лучше попасть под поезд, чем под кампанию. Тогда прокатилась очередная волна чисток — по изобличению очередных «врагов народа», состоялось соответствующее постановление ЦК ВКП(б), и Руденко вменили, в частности, то, что он не обеспечил своевременное рассмотрение 1839 жалоб на нарушения законности в своем аппарате.

Нельзя забывать, что именно в том году были расстреляны бывший нарком НКВД Н.И. Ежов, а также Павел Николаевич Малиянович — последний генеральный прокурор Временного правительства, у которого, кстати, Вышинский ходил в помощниках, и которому Вышинский же ничем не помог. Получив «черную» метку, Роман Андреевич не пал духом. Продолжив свое образование, он, когда грянула война (приблизительно через год), был восстановлен в прокуратуре.

Теперь вы можете представить себе внутреннее состояние этого человека. С каким азартом и ответственностью он взялся за работу. Началась война, и вскоре (в 1943 году) Руденко назначают прокурором Украины, — буквально через три года. Почему Руденко так блестяще провел процесс? Ведь в отличие от Джексона Файфа, Лоуренса и остальных участников процесса он знал проблему изнутри. До Нюрнберга он возглавлял следственную группу, которая работала на освобождающихся от фашистов территориях. Тут же собирал доказательства. Собирал кропотливо и профессионально, как требует того уголовно-процессуальное законодательство. И поэтому все эти доказательства были признаны допустимыми и законными и на основании их были осуждены нацистские преступники. После того, что перенес Руденко за предыдущие шесть лет, можно легко догадаться, как он готовился к выступлению и как он выступал на Нюрнбергском процессе.

Теперь коротко о Вышинском. Говоря о деятельности советской делегации, нельзя не упомянуть о нем. Известный юрист, занимающий в то время пост заместителя наркома иностранных дел.

Союзники очень хорошо знали его и были уверены, что именно он придет в Нюрнберг в качестве государственного обвинителя. Сомнений никаких не было, ведь многим из них были памятливы его разгромные прокурорские речи. Но И.В. Сталин решил по-другому, он посчитал, что Вышинский должен руководить советской делегацией из Москвы. Здесь, как я уже говорил, была создана Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по организации и руковод-

дству Нюрнбергским процессом и его своеобразный исполнительный орган, который и возглавил А.Я. Вышинский. В него вошли прокурор Союза ССР К.П. Горшенин, председатель Верховного суда И.Т. Голяков, нарком юстиции Н.М. Рычков и заместители Л.П. Берии: глава «Смерша» В.С. Абакумов, Б.З. Кобулов и В.Н. Меркулов. Однако даже Комиссия Политбюро не была последней инстанцией принятия ключевых решений. Это была исключительная компетенция Сталина. Об этом косвенно можно судить по журналу лиц, посещавших Сталина в его кремлевском кабинете. Я просматривал эти записи и посчитал, что в 1945 году Вышинский бывал у Сталина в 5,5 раз чаще, чем Жуков. Вышинский 60 раз посетил Сталина, Жуков – 11. Причем беседы Сталина с Вышинским были очень обстоятельными, иногда два раза в сутки и продолжались по два часа и более.

Можно еще долго говорить об этом и рассказывать много интересного о Нюрнбергском процессе. Однако, скажу лишь, если человечество сейчас не ударит в набат, его ждут не лучшие времена – история движется по спирали. Загляните в Интернет – там есть ~~весьма популярные сайты~~, которые воспевают фашизм и романтизируют ~~СС. Компьютерные игры~~, типа «Охота на крыс в коммунате-ре», ретушируют чудовищную суть нацистской индустрии смерти. И дети во всем мире играют в эти игры. А вот о Нюрнбергском процессе и его выводах из них мало кто знает.

В первое послевоенное время виделось, что в окончательном искоренении «коричневой чумы» большую роль сыграют суды и пресса, однако этого не произошло. К сожалению, это так. Вот почему для всех людей на Земле так важны уроки Нюрнбергского процесса. Надо еще помнить и то, что впервые в истории были в уголовном порядке наказаны руководители государства, виновные в развязывании агрессивной войны. Также впервые военным преступникам не удалось спрятаться за приказ свыше. Судьи в Нюрнберге твердо стояли на том, что наличие любых преступных директив не освобождает от ответственности исполнителей злодеяний. Это – предостережение на все времена, пролог к будущему без войн и насилия!

МАТЕРИАЛЫ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ МИД РОССИИ О НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ

Исторический опыт Нюрнберга имеет поистине непреходящее значение. Об этом еще и еще раз свидетельствует ведущийся сегодня серьезный, обстоятельный, без недомолвок разговор о выводах, сделанных мировым сообществом из трагедии Второй мировой войны, которые и по прошествии шести десятилетий после завершения Нюрнбергского процесса продолжают оставаться актуальными.

Вопрос о наказании военных преступников, виновных в развязывании самой чудовищной из войн в истории человечества, в проведении политики геноцида против мирного населения оккупированных стран и осуществлении Холокоста, с самого начала стал вопросом политическим.

Он нашел свое отражение уже в первый день вторжения фашистских войск на территорию Советского Союза в выступлении по радио заместителя председателя Совета Народных Комиссаров СССР, народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова. В сделанном им заявлении вся ответственность за это разбойничье нападение целиком и полностью возлагалась на правящую верхушку фашистской Германии. В нем проводилась мысль о том, что оккупантов ждет справедливое возмездие – враг будет разбит, победа будет за нами.

Это возмездие свершилось сначала в Европе, когда в мае 1945 г. Советская Армия взяла логово фашистов – Берлин, а потом и в Азии, где в сентябре того же года была разгромлена милитаристская Япония.

18 октября 1945 г. в Берлине состоялось первое публичное организационное заседание Международного военного трибунала, на котором Комитет обвинителей вручил судьям Обвинительный акт против главных германских военных преступников. Вскоре его работа была перенесена в Нюрнберг. 20 ноября в этом городе состоялось первое заседание и на протяжении 10 месяцев вплоть до 1 октября 1946 г. шло судебное разбирательство. Именно поэтому Суд народов вошел в историю как Нюрнбергский процесс.

Открытию процесса предшествовала длительная дипломатиче-

ская переписка, по сути, политическая борьба Советского Союза за осуществление идеи о суде народов над главными военными преступниками. Ведь Великобритания, где с мая 1941 г. находился один из главных военных преступников Р. Гесс, была склонна к принятию совместного политического акта о расстреле главных военных преступников, а не к проведению широкого публичного международного суда над ними.

В конечном итоге возобладала точка зрения Москвы, высказанная еще в заявлении советского правительства от 14 октября 1942 г., о необходимости «безотлагательного предания суду специального международного трибунала и наказания по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии»¹.

В Архиве внешней политики Российской Федерации Министерства иностранных дел России хранится большая часть дипломатической переписки с союзными державами – Великобританией, Францией и Соединенными Штатами Америки, связанной с подготовкой Нюрнбергского процесса. Поступившие к нам в июле 1947 г. из Главного архивного управления МВД СССР документы включали стенограммы заседаний Нюрнбергского процесса на русском и английском языках, Обвинительное заключение, речи обвинителей и сам Приговор.

В апреле 1948 г. из Главного архивного управления поступила дополнительная партия относящихся к Нюрнбергу материалов. В ней содержались документы обвинения, представленные США, Великобританией и Францией, соответственно на английском и французском языках, протоколы судебных заседаний на русском языке, документы, внесенные на рассмотрение защитой, письменные показания свидетелей защиты по делам обвиняемых, различные справочные материалы.

Документы, связанные с непосредственной подготовкой и проведением Нюрнбергского процесса, сконцентрированы в фонде Третьего Европейского отдела МИД, занимавшегося тогда, как и ныне, вопросами отношений с Германией. Здесь можно найти переписку МИД с советской частью Международного военного трибунала. Значительный комплект материалов составляют документы созданной в соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба Советскому Союзу.

Еще одну подборку документов представляют материалы следствия: здесь и германские военные директивы по захвату Чехии и

¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1947. Том V. С. 240.

Мемеля (Клайпеды), и создание так называемой «гражданской администрации» в оккупированных странах, и «Основные положения о борьбе с партизанами», и другие.

Эти материалы, имеющие прямое отношение к Нюрнбергскому процессу, доступны, открыты для ознакомления и научных исследований.

До сих пор я упоминал об имеющихся в Архиве внешней политики документах, касающихся непосредственно самого Нюрнбергского процесса. Но до него были, как известно, длинная тяжелая военная дорога и не менее трудная борьба на дипломатическом фронте.

Документы Архива внешней политики, хранящиеся в фондах по Великобритании, Франции, США и ряду других стран, а также в фондах секретариатов наркома и его заместителей, свидетельствуют о том, что Великобритания и некоторые другие союзные державы уже тогда пытались подходить к Советскому Союзу с позиции двойных стандартов. Так, в ноте от 6 марта 1943 г. МИД Великобритании предложил СССР принять участие в работе Комиссии Объединенных Наций по сбору материалов и расследованию важнейших военных преступлений. Предполагалось, что в состав этой Лондонской комиссии наряду с представителем Великобритании войдут и представители британских доминионов. Когда же Москва, в свою очередь, предложила включить в комиссию представителей союзных республик СССР, подвергнувшихся разграблению в результате гитлеровского нашествия, — Белоруссии, Молдавии, Украины, Латвии, Литвы, Карелии, Эстонии, то это не встретило понимания на Темзе. Но Москва продолжала настаивать. В результате достигнутого компромисса СССР принял участие в лондонской комиссии лишь в качестве наблюдателя. Впоследствии эта лондонская комиссия особой роли не сыграла.

О тенденции в западных столицах к замалчиванию германских преступлений на территории Советского Союза сообщал В.М. Молотову в записке от 15 мая 1943 г. заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский. Так, в течение 1941-1943 гг. СССР направил четыре ноты посольствам и миссиям, аккредитованным в Москве, касающиеся зверств германских военных властей на захваченных советских территориях. Однако реакции со стороны иностранных послов, включая США и Великобританию, не последовало. «Ни один посланник союзных с нами стран не высказался публично по этому вопросу», — сетовал заместитель наркома². Не откликнулась на эти документы и зарубежная печать, хотя они были

² АВПРФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 8. Д. 73. Л. 23.

опубликованы в центральных советских газетах. Это было еще до Курской битвы. Положение стало меняться по мере продвижения Советской Армии по дорогам Европы. Вновь подтвердилась старая истина, что дипломатия бывает особенно успешной, когда она опирается на экономическую и военную мощь своего государства.

3 мая 1945 г. во время пребывания В.М. Молотова в США на учредительной Конференции в Сан-Франциско по созданию Организации Объединенных Наций состоялось совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Американский представитель, судья С. Розенман вручил советской и английской делегациям проект соглашения о создании Международного военного трибунала. Было решено пригласить Францию участвовать в переговорах, которые должны были открыться в Лондоне.

В целом Советский Союз отнесся положительно к американскому проекту, внося лишь некоторые коррективы. Об этом В.М. Молотов, согласовав вопрос с И.В. Сталиным, сообщил советскому послу в США А.А. Громыко для передачи С. Розенману³.

С 26 июня по 8 августа 1945 г. в Лондоне между официальными представителями СССР, США, Великобритании и Франции состоялись дальнейшие переговоры о судебном преследовании и наказании главных военных преступников. Переговоры завершились заключением соглашения, включавшего решение об учреждении Международного военного трибунала. В качестве составной части соглашения был принят Устав Международного военного трибунала, в котором определялись его организация, юрисдикция и функции. Уставом предусматривалось также создание Комитета по расследованию дел и обвинению главных военных преступников.

К середине октября 1945 г. в результате работы Комитета обвинителей было подготовлено и единогласно принято Обвинительное заключение против 24 обвиняемых, включая Геринга, Гесса, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Кальтенбруннера и др.

В ходе 403 открытых судебных заседаний Трибунала в присутствии многочисленных представителей печати были вскрыты тяжчайшие преступления, совершенные гитлеровцами в годы войны.

1 октября 1946 г. судебный процесс был завершен оглашением Приговора.

Все упомянутые выше вехи по организации работы Трибунала проходили по дипломатическим каналам и, естественно, нашли отражение в хранимых нами документах. Они достаточно полно представлены в фонде секретариата наркома В.М. Молотова, который согласовывал наиболее важные вопросы с И.В. Сталиным.

³ Дипломатический вестник. 1995. № 4. С. 79-80.

опубликованы в центральных советских газетах. Это было еще д Курской битвы. Положение стало меняться по мере продвижени Советской Армии по дорогам Европы. Вновь подтвердилась стара истина, что дипломатия бывает особенно успешной, когда она опирается на экономическую и военную мощь своего государства.

3 мая 1945 г. во время пребывания В.М. Молотова в США на учредительной Конференции в Сан-Франциско по созданию Организации Объединенных Наций состоялось совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Американский представитель, судья С. Розенман вручил советской и английской делегациям проект соглашения о создании Международного военного трибунала. Было решено пригласить Францию участвовать в переговорах, которые должны были открыться в Лондоне.

В целом Советский Союз отнесся положительно к американскому проекту, внося лишь некоторые коррективы. Об этом В.М. Молотов, согласовав вопрос с И.В. Сталиным, сообщил советскому послу в США А.А. Громыко для передачи С. Розенману³.

С 26 июня по 8 августа 1945 г. в Лондоне между официальными представителями СССР, США, Великобритании и Франции состоялись дальнейшие переговоры о судебном преследовании и наказании главных военных преступников. Переговоры завершились заключением соглашения, включавшего решение об учреждении Международного военного трибунала. В качестве составной части соглашения был принят Устав Международного военного трибунала, в котором определялись его организация, юрисдикция и функции. Уставом предусматривалось также создание Комитета по расследованию дел и обвинению главных военных преступников.

К середине октября 1945 г. в результате работы Комитета обвинителей было подготовлено и единогласно принято Обвинительное заключение против 24 обвиняемых, включая Геринга, Гесса, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Кальтенбруннера и др.

В ходе 403 открытых судебных заседаний Трибунала в присутствии многочисленных представителей печати были вскрыты тяжчайшие преступления, совершенные гитлеровцами в годы войны.

1 октября 1946 г. судебный процесс был завершен оглашением Приговора.

Все упомянутые выше вехи по организации работы Трибунала проходили по дипломатическим каналам и, естественно, нашли отражение в хранимых нами документах. Они достаточно полно представлены в фонде секретариата наркома В.М. Молотова, который согласовывал наиболее важные вопросы с И.В. Сталиным.

³ Дипломатический вестник. 1995. № 4. С. 79-80.

Здесь записи бесед с послами союзных держав в Москве и с государственными деятелями других стран. Здесь же протокол упомянутого выше совещания трех министров в Сан-Франциско и докладная записка В.М. Молотова И.В. Сталину об американском предложении по организации международного трибунала.

Директивы советским представителям на переговорах в Лондоне летом 1945 г. по поводу соглашения о наказании военных преступников хранятся в фонде заместителя наркома А.Я. Вышинского.

Ряд документов, касающихся Нюрнбергского процесса, можно обнаружить в фондах секретариатов заместителей наркома В.Г. Деканозова и С.А. Лозовского. Последний курировал, наряду с проблемами отношений СССР со странами Дальнего Востока, также вопрос Совинформбюро. Поэтому в фонде его секретариата имеются материалы пресс-конференций, советской и зарубежной печати, в том числе касающиеся подготовки и проведения процесса в Нюрнберге, а также некоторые свидетельские показания гитлеровских преступлений.

Историко-документальный департамент МИД России не раз публиковал имеющиеся в его распоряжении архивные документы, связанные с процессом в Нюрнберге, в «Дипломатическом вестнике», в сборнике документов «СССР и германский вопрос» и других печатных изданиях.

Нюрнбергский процесс стал историей. Но по-прежнему насущной остается проблема борьбы с преступлениями, осуждения преступлений против мира и человечности.

Начало XXI века омрачено эскалацией новых вызовов и угроз безопасности и устойчивому развитию человечества. Все мы являемся свидетелями роста и распространения очагов международного терроризма, трансграничной организованной преступности, воинствующего сепаратизма и религиозного экстремизма, нелегального оборота наркотиков и оружия.

Особенно острую форму приобрел международный терроризм. Выступая 12 июля 2002 г. на расширенном совещании в МИД России, президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркивал: «Противодействие террористической угрозе – это серьезная, долгосрочная задача, поскольку корни терроризма очень глубоки. И она должна оставаться в зоне постоянного внимания»⁴.

Наряду с открытым терроризмом, который питается национализмом, религиозным экстремизмом и социальными причинами, все еще не умерла вместе с гитлеровскими палачами нацистская идеология, проявления которой до сих пор имеют место в отдель-

⁴ «Дипломат». Специальный выпуск. 2002. С. 3.

ных государствах. Нельзя не видеть оживление, особенно в молодежной среде, реваншистских и неонацистских настроений. Тревожит тот факт, что, как ни печально, встречаются они и в тех странах, которые наиболее жестоко пострадали от фашистского ига.

В наше время хорошо оплаченные идеологи на Западе и даже в России проводят изошреннюю кампанию по переименованию истории Второй мировой войны.

В ФРГ активизировала свою деятельность так называемая партия изгнанных. Создано Общество защиты находящихся в опасности народов. В августе с.г. в Берлине открылась выставка «Навязанные пути», посвященная насильственному переселению европейских народов в XX веке. Экспозиция рассказывает о массовой депортации 15 миллионов немцев в конце Второй мировой войны⁵. Она напоминает, что поляки живут на немецкой земле. Один из организаторов выставки Тильман Цюльх утверждает, что не было ни одной убедительной причины для того, чтобы такие города, как Кенигсберг (российский Калининград), Бреслау (ныне польский Вроцлав) или Карлсбад (ныне чешские Карловы Вары) перестали быть немецкими.

Упомянутая экспозиция вызвала законный протест, и не только со стороны Варшавы. Это, однако, не помешало обществу «Европейская сеть памяти и солидарности» (ЕСПС) провести передвижную выставку «Бегство, изгнания, интеграция», которая уже показана в Бонне, Берлине, а в декабре с.г. будет экспонироваться в Лейпциге.

Организаторы этой кампании хотят вытравить из сознания молодого поколения восточноевропейских народов память о Бабьем Яре, Майданеке, Освенциме, о том, что жертвами Холокоста только в Украине стали 1 млн 300 тыс. человек, а в маленькой Латвии из 150 тысяч евреев уцелело лишь 135 человек. Что уж говорить о 6 миллионах погибших в Польше.

Иногда можно услышать расхожую фразу о том, что уроки истории ничему не учат. Ее полностью опровергает опыт Нюрнберга, навсегда вошедшего в историю как выдающийся пример закрепления объединенными усилиями цивилизованных государств Победы сил мира и прогресса над главными нацистскими преступниками. И сегодня принятые в 1946 г. в Нюрнберге решения не утратили своего юридического и политического значения, продолжают служить ориентиром для пресечения агрессивных, шовинистических действий, для привлечения к уголовной ответственности за наиболее тяжкое попрание норм международного правопорядка и прав человека.

⁵ Время новостей. 16 августа 2006 г.

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Конференция, посвящённая Нюрнбергскому процессу, безусловно, актуальна. Необходимость современного осмысления уроков истории и осуждения идеологии и политики фашизма, к сожалению, диктуется и нынешней ситуацией в российском обществе, которая волнует каждого из нас.

Специалисты ФСБ России в своей исследовательской работе много внимания уделяют истории Второй мировой войны. Стремление показать вклад органов государственной безопасности в победу над фашизмом стало побудительным мотивом появления книг «Лубянка, 2»¹, «Смерш»² и других³, основанных на документах Центрального архива ФСБ России.

Как известно, на Нюрнбергском процессе обвинение представило свыше двух с половиной тысяч документов. Еще больше впечатляет цифра, что в ходе подготовки процесса было изготовлено 780 тысяч фотокопий документов.

Архивные документальные материалы отечественных органов безопасности сохранили свидетельства о положении на фронтах, героическом сопротивлении Красной Армии и буднях трудового народа, правду о зверствах оккупантов. Эти сведения собирались по линии органов безопасности с использованием возможностей подполья, партизанских отрядов и специальных групп НКВД СССР, действовавших в тылу противника. На протяжении всей войны оставалась актуальной задача документирования преступной практики гитлеровского оккупационного режима.

¹ Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999.

² «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. Сост. Христофоров В.С., Виноградов В.К., Матвеев О.К. и др. М., 2005.

³ Агония и смерть Адольфа Гитлера. Сост. Виноградов В.К., Погоний Я.Ф., Тепцов Н.В. М., 2000; Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., 2002; «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. Сост. Жадобин А.Т., Марковчин В.В., Христофоров В.С. М., 2003.

25 февраля 1942 г. Л.П. Берия подписал приказ о направлении материалов о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Главное архивное управление НКВД СССР и его местные органы. Была выработана специальная инструкция «О порядке собирания, учета и хранения документальных материалов о зверствах, разрушениях, грабежах и насилиях германских властей в оккупированных ими советских районах».

Она предусматривала концентрацию уликовых документов, включавших трофейные, кино и фотоматериалы, письма, акты, свидетельские показания, протоколы допросов пленных гитлеровцев и пособников фашистов. Естественно, что такого рода документы, в первую очередь, попадали к партизанам, зафронтовым разведчикам и военным контрразведчикам на фронте. Они использовались органами безопасности в розыскной работе, а позднее и в подготовке судебных процессов над оккупантами и предателями в военных трибуналах и военно-полевых судах.

О неминуемом наказании фашистских преступников Советское правительство предупредило руководство Германии еще 14 октября 1942 г., сделав соответствующее заявление, подчеркнув, что «гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и заслуженного наказания за все неслыханные злодеяния»⁴.

2 ноября 1942 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК).

По мере освобождения республик, краев, областей и городов создавались местные комиссии содействия ЧГК. На основании документальных и вещественных доказательств, показаний, заявлений и свидетельств ЧГК готовила специальные акты и публиковала сообщения о злодеяниях, совершенных оккупантами на советской территории. В 1943 г. прошли громкие процессы в Краснодаре и Харькове, в 1945-1946 гг. в Киеве, Минске, Риге, Ленинграде, Смоленске.

В 1943-1945 гг. были предприняты шаги по юридическому и политическому обеспечению мероприятий, связанных с акциями возмездия в отношении немецких военных преступников и их пособников из числа граждан СССР и других стран. Документальные

⁴ Хлестов О.Н., Прокофьев Н.В. Уроки Нюрнберга. Без срока давности: К 60-летию Нюрнбергского процесса. М., 2006. С. 39.

данные чрезвычайных комиссий, а также многочисленные директивы и распоряжения Гитлера и его ближайшего окружения, оказавшиеся в руках союзников, вместе с показаниями тысяч свидетелей послужили основанием неоспоримой доказательной базы.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. предусматривал суровые меры наказания в отношении лиц, причастных к злодеяниям и ущербу, нанесенному населению СССР и советским военнопленным. Он относился к иностранным гражданам и гражданам нашей страны, а также к лицам, квалифицированным в ходе расследования в качестве пособников оккупантов и предателей. Его действие распространялось на территории СССР и освобожденной Европы. Данный Указ широко использовался при рассмотрении дел на открытых судебных процессах 1943-1945 гг., а также на заседаниях военно-полевых судов, а с мая 1944 г. – и в военных трибуналах.

Принципы преследования и наказания военных преступников были закреплены на встречах руководителей стран Антигитлеровской коалиции и их представителей.

С 19 по 30 октября 1943 г. в Москве прошла Конференция министров иностранных дел Великобритании (А. Иден), Советского Союза (В.М. Молотов) и госсекретаря США (К. Хэлл), в ходе которой была принята Декларация об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства.

На Крымской конференции в феврале 1945 г. руководители СССР, США и Великобритании заявили о своей решимости «подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию»⁵.

26 июля 1945 г., то есть после капитуляции Германии, в Лондоне начала работу конференция представителей стран Антигитлеровской коалиции, на которой велась разработка основных положений проведения судебного процесса. 8 августа 1945 г. представители СССР, США, Великобритании и Франции подписали соглашение «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси». Позже к нему присоединились еще 19 стран⁶.

Инициативу по подготовке открытых процессов взяла на себя военная контрразведка, так как функционально выявление и разоблачение военных преступников и их пособников являлось одним

⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1984. Т. 4. С. 248.

⁶ Греция, Дания, Югославия, Голландия, Чехословакия, Польша, Бельгия, Эфиопия, Австралия, Гондурас, Норвегия, Панама, Люксембург, Гаити, Новая Зеландия, Индия, Венесуэла, Уругвай и Парагвай.

из важнейших направлений ее деятельности. Сотрудники особых отделов, а позднее и органов контрразведки «Смерш», находившиеся в Действующей армии, в числе первых вместе с войсками вступали в освобожденные районы и становились свидетелями тяжелейших последствий ужасающих преступлений фашистов на временно оккупированных территориях. Многочисленные факты участия конкретных лиц в злодеяниях становились им известны также в ходе оперативно-розыскных мероприятий и очистки тыла наступающих частей Красной Армии.

На восьми открытых процессах, проведенных в СССР в декабре 1945 г. – январе 1946 г., были осуждены 85 немецко-фашистских преступников, в том числе 18 генералов, 28 офицеров и 39 унтер-офицеров. Из них 66 были приговорены к казни через повешение, 19 – к каторжным работам на срок от 12 до 20 лет. Приведение смертных приговоров в исполнение осуществлялось на площадях городов, в присутствии большого количества населения.

Во время заседаний Международного военного трибунала (МВТ) в Нюрнберге советским представителям были направлены судебные приговоры по этим процессам, как указывалось, «для пополнения предъявляемых Трибуналу документов».

После учреждения 8 августа 1945 г. МВТ заботой отечественных спецслужб и военной контрразведки, в частности, стало обеспечение деятельности и безопасности советской делегации в период ее пребывания в американской зоне оккупации, в которую входил и г. Нюрнберг.

До начала заседаний Международного суда в Нюрнберг в первых числах сентября 1945 г. выехал начальник 2-го отдела Главного управления контрразведки (ГУКР) Наркомата обороны (НКО) «Смерш» полковник С.Н. Карташов. По указанию В.С. Абакумова он встретился с членом МВТ, заместителем председателя Верховного суда СССР, генерал-майором юстиции И.Т. Никитченко, а затем ознакомился с реальной обстановкой, в которой начали свою работу советские представители. С.Н. Карташов был обеспокоен тем, что организационными вопросами в Нюрнберге никто из делегации постоянно не занимался. По возвращении в Москву в записке от 10 сентября он подробно и детально проинформировал начальника ГУКР НКО «Смерш» о важнейших вопросах организации работы советской делегации, о проблемах связи и особенностях обеспечения безопасности при перемещении по городу сотрудников аппарата, военнослужащих, корреспондентов и других официальных лиц⁷.

⁷ «Смерш». С. 322.

В Нюрнберге были установлены контакты с американской оккупационной администрацией, в частности, были высказаны замечания о слабом наблюдении за арестованными при нахождении их в камерах, и получены заверения об усилении режима. Такие рекомендации не были излишними. 25 октября 1945 г. обвиняемый Роберт Лей в тюрьме сумел покончить с собой. За несколько часов до приведения в исполнение Приговора 15 октября 1946 г. покончил жизнь самоубийством осужденный к смертной казни через повешение Герман Вильгельм Геринг.

Советские контрразведчики доставили в Нюрнберг двух участников процесса – бывшего главу отдела радиовещания при Министерстве пропаганды и уполномоченного по политической организации германского радиовещания Г. Фриче, а также бывшего командующего военно-морскими силами Германии гросс-адмирала Э. Редера.

Для решения этой задачи была сформирована оперативная группа во главе с заместителем начальника следственного отдела ГУКР «Смерш» полковником М.Т. Лихачевым, в состав которой были включены 10 военных контрразведчиков, переодетых в форму красноармейцев. Обвиняемых в самолете сопровождали их следователи – начальник следственного отделения ГУКР «Смерш» НКВД СССР подполковник Тупиков и старший следователь 2-го отделения 6-го отдела ГУКР «Смерш» капитан Гришаев, а также переводчики – оперуполномоченный Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР, младший лейтенант Тураев и оперуполномоченный ГУКР «Смерш» старший лейтенант Б.А. Соколов. 1 ноября 1945 г. Фриче и Редер были доставлены в Берлин и по акту переданы военным властям⁸.

Все прибывшие оперативные сотрудники, следователи и переводчики органов контрразведки «Смерш» были включены в штат Р.А. Руденко и по его просьбе осуществляли охрану советской части обвинения. По предложению начальника советской следственной группы Г.Ф. Александрова сотрудники «Смерш» оказывали помощь в допросах других арестованных и свидетелей, находящихся под стражей.

Процесс начался 20 ноября 1945 г. и длился почти год. По инициативе представителей контрразведки «Смерш» для обеспечения работников советской части МВТ закрытыми каналами связи с Москвой, подразделениями правительственной связи НКВД СССР была организована ВЧ-связь вначале из Берлина, а затем из Нюрнберга.

⁸ Там же. С. 323.

В ГУКР «Смерш» проводили большую работу по отбору документов для Нюрнбергского процесса. В декабре 1945 г. в НКВД был направлен русский перевод материалов из канцелярии бывшего имперского министра по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга о политике на Востоке и, в частности, на Кавказе за 1942 г. Кроме того, был переведен немецкий отчет оперативной группы «А» полиции безопасности об уничтожении еврейского населения на территории Белоруссии, Ленинградской области, Латвии, Литвы и Эстонии за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г.

Для использования в суде МВТ фотокопии и переводы названных документов оформили в ГУКР «Смерш» по всем нормам международной юридической практики. В Трибунал были направлены копии судебно-медицинских экспертиз массового захоронения советских граждан - жертв немецкой оккупации в Смоленске и его окрестностях. Военные контрразведчики разыскивали свидетелей зверств немецко-фашистских захватчиков над гражданами СССР.

В обвинительных материалах не только Нюрнбергского, но и других процессов, были использованы документы, собранные и переведенные военными контрразведчиками. В первые послевоенные годы материалы органов контрразведки «Смерш» легли в основу доказательной базы на судебных процессах над главными японскими военными преступниками в Токио (май 1946 – ноябрь 1948 гг.) и в Хабаровске над бывшими военнослужащими японской армии, обвинявшимися в подготовке к применению бактериологического оружия (декабрь 1949 г.).

Нюрнбергский процесс, завершившийся 1 октября 1946 г., подвел итоги Второй мировой войны, показал преступную политику гитлеровской Германии, человеконенавистническую идеологию фашизма, сурово покарал главных военных преступников: 12 из 19 подсудимых были приговорены к смертной казни, а большинство остальных – к длительному тюремному заключению. Трибунал, основываясь на бесспорных доказательствах, показал преступную роль руководящего состава нацистской партии. Преступными были также признаны: охранные отряды гитлеровской партии (СС), гестапо и служба безопасности (СД).

ДОКУМЕНТЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ О ХОЛОКОСТЕ

Начало Великой Отечественной войны, чудовищные зверства фашистских захватчиков на оккупированной территории вызвали необходимость создания органа, который бы выявил все злодеяния и разрушения для будущего процесса против фашизма. Мир должен был узнать правду, чтобы подобное никогда не повторилось.

В этих целях 2 ноября 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР своим указом утвердил создание Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее: ЧГК)¹. В соответствии с указом на ЧГК было возложено собирание документальных материалов, их проверка и подготовка сводных данных о злодеяниях гитлеровцев и их союзников, а также о материальном ущербе, нанесенном Советскому государству и гражданам СССР. Комиссии предоставлялось право поручать соответствующим органам производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные, относящиеся к преступным действиям оккупантов и их сообщников.

В состав комиссии вошли: академики Н.Н. Бурденко, Б.Е. Веденеев, И.П. Трайнин, Е.В. Тарле, писатель А.Н. Толстой, академик ВАСХНИЛ Т.Д. Лысенко, секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, летчица Герой Советского Союза В.С. Гризодубова, Николай — митрополит Крутицкий и Галицкий. Председателем Комиссии был назначен Н.М. Шверник.

В марте 1943 г. СНК СССР утвердил Положение о ЧГК, опре-

¹ Высняя политика Советского Союза в период Отечественной войны.

делившее задачи Комиссии. В Положении указывалось, что для осуществления этих задач ЧГК собирает документальные данные, проверяет их и по мере необходимости публикует материалы о нацистских преступлениях и материальном ущербе². Установление и расследование преступлений возлагалось на местные комиссии содействия. В районах военных действий, где еще не была восстановлена деятельность местных органов государственной власти, эту функцию должен был выполнять командный состав Красной Армии при участии военных врачей. В случае необходимости по поручению ЧГК расследование преступлений могло производиться и следственными органами. В ЧГК был создан специальный отдел по учету злодеяний немецко-фашистских захватчиков, в который поступали акты от республиканских, краевых и областных комиссий. Здесь они тщательно проверялись и обрабатывались. В отделе готовились справки – заключения на материалы о злодеяниях, подготовленные местными комиссиями, указывались недостатки представленных материалов – отсутствие фотодокументов, актов судебно-медицинской экспертизы и протоколов опроса очевидцев, то есть определялось соответствие их требованиям специальной инструкции, определившей объекты учета и порядок фиксации сведений³. В числе документов, регламентирующих деятельность республиканских, краевых и областных чрезвычайных комиссий по установлению и расследованию злодеяний и учету ущерба, имелись примерная схема и перечень преступлений против мирного населения с указанием, какими статьями Гаагской конвенции запрещены данные действия. В перечне отсутствовало такое квалификационное понятие, как истребление отдельных групп населения по расовым, национальным, этническим или религиозным мотивам, позднее получившего название геноцид.

В конце 1945 г. для обобщения цифровых данных, собранных ЧГК, был создан сводно-отчетный отдел, в который поступали извлеченные из актов комиссий сведения о количестве убитых и замученных мирных граждан и военнопленных, а также угнанных в немецкое рабство⁴. Статистика погибших не выделяла преступления фашистов против лиц определенной национальности. Деление производилось по полу, возрасту, образованию, квалификации и годам⁵.

За время деятельности ЧГК и в последующие годы Комиссия выявила большое количество документов и материалов по запро-

² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 1а. Л. 14.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Оп. 125. Д. 1. Л. 180-214; Д. 3.

⁵ Там же. Оп. 70. Д. 937.

сам следственных органов и Прокуратуры СССР. Уже в 1943 г. с использованием документов ЧГК были проведены судебные процессы над военными преступниками в г.г. Харькове и Краснодаре; в 1945-1946 гг. – в Киеве, Минске, Риге, Ленинграде, Смоленске и других городах⁶.

Однако важнейшим процессом, в ходе которого предъявлялись документы ЧГК, был Суд народов над главными немецкими военными преступниками в Нюрнберге. Единая форма оформления документов, заверенных официальными учреждениями, обеспечили им статус беспорных доказательств.

Материалы ЧГК, прекратившей свою деятельность в 1946 г., поступили в ЦГАОР СССР (ныне – Государственный архив Российской Федерации) в 1951 г. Ее фонд содержит свыше 40 тысяч дел; документы в нем организованы таким образом, что в самостоятельные описи вошли дела отделов ЧГК, республиканских, краевых и областных комиссий по расследованию злодеяний фашистских преступников. В 148 описей вошли подлинники и копии трофейных документов, захваченных советскими войсками при освобождении оккупированных фашистами территорий СССР и других государств.

Документы ЧГК являются бесценными документальными свидетельствами Холокоста не только на территории СССР, но и других стран, оккупированных гитлеровцами. При этом основными источниками по истории геноцида являются акты о зверствах, чинимых захватчиками на занятых ими землях.

Акты составлялись как по отдельным вскрывшимся фактам злодеяний, так и по сумме фактов, установленных на территории конкретного региона. В местах локального проживания еврейского населения в отдельных случаях были составлены акты об уничтожении евреев. Так, например, акт, составленный сотрудниками Ставропольского медицинского института, содержит сведения о трагической судьбе 33-х евреев – сотрудников Института и 39 членов их семей, расстрелянных или замученных в застенках гестапо. Аналогичные акты были составлены медперсоналом госпиталя № 5404 г. Кисловодск, сотрудниками детского дома № 18 г. Кисловодск – о расстреле 9 еврейских детей, обманным путем отобранных якобы для «переселения в малонаселенные районы Украины», и многие другие⁷.

Акты составлялись, в основном, членами местных комиссий ЧГК, чаще всего на основании вскрывшихся преступлений с при-

⁶ Лебедева И.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975. С. 41-43.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 294; Д. 5. Л. 15-18 об.

влечением заявлений и протоколов опроса свидетелей, результатов экспертиз, фотоснимков. Однако встречаются акты, составленные группами граждан – свидетелями преступлений. Можно упомянуть акт, оформленный 23 апреля 1943 г. группой жителей г. Пятигорска о массовом умерщвлении населения города, в том числе и еврейского⁸. Имеются также акты местных комиссий по фактам обнаружения и вскрытия мест массовых расстрелов. Так, в Городокском районе Львовской области могилы с массовыми захоронениями были обнаружены органами НКВД. Было установлено, что фашисты арестовали, расстреляли и вывезли в другие места более 6300 евреев. К актам приложены схемы-карты захоронений, в которых были обнаружены их останки. В отдельных случаях при вскрытии могил обнаруживались документы погибших, которые в обязательном порядке использовались для установления их личности, а подлинники документов уничтожались в связи с опасностью инфекции. Во многих случаях для опознания трупов в местах массовых расстрелов привлекались свидетели. К актам об обнаружении трупов в таких случаях прилагались показания свидетелей, подтверждающих факты расстрела, нотариально оформленные свидетельства об опознании трупов (с приложением фотографий опознанных)⁹.

Ряд актов составлен представителями военных частей при освобождении оккупированной территории. Они направлялись политотделами армий вышестоящему военному руководству и в областные комитеты партии. В актах в обязательном порядке на основании свидетельских показаний фиксировались фамилии исполнителей злодеяний нацистов и их пособников из числа местного населения. Особо выделялись лица, характеризующиеся свидетелями как наиболее жестокие исполнители или инициаторы расстрелов и издевательств над людьми.

Во многих случаях к актам прилагались списки замученных, расстрелянных и угнанных в фашистское рабство людей. Национальность граждан большей частью в списках не выделялась. Лишь в отдельных случаях составлялись списки погибших по домоуправлениям, в которых была введена графа «национальность». Так, районные комиссии г. Краснодара, предприятия, учреждения и организации города сразу же после освобождения составляли акты с приложением списков евреев, расстрелянных немцами. Так сохранился список на 894 еврея, расстрелянного в Кисловодске с 14 августа 1942 г. по 9 января 1943 г. и список 117 медицинских

⁸ Там же. Д. 13. Л. 12, 30-30 об.

⁹ Там же. Оп. 67. Д. 78. Л. 145, 169-174; Оп. 125. Д. 6. Л. 198.

рабочников города, убитых фашистами¹⁰.

На основании актов, подготовленных комиссиями на местах, в аппарате ЧГК готовились сообщения Центральной Комиссии о разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в республиках, краях, областях и отдельных городах. Многие сообщения публиковались на страницах советских и зарубежных газет. Проекты сообщений согласовывались на достаточно высоком уровне – в обязательном порядке направлялись председателю ЧГК Н.М. Швернику, начальнику Главного политического управления Красной Армии, начальнику Совинформбюро А.С. Щербакову, заместителю председателя СНК СССР, министру иностранных дел В.М. Молотову, заместителю министра иностранных дел А.Я. Вышинскому, начальнику управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову.

Анализ ситуации с подготовкой текста официального сообщения о массовых расстрелах жителей города Киева в Бабьем Яру свидетельствует о том, что партийно-государственное руководство страны стремилось затушевать факт геноцида еврейского народа, используя при описании жертв фашистских преступлений обезличенный термин – мирные советские граждане¹¹.

Важнейшее значение для документирования сведений в актах имели заявления свидетелей и их показания в различной форме. Особо следует выделить заявления инициативного характера, составленные свидетелями преступлений и направленные в комиссии ЧГК и в партийные и государственные органы на местах. Так, заявление Т.В. Добровольской, заведующей отделом народного образования Железнодорожного района г. Львова, в районную комиссию по расследованию злодеяний фашистов, содержащее сведения о гибели всех детей районного еврейского детского сада, а также 98 учителей и 4991 школьника-еврея, и других свидетелей, с требованием наказать фашистских преступников, послужили основанием для возбуждения Прокуратурой Львовской области уголовного дела против выявленных фашистов – идеологов и исполнителей акций по истреблению людей, в первую очередь евреев. К отдельным актам приложены воспоминания людей, случайно избежавших гибели. Особо впечатляют воспоминания 11-летней Зои Ихелевны Меламуд, ставшей свидетельницей гибели в Виннице матери и своих сестер¹².

Юридически оформленными документами являлись протоколы опросов (допросов) свидетелей, производимые военными следова-

¹⁰ Там же. Оп. 16. Д. 435. Л. 71-73, 110-113; Оп. 17. Д. 5. Л. 24-28об.

¹¹ Известия, 29 февраля 1944 г.; ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 36. Л. 77, 135.

¹² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 67. Д. 75. Л. 4-4об.; Оп. 54. Д. 1341. Л. 234-236.

телями Прокуратуры, офицерами НКВД-МГБ СССР, работникам органов юстиции. Часть протоколов допросов свидетелей составлялась на специальных типовых бланках с соблюдением особы правил оформления. Большая же часть протоколов допросов составлена от руки, на каждом листе имеется подпись опрашиваемого, акт подписан лицом, производившим опрос (допрос) и свидетелем. Иногда протоколы составлены в форме сообщения свидетелю в других случаях – в диалоговой форме (вопрос – ответ). Основные вопросы: место проживания до оккупации, род занятий в период оккупации, сведения о лагерях (гетто), о поведении фашистов в отношении к местному населению; фамилии руководителей и исполнителей акций по уничтожению людей.

Наибольшую ценность имеют показания людей, спасшихся от уничтожения, так как они располагали уникальной информацией которую без их помощи восстановить бы не удалось. Таких показаний в ЧГК немного. Так, М.З. Фингеруг, единственный, кто спасся, свидетельствовал о расстреле еврейского населения г. Кисловодска 9 сентября 1942 г.¹³ Всеми миру известны преступления фашистов в Бабьем Яру. По факту расстрелов в Бабьем Яру имеются показания спасшихся от расстрела С.Б. Берлянта, И.М. Бродского, Л.К. Островского, Я.А. Степок, В.Ю. Давыдова, а также местных жителей Н.Ф. Петренко, Н.Т. Горбачевой. С помощью этих свидетелей установлены как факты преступлений фашистских извергов, так и попытки сокрытия следов преступлений¹⁴. Только с помощью свидетельских показаний удалось установить условия существования людей в гетто и лагерях, фамилии изуверов, отдельные эпизоды героического поведения людей и их фамилии.

Свидетельские показания и заявления очевидцев событий позволяют выявить как случаи предательства местного населения по отношению к евреям – доноительство, участие в погромах, так и примеры бескорыстной помощи по спасению их от верной гибели. Так, в заявлении И.Я. Долинера, спасшегося из Бабьего Яра, содержатся сведения о помощи, оказанной ему соседкой – украинкой А.К. Козленко и членами ее семьи¹⁵. Сведения о «праведниках мира», спасших евреев, рискуя своей жизнью и жизнью своих близких, немногочисленны, но тем более ценны.

В актах, заявлениях очевидцев, протоколах опросов (допросов), актах комиссий содержится информация о пособниках фашистов – полицаих и добровольных доносителях из числа местного населе-

¹³ Там же. Оп. 17. Д. 5. Л. 29-32.

¹⁴ Там же. Оп. 70. Д. 918.

¹⁵ Там же. Оп. 65. Д. 241. Л. 186-186об.

ния. Основным побудительным мотивом предательства во многих заявлениях отмечена корысть, желание присвоить себе имущество жертв.

В документах ЧГК зафиксированы немногочисленные случаи сопротивления еврейского населения, как во время их нахождения в лагерях и гетто, так и во время массовых расстрелов. Сопротивление носило как пассивный (самоубийства), так и активный характер (групповые или индивидуальные побег, убийство немцев)¹⁶.

В документах Отдела по учету злодеяний ЧГК сохранилось 7 дел за 1944-1947 гг. с письмами граждан о наведении справок о судьбе своих родных и близких, систематизированные по республикам¹⁷. Эти письма полны личными эмоциями, связанными с гибелью родных и близких от рук фашистов. В письмах, запросах содержатся биографические сведения, информация о конкретных лицах, в том числе об обстоятельствах их гибели или исчезновения, полученные зачастую от соседей после освобождения оккупированных земель. Здесь же сохранены в качестве приложений к запросам письма местных жителей, сообщавшие родственникам сведения о трагической судьбе их близких. Родных интересовали не только судьба, но и обстоятельства гибели своих близких, о чем они просили ЧГК сообщить им. Имеются в этих делах и письма с воспоминаниями воинов Красной Армии о злодеяниях, свидетелями которых они стали при освобождении оккупированных территорий. В письмах, обращениях, заявлениях родственников погибших в ЧГК звучат, кроме боли и страдания, справедливый гнев, требование возмездия за свершившиеся преступления. Так, заявление Э.А. Сахнина. – сына расстрелянной немцами в Кисловодске М.Б. Сахниной в ЧГК заканчивается следующими словами: «Прошу Вас убедительно при задержании палачей – гестаповцев, орудовавших в Кисловодске, дать мне возможность лично рассчитаться с ними за смерть матери и других невинных жертв». Солдаты и офицеры Красной Армии, получив известия о гибели своих близких, обращались в ЧГК с требованием провести тщательное расследование фашистских злодеяний, привлечь к суровой ответственности за злодейства как германское правительство, так и вермахт, и заверяли в своих письмах, как боец З.С. Хайкин: «Мои боевые товарищи клянутся беспощадно уничтожить двуногих зверей – немцев, отомстить подлым врагам»¹⁸.

В этих делах важное значение имеют воспоминания очевидцев,

¹⁶ Там же. Оп. 17. Д. 7. Л. 3-6; Оп. 65. Д. 6. Л. 2; Оп. 67. Д. 75. Л. 195-198; Оп. 87. Д. 124. Л. 179-180.

¹⁷ Там же. Оп. 125. Дела с 6 по 12.

¹⁸ Там же. Оп. 125. Д. 7. Л. 253; Д. 11. Л. 22-22об., 45-45об.

случайно спасшихся от гибели. Так, сохранилось письмо бежавшей из гетто г. Минска с восьмимесячным ребенком Л.В. Фрейдиной, скитавшейся после побега по деревням в окрестностях города. Факты, изложенные ею в письме, послужили основанием для проведения специального дознания¹⁹. Такого рода документы являются неоценимым источником, так как содержат конкретные сведения об установленном немцами режиме в гетто, его постепенном ужесточении, факты издевательств и злодеяний над конкретными людьми. Имеются в этих делах и воспоминания о зверствах в отношении евреев, которые хотя и не содержат персональных сведений о погибших, сильны описанием эмоционального шока, испытанного людьми, узнавшими о масштабах злодеяний, о трагической судьбе людей.

Заявления граждан о судьбе родственников, проживавших в местностях, где происходили массовые расстрелы евреев, брались на учет, так как по причине разложения трупов, эксгумация в некоторых случаях не проводилась и полными списками погибших местные власти не располагали.

В фонде ЧГК в результате ее работы были накоплены многочисленные сведения о преступниках и их пособниках, участвовавших в акциях по уничтожению евреев. Такие сведения содержатся практически в каждом акте, составленном местными комиссиями, в свидетельских показаниях, протоколах опросов (допросов) свидетелей. На их основании ЧГК составляла специальные списки фашистских преступников и их пособников, которые позднее использовались на судебных процессах, а также на Нюрнбергском процессе.

Сбор информации о лицах, причастных к зверскому уничтожению людей, проводился, кроме органов ЧГК, армейскими частями, а также органами контрразведки «Смерш». Так, в составе материалов Полтавской областной комиссии по расследованию злодеяний фашистских преступников имеется дело, в котором сконцентрированы материалы по расследованию отделом контрразведки «Смерш» 37-ой армии в декабре 1943 г. факта умерщвления в период оккупации детей и стариков евреев в г. Кобеляки Полтавской области. В материалах собрана также информация о том, что после расстрела всех евреев города были злодейски умерщвлены по заданию немецкого коменданта города 20 детей и стариков путем впрыскивания препарата морфия²⁰.

В фонде ЧГК собраны собственноручно написанные заявления

¹⁹ Там же. Оп. 125. Д. 8. Л. 24-35.

²⁰ Там же. Оп. 70. Д. 1062. Л. 3.

немецких военнопленных (на немецком языке и их переводы), свидетельствующие о зверствах, чинимых немецкими войсками на оккупированных территориях, а также в концлагерях на территории Германии и других стран. Сведения собирались отделами по делам военнопленных и интернированных областных Управлений МВД СССР и были сконцентрированы в Антифашистском отделе при Политотделе Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР. Заявления составлены лицами, лично присутствовавшими при расстрелах, или имеющих сведения через вторых лиц об экзекуциях и других преступлениях, в связи с чем большей частью содержат информацию точно датированную, с указанием во многих случаях фамилий фашистских преступников²¹. Сохранились в фонде также протоколы опроса военнопленных немецких солдат, проведенные членом ЧГК В.С. Гризодубовой в июле 1943 г. в Краснодаре (на русском и немецком языках)²².

Окупируемые власти на захваченных территориях создавали Юденраты (еврейские советы), которые должны были руководить еврейскими общинами и гетто под строжайшим контролем фашистов.

В фонде ЧГК имеется комплекс подлинных документов Еврейского Совета г. Дрогобыч за 1942 г. на польском, иврите и немецком языках. Сохранились Положение о Еврейском Совете, сведения о внутреннем распорядке жизни общины, об исполнении трудовой повинности, о реквизициях имущества; объявления, распоряжения, циркуляры, указания и приказы Еврейского Совета, протоколы заседаний Совета за 1942 г., подлинники объявлений немецких властей об использовании евреев на работах, о создании еврейских жилищных округов в Дрогобыче и др. В коллекции имеются образцы различных удостоверений, хлебных и продовольственных карточек на 1942 г., которые выдавал жителям Еврейский Совет города²³.

Большой интерес представляет специальное дело, сформированное в ЧГК в связи с поступлением из Еврейского антифашистского комитета 11 января 1945 г. обзора документов на иврите и идише, обнаруженных красноармейцами в оцинкованной коробке, извлеченной из стены дома в г. Шяуляй, которые представляли собой уникальные подлинные документы о жизни Шяуляйского гетто. (Подлинники в количестве 6 тетрадей находятся в фонде Нюрнбергского процесса, ГАРФ. Ф. 7445)²⁴.

²¹ Там же. Оп. 151. Д. 14, 15.

²² Там же. Оп. 16. Д. 13.

²³ Там же. Оп. 59. Д. 3-13, 18-21, 23; 24.

²⁴ Там же. Оп. 148. Д. 163. Л. 3, 9; Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 6. Опубликовано в кн.: *Иерусалим Э. Дневник Шяуляйского гетто. 1941-1944.* Иерусалим, 1958.

Учитывая, что Комиссия ставила своей целью собрать подлинные документы, характеризующие действия фашистов на оккупированной территории, и в том числе расистскую политику фашизма, в ее архив направлялись обнаруженные в процессе освобождения страны и других государств документы немецкого командования и местной военной и гражданской администраций. В результате собранные комиссией подлинные документы легли в основу Обвинительного заключения, предъявленного обвиняемым на Нюрнбергском процессе. В Обвинительном акте приводились цитаты из программных документов и выступлений идеологов и практиков фашизма – Розенберга, Лея, Штрейхера.

Кроме того, комиссия собрала большое число подлинных документов (приказов, объявлений, распоряжений) немецкой и румынской военной и гражданской администраций, свидетельствующих, что «...истребление евреев стало официальной государственной политикой, проводимой как в официальном порядке, так и путем подстрекательства к массовым и индивидуальным насилиям»²⁵. В фонде собраны директивы и приказы гитлеровского правительства и германского военного командования в виде подлинников, фотостатов и копий, отражающие как общую политику поведения фашистских войск на Востоке (например, приказ командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала фон Рейхенау от 10 октября 1941 г.), так и направленные на проведение карательной политики в отношении мирных граждан и военнопленных, в том числе и применительно к евреям. В фонде ЧГК имеются типографские экземпляры различных объявлений, регулирующих порядок и правила поведения евреев на оккупированной территории. Например, «Предостережение Львовского губернатора и начальника полиции всем частным лицам, учреждениям, домовладельцам о запрещении давать приют и укрывать хотя бы на короткий срок евреев» от 15 августа 1942 г., объявление начальника округа и г. Тернополя «О вывешивании на зданиях и квартирах, занимаемых евреями, еврейской звезды» от 9 августа 1941 г.²⁶

Часть немецких документов, обнаруженных органами НКГБ после освобождения Киева и других городов Украины, поступила в ЧГК в 1945 г. от Народного комиссариата государственной безопасности. В их числе телефонограмма Р. Гейдриха – начальника Главного управления безопасности рейха, направленная из Берлина 29 июня 1941 г., нацеленная на развертывание погромных настроений в среде местного населения против коммунистов и евре-

²⁵ Нюрнбергский процесс. М., 1957. Т. 1. С. 107-108.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 181. Л. 1, 191; Д. 10а. Оп. 17. Д. 14. Л. 27-29.

ев. Цель немецких чинов состояла в том, как это изложено в телеграмме, чтобы «не препятствовать стремлениям антикоммунистических и антисемитских кругов ... к самостоятельным действиям. Наоборот, эти стремления должны негласно поощряться, активизироваться и направляться, в случае необходимости, по правильному пути». Многие из трофейных документов, собранных ЧГК, позднее были представлены на Нюрнбергском процессе. Они содержали информацию о проведении акций по уничтожению еврейского населения на территории Белоруссии, Ленинградской области, Латвии, Литвы и Эстонии за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г. (переводы выдержек из отчетов оперативной группы «А» полиции безопасности). В их числе также копия проекта определения понятия «еврей» в оккупированных восточных областях, разработанного имперским министром по оккупированным восточным областям; копия письма имперского руководителя СС и начальника немецкой полиции от 16 октября 1943 г. «Об использовании евреев на работе в оккупированных восточных областях», которое регламентировало применение труда евреев только на физических работах (без применения их труда для общего и личного обслуживания, а также для выполнения поручений), и запрещало «личные связи с евреями, еврейками и приравненными к ним лицами, а также общение с ними, выходящее за рамки служебной необходимости», и др.²⁷

ЧГК полностью выполнила поставленную перед ней задачу – собрала обширнейший материал, который документально подтверждал совершение гитлеровцами жесточайших, невиданных в истории преступлений против человечности. Страницы собранных документов – трагические страницы Холокоста в настоящее время открыты для изучения и активно используются для сохранения памяти катастрофы и героизма. Документы ЧГК – урок истории грядущим поколениям, прежде всего молодежи, живущей в новом мире, предупреждение всем народам об опасности человеконенавистнической идеологии, расизма и антисемитизма.

²⁷ Там же. Оп. 116. Д. 37 а. Л. 26-27; Оп. 148. Д. 206. Л. 18. Опубликовано в кн.: Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944 гг.). М., 1968.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ФРГ

Хельмут Буттервек, автор одной из книг, опубликованных к 60-летию Международного военного трибунала, следующим образом определил динамику образа Нюрнберга в памяти нескольких поколений немецких граждан: «Процесс разделяет судьбу многих великих событий и исторических личностей. Они выдвигаются на первый план, когда могут служить примером. Когда в них не нуждаются, о них забывают. Их намертво замалчивают, вытесняют из памяти и табуизируют, когда память о них неприятна»¹.

Речь в данной статье пойдет не только о научных публикациях, но, прежде всего, о восприятии Нюрнбергского процесса (и комплексной проблемы наказания нацистских преступников) общественным мнением на различных этапах эволюции политической культуры и общественного сознания ФРГ. В работах о Нюрнберге неразрывно сплелась проблематика германской истории военного и послевоенного времени, истории международных отношений, теории и практики права. Говоря словами одного из немецких ученых, историки нередко выступают в роли судей, а судьи в роли историков.

Репортажи 1945–1946 гг. из Дворца правосудия в Нюрнберге потрясли мировую общественность. «Наша собственная история, – вспоминал впоследствии философ Юрген Хабермас (в 1946 г. ему исполнилось 17 лет), – внезапно озарилась таким светом, в котором изменились все ее существенные аспекты. Я вдруг увидел, что мы жили в рамках преступной политической системы»².

Вопрос о вовлеченности германского народа в злодеяния режима, о его вине и ответственности мучил вернувшегося из эмиграции немецкого романиста Альфреда Дёблина. В выпущенной в 1946 г. (под псевдонимом) брошюре он писал: «Мы достигли глав-

¹ *Butterweck H.* Der Nürnberger Prozess. Eine Entmystifizierung. Wien, 2005. S. 9.

² *Fideler H.* Der Nürnberger Lehrprozeß. Baden-Baden, 1946. S. 30.

ного этапа германской истории. После того, о чем мы узнали, как ответить на вопрос: виноват ли народ? Можно ли простить слабость, леность, приспособленчество? Виновны мы или нет? Должны ли мы сделать выводы из прошлого? Извлечем ли мы для себя выводы, которые следуют из преподанных нам ужасных, необходимых и целительных уроков, превращающих нас в настоящих немцев, в настоящих европейцев?»³.

Политический обозреватель Эрик Регер связывал с деятельностью Международного военного трибунала надежды на «восстановление причинно-следственной связи между настоящим, прошлым и будущим»⁴. Об этом же писал основатель журнала «Die Gegenwart» Бенно Райфенберг: «Возрождение нации может быть совершено только нами самими, только внутри нас самих... Нюрнберг – это единственная возможность выяснить отношения между нами и нашим недавним прошлым»⁵. Вальтер Диркс выражал уверенность в том, что «и на полях сражений, и в зале суда» человечество формирует «новую нравственность»⁶.

Но для массы обывателей – их стали именовать «попутчиками» режима («Mitläufer») – процесс принес не только страх, но и облегчение. Для них наказание главных военных преступников было равнозначно тому, что проблемы прошлого уже разрешены. «Нюрнбергские виселицы, – заметил Карл-Хайнц Янссен, – сняли вину с попутчиков»⁷.

Регер так характеризовал доминировавшие в обществе настроения: «С каждым документом обвинения, когда вся шеренга нацистов от Геринга до Кейтеля все чернеет и чернеет, среднестатистический немец становится подобен ясной романтической луне над Гейдельбергским замком... "Вот во что они нас превратили! Если бы мы только знали!" – заливается хор партайгеноссен, которые еще недавно с удовольствием глядели на то, как унижаются и уничтожаются народы всего мира»⁸. Приведу еще одно свидетельство современника: «Зачем смотреться в зеркало? Чтобы увидеть в нем отвратительную рожу? Не проще ли отделаться дешевой болтовней о том, что все это надувательство и притворство? Разве не идет в Нюрнберге суд победителей над побежденными? Разве не

³ Horster D. Habermas zur Einführung. Hannover, 1980. S. 1.

⁴ Der Tagesspiegel. 30.X.1945.

⁵ Reifenberg B. Epilog zu Nürnberg // Die Gegenwart. 1946. H. 24/25. S. 10-11.

⁶ Dirks W. Nürnberg und die Geschichte // Frankfurter Hefte. 1946. H. 1. S. 4.

⁷ Licht in den Schatten der Vergangenheit. Zur Enttabuisierung der Nürnberger Kriegsverbrecherprozesse. Frankfurt a.M., 1987. S. 38.

⁸ Der Tagesspiegel. 18.XII.1945.

доказано, что право всегда на стороне сильных?»⁹.

Современный читатель получил уникальную возможность понять, насколько широк и парадоксален был спектр суждений германских современников о целях, характере и ходе процесса. В 2006 г. в ФРГ была издана большая подборка личных писем, направленных немецкими гражданами главному обвинителю от США Роберту Джексону. Публицист Генри Бернхард обнаружил эти документы в фонде Джексона в Библиотеке конгресса в Вашингтоне и опубликовал их с обстоятельными комментариями¹⁰.

В письмах достаточно часто выдвигались требования, «как можно скорее положить конец этому затянувшемуся процессу» и расправиться с преступниками, поскольку они «не заслужили жизни среди людей», «такими же способами, как они мучили другие народы». Один из авторов, выступая за «искоренение нацизма со всеми его корнями», готов был «выполнить роль палача» (даже «с топором в руках»). Или: «Этот дорогостоящий и длительный процесс превратился в фарс», следует «просто расстрелять» подсудимых. На страницах сборника воспроизведены следующие признания: «Мы все виновны в этой войне, мы не исполнили свой долг»; «Я и мой муж стыдимся быть немцами». И буквально на соседней странице: «Народ ничего не знал об истреблении евреев и о ситуации в концлагерях». Тут же призывы помиловать Геринга и компанию, «отдать отобранные у немцев колонии или дать им взамен нечто равноценное», «вернуть им место под солнцем».

Не обошлось без обличений – вполне в нацистском духе – «демократической еврейско-капиталистической банды Америки и Великобритании, которая виновна в бедах всего мира». И даже: обвиняемые «могут весьма пригодиться Америке и Англии, поскольку война между Востоком и Западом рано или поздно все равно станет неизбежной»¹¹.

Великий мыслитель Карл Ясперс тщетно пытался убедить соотечественников в «правомерности и правдивости» Нюрнбергского трибунала: «Национальный позор состоит не в суде, а в том, что к нему привело, в самом факте этого режима и его действий. Сознание национального позора для немца неизбежно. Оно направлено не в ту сторону, если обращено к этому процессу, а не к его истоку»¹².

⁹ *Rümelin F.* Die Nürnberger Rechtsprechung // So lebten wir. Ein Querschnitt durch 1947. Heilbronn, 1948. S. 119-120.

¹⁰ Ich habe nur noch den Wunsch, Scharfrichter oder Henker zu werden. Briefe an Justice Jackson zum Nürnberger Prozess. Halle, 2006.

¹¹ Ibid. S. 90, 143, 262, 106, 212, 103, 187, 122, 84, 256, 259.

¹² *Jaspers K.* Die Schuldfrage. Von der politischen Haftung Deutschlands.

Но ситуация складывалась иным образом. Оправдывался прогноз вернувшегося из эмиграции немецкого журналиста Карла Андерса: «Процесс завершен, и доказательства преступлений перекочевали в архивные папки, чтобы пребывать в забвении»¹³. Антифашистский импульс 1945 г. чрезвычайно быстро оказался исчерпанным в условиях активного включения ФРГ в холодную войну. Якорем спасения представлялась идея единоличной ответственности Гитлера, непричастности к его преступлениям немецкой правящей элиты. Этот тезис надолго определил главный вектор западногерманского исторического сознания.

В 1946–1948 гг. американские юристы провели на сепаратной основе 12 процессов над немецкими военными преступниками. В условиях холодной войны продолжение деятельности Международного военного трибунала, тем более с участием представителей СССР, представлялось неуместным и нежелательным. Но в тюрьме, расположенной рядом со зданием суда, находилось немало преступников, ожидавших своей очереди. На скамье подсудимых (в том же зале Дворца юстиции) все же оказались генералы (процессы под номерами 2, 7, 12), промышленники (процессы 5, 6, 10), дипломаты (процесс 11), юристы (процесс 3), врачи (процесс 1), палачи СС и айнзацгруппы (процессы 4, 8, 9). С одной стороны, это, несомненно, была уступка общественному мнению, прежде всего западных государств. Но, с другой стороны, сама организация работы американского суда и характер его приговоров серьезно отличались от того, как действовал Международный военный трибунал в 1945–1946 гг. Избавились не только от советских представителей, но и от американцев, активно выступавших за разоблачение и наказание приспешников Гитлера. Иногда создавалось впечатление, что немецкие адвокаты играли на процессах роль не меньшую, чем американские судьи и прокуроры. На процессах против 32 собственников и сотрудников концернов Флика, Круппа и ИГ Фарбениндурии интересы подсудимых защищали 92 немецких адвоката. Все же из 177 обвиняемых (суммарно по 12 процессам) 24 были приговорены к смертной казни (из них 12 позднее помилованы оккупационными властями США), 120 к пожизненному заключению или длительным срокам тюрьмы, 35 были оправданы.

Адвокат Роберт Серватиус, защищавший в 1945–1946 гг. Заукеля (а в 1961 г. – Эйхмана), настолько хорошо понял новый «дух времени», что в сентябре 1949 г. безапелляционно заявил: «Нюрн-

München, 1987. S. 35.

¹³ Anders K. Im Nürnberger Irrgarten. Nürnberg, 1948. S. 6.

берг – это возврат к варварству»¹⁴. В аналогичном духе высказывался влиятельный епископ евангелической церкви Дибелиус: «Для нас неприемлемо то, что русский выступает в качестве обвинителя. Нюрнберг не является воплощением всемирной совести»¹⁵.

Весной 1949 г. начал действовать т.н. «Гейдельбергский кружок» – фактически координационный комитет по реабилитации военных преступников, существовавший на средства торговых-промышленных палат Карлсруэ и Мангейма. В качестве главного организатора выступал Эдуард Валь – защитник на процессе концерна ИГ Фарбениндустри. В состав кружка входили Отто Крацбюлер – адвокат Дёница, Хайнрих Латернзер, представлявший на главном процессе защиту командования вермахта и генерального штаба, официальные делегаты региональных судов и министерств юстиции западногерманских земель. Комитет систематически направлял правительственным органам ФРГ рекомендации вполне определенного характера¹⁶. Валь откровенно шантажировал правящую элиту, утверждая, что без отказа от принципов Нюрнберга повторится – подобно послеверсальской ситуации – унижение Германии¹⁷.

С аналогичных позиций выступали и некоторые представители официальных кругов США. Один из высоких чинов военного министерства призывал в сентябре 1949 г.: «Нюрнберг следует похоронить по первому разряду». Это же министерство высказалось против издания протоколов «дополнительных процессов» на немецком языке. Обоснование было по-солдатски откровенным: «Отсутствует военная целесообразность»¹⁸.

Указанные протоколы так и не были опубликованы. Речь ведь шла о разоблачении и осуждении представителей как раз тех элит, которые плавно вошли в структуру правящего класса Федеративной Республики. С горькой иронией романист Вольфганг Кётпен писал: «Покупаешь за твердую немецкую марку старую ложку о том, что мы пуп земли... Забыты мертвые, прощены убийцы»¹⁹. (В

¹⁴ *Frei N. Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit.* München, 1996. S. 163.

¹⁵ *Frei N. Der Nürnberger Prozeß und die Deutschen. // Kriegsverbrechen im 20. Jahrhundert.* Darmstadt, 2001. S. 484.

¹⁶ *Frei N. Vergangenheitspolitik.* S. 163–164.

¹⁷ *Wahl E. Grundfragen der Nürnberger Prozesse // Schriften der Universität Heidelberg.* 1950. H. 4. S. 76.

¹⁸ *Brochhagen U. Nach Nürnberg. Vergangenheitsbewältigung und Westintegration in der Ära Adenauer.* Hamburg, 1994. S. 33, 27.

¹⁹ *Koepfen W. Wahn // Ich lebe in der Bundesrepublik. Fünfzehn Deutsche über Deutschland.* München, 1961. S. 34.

1960-е годы сокращенные издания материалов пяти «дополнительных процессов» были осуществлены в ГДР, но именно поэтому они оставались практически недоступными в ФРГ.)

Норберт Фрай анализирует результаты двух опросов общественного мнения, проведенных в американской оккупационной зоне осенью 1945 и осенью 1950 гг. Во время «большого процесса» 78% респондентов считали суд над приспешниками Гитлера справедливым. Противоположной оценки придерживались 5%. Через пять лет картина была радикально иной. О согласии с законным характером трибунала и его приговора заявляли 38% опрошенных, 30% высказали противоположную точку зрения. Для американских экспертов результаты такого рода оказались неожиданными. Современный историк задается вопросом: «В чем состоят причины столь серьезной эволюции общественного мнения? Какие события, происходившие в промежутке между 1945 и 1950 гг., побудили столь многих немцев изменить свою позицию?»²⁰. Фрай приходит к следующему выводу: это была реакция на формы, ход и результаты денацификации, осуществлявшейся западными союзниками и практически прекращенной с началом холодной войны. В таких условиях «требование преодоления нацистского прошлого сменилось требованием преодоления этого преодоления», взяла верх «агрессивность по отношению к "нюрнбергской системе"»²¹.

Наверное, самой массивной и самой циничной была атака на принципы Нюрнберга, предпринятая для реабилитации военной верхушки «Третьего рейха». У истоков этой кампании находился меморандум группы немецких генералов, направленный Международному военному трибуналу 19 ноября 1945 г., т.е. за день до начала процесса. Документ был обнаружен в государственном архиве Нюрнберга Манфредом Мессершмидтом. Авторы меморандума – нацистские военачальники, активно участвовавшие в планировании и осуществлении захватнической войны против Советского Союза: бывший главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич, бывший командующий 11-й армией, затем группой армий «Дон» генерал-фельдмаршал фон Манштейн, бывший начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер, бывший заместитель начальника штаба оперативного отдела верховного командования вермахта генерал Варлимонт.

В указанном документе, отмечает Мессершмидт, была заложена схема «безоговорочной фальсификации» истории войны. Стре-

²⁰ *Frei N.* Der Nürnberger Prozeß und die Deutschen. S. 478.

²¹ *Ibid.* S. 480-481.

мясь снять с себя ответственность за план «Барбаросса», высшие военачальники вермахта утверждали, что они якобы были «обескуражены» приказом Гитлера начать войну против СССР и буди бы «ни в коем случае не одобряли» этого решения.

Сопоставляя утверждения генералов с составленными и подписанными ими в начале 1941 г. оперативными документами по плану «Барбаросса», Мессершмидт убедительно доказывает абсолютную несостоятельность положений меморандума. Автор аргументированно отвергает версию о том, что генералы верили в нападение России на рейх, чтобы «упредить германское наступление». Телфорд Тейлор, один из американских обвинителей на Нюрнбергском процессе, тогда уже пришел к полностью подтвердившемуся выводу: в документе, подписанном нацистскими генералами содержатся «зародыши будущих мифов и легенд», которые будут направлены на реабилитацию вермахта²³.

Как известно, Международный военный трибунал (вопреки даводам обвинения и особому мнению советского судьи И.Т. Никитченко) не принял решения об объявлении преступными организациями генерального штаба и верховного командования вермахта. Правда, в Приговоре содержался тезис о том, что «путем индивидуальных судов» над генералами вермахта «можно будет достичь лучшего результата, чем путем вынесения трибуналом решения, требуемого обвинением». И далее: «Эти люди должны быт преданы суду с тем, чтобы те из них, которые повинны в совершении этих преступлений, не избежали кары»²⁴.

Но этого на территории ФРГ как раз и не произошло. Судебное преследование военных преступников было фактически прекращено. В 1946–1947 гг. состоялся британский суд над генерал-фельдмаршалом Кессельрингом. Он был приговорен к смертной казни в мае 1947 г., помилован и отпущен на свободу в 1952 г. Скандальным оказался процесс в британском же суде в 1949 г. над генерал-фельдмаршалом фон Манштейном, которого приговорили к 18 годам тюрьмы, затем сократили срок до 12 лет, а в 1953 г. о

²² *Messerschmidt M.* Vorwärtsverteidigung. Die «Denkschrift der Generale» im den Nürnberger Gerichtshof // Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Hamburg, 1995. S. 531–550.

²³ *Taylor T.* Die Nürnberger Prozesse. Hintergründe, Analysen und Ergebnisse aus heutiger Sicht. München, 1995, S. 613.

²⁴ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в 7 томах. М., 1961. Т. 7. С. 421, 434.

²⁵ *Wette W.* Die Wehrmacht. Feindbilder, Vernichtungskrieg, Legenden. Frankfurt a.M., 2002. S. 220.

пустили из тюрьмы²⁶.

Летом 1945 г. американские оккупационные власти собрали в нескольких лагерях германских генералов, захваченных в последние месяцы и недели войны войсками Великобритании и США. Среди них находились три бывших начальника генштаба (Гальдер, Цейтцлер, Гудериан), их сослуживцы в генеральских чинах (Варлимонт, Блюментритт, Хойзингер), командующие группами армий (Хейнрици, Рендулич). Сложилась парадоксальная ситуация: одни немецкие генералы находились на скамье подсудимых в Нюрнберге, а другие по прямому приказу военных властей США (в группу входило до 150 человек) уже с лета 1945 г. интенсивно работали над составлением документальных отчетов о ходе военных кампаний вермахта, преимущественно о боевых действиях на Восточном фронте.

Бывший генерал-фельдмаршал Кюхлер в марте 1947 г. указывал – как старший по званию – на недопустимость «какой-либо критики германского командования» и поставил перед подчиненными задачу «соорудить памятник германским войскам»²⁷. Как признавал бывший генерал фон Швенпенбург, участники группы даже получили возможность «изымать из обращения те или иные разоблачительные документы, которые могли быть использованы на Нюрнбергском процессе»²⁸.

Материалы, подготовленные под американским контролем и уже несшие на себе неизгладимую печать холодной войны, легли в основу многочисленных мемуаров бывших военачальников Гитлера, позднее в избытке заполнивших книжный рынок ФРГ. «Первой ласточкой» стала выпущенная в 1949 г. брошюра генерал-полковника Гальдера «Гитлер как полководец»²⁹. Начала формироваться легенда о «чистом вермахте», которая как нельзя лучше описывала обстановку международной конфронтации.

Именно этой цели служил выпуск в первой половине 1950-х годов книг Гудериана, Блюментритта, Ферча, Варлимонта, Типпельскирха, Хоссбаха, Лоссберга, Кессельринга, фон Манштейна и

²⁶ *Wrochem O. von. Rehabilitation oder Strafverfolgung. Kriegsverbrecher-Prozeß gegen Generalfeldmarschall Erich von Manstein im Widerstreit britischer Interessen // Mittelweg 36. 1997. H. 3.*

²⁷ *Wegner B. Erschriebene Siege. Franz Halder, die «Historical Division» und die Rekonstruktion des Zweiten Weltkrieges im Geiste des deutschen Generalstabes // Politischer Wandel, organisierte Gewalt und nationale Sicherheit. München, 1995. S. 294.*

²⁸ *Ueberschär G. Generaloberst Franz Halder. Generalstabschef, Gegner und Gefangener Hitlers. Göttingen, 1991. S. 95.*

²⁹ *Halder F. Hitler als Feldherr. München, 1949.*

других генералов гитлеровской армии. Широкое распространение тенденциозных генеральских публикаций стало фактором деформации массового исторического сознания. Именно из «резервуара лицензированных мемуаров», по оценке Ханнеса Геера и Клауса Наумана, черпались аргументы, получившие «широкое одобрение в контексте восстановления военной мощи ФРГ»³⁰. Война против СССР, утверждает Ульрих Герберт, «была переосмыслена в войну против большевистской угрозы», создавая таким образом «элемент преемственности между горячей войной против СССР и холодной войной западных демократий против советской империи»³¹.

Вплоть до недавнего времени в социальном сознании Федеративной Республики едва ли не господствовало представление о том, что вермахт вел против Советского Союза «чистую войну», которая якобы не вступала в противоречие с международными правовыми нормами. Что же касалось очевидных преступлений на оккупированных территориях СССР, то они привычно относились на счет нацистских карательных формирований. Вина за агрессию и ее провал перекладывалась на «фюрера» (типичные названия книг 1950-х годов: «Преданные битвы», «Утраченные победы»), криминальные акции объявлялись привилегией «грязных СС», а вермахт характеризовался как высокопрофессиональная армия с незапятнанной репутацией.

«В значительно бóльшей степени, чем мы это можем представить, — отмечает Бернд Вегнер, — в течение двух десятилетий (а частично и сегодня) западногерманская историография Второй мировой войны, в особенности германско-советской войны, была историографией побежденных»³².

Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр утверждал, выступая в бундестаге 5 апреля 1951 г.: «Среди военнослужащих число тех, кто действительно виновен, столь невелико, столь незначительно, что это не наносит какого-либо ущерба чести бывшего вермахта»³³. В записке, подготовленной по поручению Аденауэра (август 1950 г.) бывшим генерал-лейтенантом Шпейделем, прямо выдвигались требования «помиловать военных преступников, прекратить диффамацию немецких солдат»³⁴. Как уже было сказано, материалы

³⁰ Heer H., Naumann K. Einleitung // Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. S. 33.

³¹ Herbert U., Groeler O. Zweierlei Bewältigung. Vier Beiträge über den Umgang mit der NS-Vergangenheit. Hamburg, 1992. S. 13.

³² Wegner B. Op. cit. S. 287.

³³ Naumann K. Wehrmacht und NS-Verbrechen // Mittelweg 36. 1992. II. 5. S. 132.

³⁴ Baring A. Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bd. I. München, 1971. S. 152.

процесса верховного командования вермахта так и не были изданы в ФРГ, зато на книжных прилавках оперативно появился сборник речей, произнесенных Латернзером в защиту генералов на этом процессе³⁵.

С начала 1950-х годов рынок – в полном соответствии с политической конъюнктурой – был буквально наводнен изданиями, направленными против принципов Нюрнберга. Монополию на трактовку главного и последующих процессов захватили адвокаты подсудимых. В одной из подобных публикаций (автор – Карл Хензель, защищавший преступников из числа СС и нацистских дипломатов на процессах 8 и 11) читателю предлагалось «познание правды о Нюрнбергском процессе», рассказ о том, «как это было на самом деле». Но главным выводом был тезис о том, что у трибунала отсутствовала правовая основа, что суд был подобен средневековой инквизиции³⁶.

Типична аргументация Латернзера: «Международное право должно одинаково распространяться как на победителей, так и на побежденных»; все злодеяния на оккупированных территориях совершались «либо по приказу своего начальника, либо на основании распоряжений своего правительства», были «вызваны военной необходимостью» или «исключительными обстоятельствами»³⁷. В официальном издании, предназначенном для политико-исторического просвещения солдат и офицеров бундесвера, говорилось об «оккупационной природе» Нюрнбергского процесса. При этом обвинению и судьям приписывалось «непомерное расширение понятия виновности», а Устав Трибунала объявлялся противоречащим международному праву³⁸. Одна за другой следовали амнистии, одна за другой в бундестаге предпринимались попытки ввести срок давности для военных преступлений.

Получили самое широкое распространение легенды о Нюрнберге как о «суде победителей» и «орудии мести за проигранную войну». При этом игнорировалось то, что под Лондонским соглашением об учреждении Международного военного трибунала (8 августа 1945 г.) стояли подписи представителей 23 государств, а принципы, лежащие в основе его деятельности, были полностью

³⁵ *Laternser H.* Verteidigung deutscher Soldaten. Plädoyers vor alliierten Gerichten. Bonn, 1950.

³⁶ *Haensel C.* Das Gericht vertagt sich. Tagebuch eines Verteidigers bei den Nürnberger Prozessen. Hamburg, 1950. S. 9-10, 13, 18-19.

³⁷ *Латернзер Г.* Вторая мировая война и право // Итоги второй мировой войны. Сборник статей. М., 1957. С. 547, 550.

³⁸ *Schicksalsfragen der Gegenwart.* Handbuch politisch-historischen Bildung. Bd. 1. Tübingen, 1957. S. 275, 283, 194.

одобрены Генеральной Ассамблеей ООН (11 декабря 1946 г., 27 ноября 1947 г.). Умалчивали о том, что требования суда над нацистскими преступниками задолго до Нюрнберга выдвигались различными группами германского Сопротивления и антифашистской эмиграции³⁹.

Утверждалось, будто союзники в обращении с немцами исходили из положения об их «коллективной вине». На самом деле, как убедительно доказывает Норберт Фрай, данный тезис никогда не формулировался союзниками, а его распространение в западно-германской прессе послужило для немцев «желанным поводом ощущать себя жертвами преследования», проявлением «коллективной агрессии, направленной против Нюрнберга»⁴⁰.

В начале 1960-х годов произошли существенные сдвиги в массовом сознании ФРГ. На арену общественной деятельности вышло новое поколение людей, родившееся уже после войны, не имевших непосредственного опыта нацизма, но непримиримых ко лжи о прошлом. Под давлением антифашистских сил вынуждены были уйти с правительственных постов люди с коричневым прошлым – Оберлендер и Глобке. В 1958 г. было учреждено Центральное ведомство по расследованию нацистских преступлений, расположенное в Людвигсбурге. Сотрудники правоохранительных органов (а позднее и ученые-историки), писала «Süddeutsche Zeitung», получили, наконец-то, возможность «исследовать хранящиеся у союзников материалы о нацистских преступлениях» – «еще до того, как с чистой совестью будет подведена черта под прошлым, к чему стремятся столь многие»⁴¹.

Фактическим продолжением Международного военного трибунала стал (через 18 лет!) Франкфуртский процесс против палачей Освенцима. Впервые процесс над нацистскими преступниками, получивший международную огласку, был проведен правосудием ФРГ. Этот суд, по оценке еженедельника «Die Zeit», «изменил лицо Федеративной Республики»⁴². Процесс проходил в течение 20 месяцев: с декабря 1963 по август 1965 гг. Предварительное следствие продолжалось около пяти лет. На скамье подсудимых находилось 22 человека. Все они были, за исключением одного, офицерами или унтер-офицерами СС. Было проведено 182 судебных заседания, допрошено 359 свидетелей – граждан 19 государств⁴³.

³⁹ Steinbach P. NS-Prozesse und historische Forschung // Täter – Opfer – Folgen. Der Holocaust in Geschichte und Gegenwart. Bonn, 1995. S. 141-142.

⁴⁰ Frei N. Der Nürnberger Prozeß und die Deutschen. S. 491.

⁴¹ Süddeutsche Zeitung. 30/31.VIII.1958.

⁴² Die Zeit. 20.VIII.2005.

⁴³ «Gerichtstag halten über uns selbst...». Geschichte und Wirkung des ersten

Процесс над палачами Освенцима неразрывно связан с именем Фрица Бауэра (1903–1968 гг.) – убежденного борца против гитлеризма, выдающегося юриста, в 1933–1936 гг. политического эмигранта, а с 1956 г. – генерального прокурора земли Гессен. Он был белой вороной в среде западногерманских юристов, большей частью начинавших свою карьеру в «Третьем рейхе» и неразрывно связанных с нацистской идеологией и практикой. Бауэр неустанно предупреждал: «Убийцы среди нас, и их число куда больше, чем это кажется добропорядочному бюргеру»⁴⁴. Вопреки всем препонам он добился решения Верховного суда ФРГ о начале расследования преступлений находившихся на свободе палачей Освенцима, что открыло дорогу Франкфуртскому процессу⁴⁵.

Основной доказательной базы Франкфуртского процесса, подчеркнул Бауэр, послужили материалы Международного военного трибунала⁴⁶. Судебной коллегии были представлены неопровержимые доказательства (в том числе экспертные заключения Института современной истории в Мюнхене) о геноциде против еврейского народа, о преступных действиях СС, о плановом уничтожении советских военнопленных и роли вермахта в этих злодеяниях. После Франкфуртского процесса слово «Освенцим» стало шифром нацистского режима. Общество через двадцать лет после капитуляции Германии вернулось к мучительной проблеме национальной вины и национальной ответственности.

В репортажах из зала суда вольно или невольно воссоздавался механизм воздействия диктатуры на «простых немцев», которые либо участвовали в злодеяниях, либо молча потакали палачам. Не стремление ли уйти от саднящего душу ощущения вины и ответственности рядовых немцев объясняет парадоксальные, на первый взгляд, результаты опросов общественного мнения 1964–1965 гг.? При повсеместном осуждении нацистских преступлений значительная часть респондентов – от 52 до 69% – высказывалась за прекращение судебного преследования фашистских преступников⁴⁷. Противоречие между осознанием национальной вины и стремлением отвести ее от себя касается основной субстанции общественного сознания ФРГ и выходит далеко за пределы 1960-х годов.

Frankfurter Auschwitz-Prozesses. Frankfurt a.M., 2001.

⁴⁴ Stimme der Gemeinde zum kirchlichen Leben, zur Politik, Wirtschaft und Kultur. 1958. H. 22. S. 97.

⁴⁵ Bauer F. Die Humanität der Rechtsordnung. Ausgewählte Schriften. Frankfurt a.M., 1998.

⁴⁶ Ibid. S. 103.

⁴⁷ «Gerichtstag halten über uns selbst...». S. 103.

Индикатором существенных перемен в историческом сознании, новым словом в западногерманской историографии стала публикация Юргена Вебера «Смысл и проблематика Нюрнбергских процессов над военными преступниками»⁴⁸. Не случайным, очевидно, было и то, что год выход работы в свет – 1968-й – был ознаменован подъемом оппозиционного движения в ФРГ.

С точки зрения Вебера, приговор Международного трибунала представлял «не только юридический, но, прежде всего, политический интерес». Представленные обвинением материалы, надеется автор, стали гарантией того, что «сокрытие или приукрашивание действий нацистских правителей впредь окажется невозможным». Была осуждена наиболее одиозная часть прежней элиты, ее возвращение к власти – в отличие от Веймарской республики – оказалось невозможным.

«Невозможно утверждать, – уверен Вебер, – что процесс носил несправедливый характер... Нас связывает с прошлым преемственность, но не солидарность. Именно поэтому мы не можем инстинктивно отвергать процесс как позор для Германии». Едва ли не главное в аргументации автора – убежденность в личной ответственности каждого в условиях диктатуры: «Не рассматривать прошлое как результат коллективных, надличностных акций, но – как функцию каждого человека. Понятие трагической вовлеченности в преступные акции было бы чересчур простым. Обстоятельства времени могут служить объяснению, но никак не оправданию криминальных действий». Что же касается фальшивых оценок Нюрнберга, то исследователь проразительно заметил: все дело в том, что в обстановке холодной войны правовые аспекты процесса соответствующим образом трансформировались в политические⁴⁹.

Около десяти раз публиковалась в ФРГ книга журналиста Джо Хайдеккера и историка Йоханнеса Лееба «Нюрнбергский процесс: Итог тысячелетия. История Третьего рейха в зеркале процесса»⁵⁰. Вплоть до сегодняшнего дня данная работа позволяет массовому читателю, особенно из среды молодежи, ознакомиться с оригиналами основных документов Международного военного трибунала, деятельность которого «нельзя вычеркнуть из мировой истории и истории права». Хайдеккер и Лееб объясняют такую структуру книги необходимостью преодоления негативных стереотипов: «В

⁴⁸ Weber J. Sinn und Problematik der Nürnberger Kriegsverbrecherprozesse // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1968. N. 48.

⁴⁹ Ibid. S. 9, 28-29.

⁵⁰ Heydecker J., Leeb J. Der Nürnberger Prozeß. Bilanz der tausend Jahre. Die Geschichte des 3. Reiches im Spiegel des Nürnberger Prozesses. München, 1975.

сознании и подсознании немцев Нюрнбергский процесс предстает как нечто неясное, туманное, во всяком случае, неприятное событие, которое следует позабыть вместе с неудобным прошлым»⁵¹.

Особое место в германской историографии Нюрнбергского процесса занимают книги Р.М.В. Кемпнера (1899–1993). Рожденный в немецко-еврейско-русской семье, доброволец Первой мировой войны, социал-демократ, Роберт Макс Василий Кемпнер избрал профессию юриста. В последние годы Веймарской республики он был последовательно судьей, прокурором, сотрудником МВД Пруссии, решительно выступая на этих постах против нараставшей угрозы фашизма. По специальному распоряжению Геринга весной 1933 г. он был уволен из министерства, в 1935 г. арестован, лишен гражданства, с риском для жизни покинул Германию. С 1939 г. Кемпнер был занят юридической практикой в США, оказывал помощь эмигрантам-антифашистам, сотрудничал в комиссии по расследованию военных преступлений стран оси.

В 1945 г. наступил звездный час в жизни Кемпнера. Президент Трумэн назначил Роберта Джексона главным обвинителем от США на процессе против верхушки Третьего рейха, и Джексон выдвинул Кемпнера – как крупнейшего знатока германских дел – на должность своего советника и помощника. В Нюрнберге талант Кемпнера развернулся в полную силу. Он мастерски провел допросы ряда подсудимых и свидетелей, сыграл решающую роль в подборе и систематизации доказательств, представленных американским обвинением. Именно Кемпнер обнаружил в делах германского МИДа протокол конференции в Ваннзее 20 января 1942 г., определившей курс Третьего рейха на «окончательное решение еврейского вопроса».

Надежда Кемпнера на то, что Нюрнберг «быстро найдет свое место в сознании немцев»⁵², увы, не оправдалась. Но его содержательные, написанные с подлинным литературным блеском книги о процессе стали неотъемлемой частью германской историографии Нюрнберга⁵³. Он сам сказал о своей деятельности как «сочетании профессий прокурора, исповедника и историка в одном лице»⁵⁴.

В 1951 г. Кемпнер вернулся на родину и, идя против течения, неустанно боролся против реабилитации нацистских преступни-

⁵¹ Ibid. S. 15, 13.

⁵² New York Times Magazine. 6.X.1946.

⁵³ *Kempner R.M.W. Das Dritte Reich im Kreuzverhör. Aus den unveröffentlichten Vernehmungsprotokolle des Anklägers in den Nürnberger Prozessen.* München, 1969; idem. *Ankläger einer Epoche. Lebenserinnerungen.* Frankfurt a.M., 1983; idem. *SS im Kreuzverhör. Nördlingen,* 1987.

⁵⁴ *Kempner R.M.W. Das Dritte Reich im Kreuzverhör. S. 22.*

ков. Его мучило сознание того, что «тысячи еще не выявленных убийц находятся на свободе», что «в них еще жив дух Освенцима»⁵⁵. Он вызывал нескрываемую ненависть «вечно вчерашних». В праворадикальной печати был опубликован злобный памфлет в виде «Обвинительного акта по делу бывшего помощника американского обвинителя на Нюрнбергском процессе»⁵⁶.

Университет города Оснабрюка (Вестфалия) в 1986 г. присвоил Кемпнеру звание доктора *honoris causa* как «человеку, который постоянно и бескомпромиссно выступает против несправедливости и вносит активный вклад в политическую культуру ФРГ»⁵⁷. Улица в берлинском районе Штеглиц-Целлендорф именуется теперь Кемпнерштрассе. Музей его имени создан в одной из гимназий Франкфурта-на-Майне⁵⁸.

40-летие процесса отмечалось в условиях, когда в ФРГ разгорелся т.н. «спор историков» и со всей остротой был поставлен вопрос: что будет преобладать в сознании западногерманских граждан – память о прошлом или забвение прошлого. Тревогой были проникнуты слова Карла-Хайнца Янсена, писавшего (используя известный каждому немцу образ «человека без тени» из повести Адельберта фон Шамиссо): «Немцы пытаются спастись бегством от самой страшной эпохи своей истории. Они хотели бы стать народом Шлемилей – жить без собственной тени. Но это им не удастся. Они должны, и это не зависит от возраста, нести на себе груз Освенцима, всегда помнить об этом и учиться понимать, почему это могло произойти»⁵⁹. Никогда прежде полемика о Третьем рейхе не достигала такой остроты, никогда дебаты публицистов и историков не вызывали столь сильного резонанса в обществе.

В контексте «спора историков» проблематика Нюрнбергского процесса получила новое измерение. В марте 1987 г. в Нюрнберге была проведена представительная научная конференция, посвященная юбилею процесса. Характерно ее название: «Луч, обращенный в темное прошлое». В предисловии к сборнику ее организаторы писали: «В течение 20 лет немцы стремятся преодолеть наследие Освенцима. Они сочувствуют жертвам и жалеют преступников. Нацистские преступления они рассматривают как дела Гитлера, гестаповцев и палачей в концлагерях». В ФРГ, по словам

⁵⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 14.VI.1965.

⁵⁶ Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. М., 1965. С. 116.

⁵⁷ http://www.2.uni-osnabrueck.de/pressestelle/zeitung_db/artikel

⁵⁸ Ewige Wachsamkeit ist der Preis der Freiheit. Die demokratische Rechtskultur von der Weimarer Republik bis zur Gegenwart. Katalog einer Ausstellung. Frankfurt a.M., 1995.

⁵⁹ Die Zeit. 21.XI.1986.

Йорга Валленберга и Йорга Фридриха, сложился «инстинктивный обет молчания» вокруг преступлений правящей элиты нацистского государства. Но «ландшафт исторической науки радикально изменился», начал исчезать «психологический панцирь незнания и нежелания знать» о преступлениях, раскрытых в Нюрнберге⁶⁰.

Понятия «тоталитарная диктатура», «Освенцим», «Холокост» давно уже стали предостережением едва ли не для каждого немца, однако признание реальности «другого Холокоста» – злодеяний по отношению к народам СССР – отторгалось массовым сознанием, тормозилось на отметках привычных формул типа «нужно было защищать Германию от большевизма», «никто не говорил тогда солдатам, что эта война не была оборонительной». Предельно трудно память об агрессии против СССР сопрягалась с проблемой национальной вины и национальной ответственности. Восприятие ужасающей картины «войны на Востоке» вызывало аллергию и у историков, и у большинства граждан Федеративной Республики. Вольфганг Бенц с горечью признавал: «Страдания советских людей, ужасы войны на советской земле все еще не стали достоянием коллективного сознания немцев»⁶¹.

С марта 1995 до ноября 1999 г., а затем с ноября 2001 по март 2004 г. в десятках германских городов была показана документальная экспозиция «Преступления вермахта». Проблематика злодеяний гитлеровской армии на оккупированных территориях СССР стала полем политического противостояния. Базовые факты, которые легли в основу экспозиции, были известны, о них говорилось на Нюрнбергском и на последующих процессах, в трудах известных немецких историков. Но нежелательные реалии отторгались широкой публикой. Дело было не в уровне исторических изысканий, но – в неготовности общественного мнения ФРГ воспринять полную правду. «Симптоматичным, – говорил, открывая выставку в Мёнхенгладбахе, Винфрид Фогель, – было негативное восприятие приговоров Нюрнбергских процессов»⁶². Дискуссии вокруг выставки, безусловно, стимулировали общественный интерес к тематике Нюрнберга.

Событием в исторической науке ФРГ, подлинным прорывом в историографии Нюрнберга стал в 1999 г. выход коллективного труда о процессах нацистских преступников. В подготовке сбор-

⁶⁰ Licht in den Schatten der Vergangenheit. S. 8-9, 34, 115.

⁶¹ Die Wehrmachtsausstellung. Dokumentation einer Kontroverse. Bonn, 1997. S. 30.

⁶² Krieg ist ein Gesellschaftszustand. Reden zur Eröffnung der Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». Hamburg, 1998. S. 63.

ника участвовало 20 авторитетных историков и юристов под руководством Герда Юбершера⁶³.

Опираясь на неопубликованные документы британских архивов, Лотар Кеттенаккер раскрывает механизм сложных переговоров и компромиссов союзных держав, приведших к согласованному решению о создании Международного военного трибунала. Петер Штайнбах видит «непреходящую заслугу» процессов не только в факте справедливой кары, но и в осуществлении «просветительской функции», в том, что «понятие "Нюрнбергский процесс" стало символом извлечения уроков из истории нацистской диктатуры»⁶⁴. В сборнике – впервые в ФРГ – содержится подробный анализ материалов 12 процессов, проведенных юристами США. Признавая политическую и научную значимость указанной документации, авторы тома вынуждены, вслед за Кемпнером, признать, что после 1946 г. «объем доказательных материалов о нацистских злодеяниях чудовищно вырос, но воля к наказанию преступников заметно ослабела»⁶⁵.

Значительный интерес читателей вызвал сборник «Путь к эшафоту», изданный Куртом Петцольдом и Манфредом Вайссбеккером, достойно представляющими историческую науку прежней ГДР. На страницах книги реконструированы биографии казненных по приговору военного трибунала преступников⁶⁶. В своей совокупности очерки представляют коллективный портрет нацистского правящего класса, портрет, начисто лишенный каких-либо карикатурных черт. По мнению Петцольда и Вайссбеккера, персонажи, сидевшие на скамье подсудимых, «представляли собой средний уровень германской элиты». Издатели сборника приходят к следующему выводу: «До сих пор не смолкают обвинения в том, что в Нюрнберге осуществлялось "правосудие победителей". Эти упреки не имеет под собой оснований. Данный тезис был порожден послевоенными властно-политическими интересами и был нацелен на то, чтобы уйти от "нежелательных фактов", которые в громадном количестве были представлены на суде»⁶⁷.

Ярким талантом полемиста отмечена упоминавшаяся книга Хельмута Буттервека. В течение десятилетий, отмечает автор, в ФРГ в освещении Нюрнбергского процесса «доминировали ложные сведения и предрассудки», равно как и «образцы банальной

⁶³ Der Nationalsozialismus vor Gericht. Die alliierten Prozesse gegen Kriegsverbrecher und Soldaten 1943–1952. Frankfurt a.M., 1999.

⁶⁴ Ibid. S. 37–38, 42.

⁶⁵ Kempner R.M.W. Ankläger einer Epoche. S. 346.

⁶⁶ Stufen zum Galgen. Lebenswege vor den Nürnberger Urteilen. Leipzig, 2004.

⁶⁷ Ibid. S. 16.

полуправды». До сих пор «в столкновениях между демократами и неонацистами Нюрнберг является для последних излюбленным объектом атаки». Бесспорен вывод Буттервека: «Тех, кто не хочет извлекать уроки из прошлого, Нюрнберг возмущает не потому, что процесс якобы велся некорректно. Как раз напротив, они недовольны тем, что он велся по правилам и что его доказательную базу даже при злых намерениях невозможно опровергнуть»⁶⁸. Воздействие деятельности Международного трибунала отнюдь не прекратилось. «Единственная возможность извлечь уроки из Нюрнбергского процесса состоит в том, чтобы оценивать все, что с тех пор произошло и что происходит сегодня, по масштабам того главного события»⁶⁹.

«Без Нюрнберга, – отмечала Аннеке де Руддер, – без последующих процессов над нацистскими преступниками мы не были бы там, где мы находимся сегодня. Юридическое извлечение уроков из прошлого не может заменить извлечения уроков морального свойства. Это ясно показал Нюрнберг. Но организованный союзниками большой процесс явился решающей основой для последующих попыток немцев взять на себя ответственность перед историей»⁷⁰.

В октябре 2005 г. берлинский мемориальный центр «Топография террора» открыл экспозицию, посвященную 60-летию процесса. В рамках выставки состоялся цикл лекций. Наибольший интерес вызвало яркое выступление Маркуса Вольфа, который в 1945–1946 гг. был корреспондентом Берлинского радио на Нюрнбергском процессе⁷¹, а впоследствии стал шефом внешней разведки ГДР. Вольф с полным основанием констатировал: «Возрос общественный интерес к подлинным причинам исторических событий. Об этом свидетельствует успех экспозиций, которые дают критическую оценку германской истории». Обращаясь к молодежи, он сказал: «Сохранить понимание значимости Нюрнбергского процесса и его уроков – эта задача имеет первостепенное значение и в

⁶⁸ Butterweck H. Op. cit. S. 9, 10, 421.

⁶⁹ Ibid. S. 419.

⁷⁰ Rudder A. de. «Warum das ganze Theater?». Der Nürnberger Prozeß in den Augen der Zeitgenossen // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. Bd. 6. Berlin, 1997. S. 267.

⁷¹ О репортажах Берлинского радио из зала заседаний Международного военного трибунала см.: Bartlitz Ch. Der Nürnberger Prozeß in Reportagen und Kommentaren des Berliner Rundfunks 1945/1946 // Schuld und Sühne (Amsterdamer Beiträge zur neueren Germanistik. Bd. 50/2.). Amsterdam, 2001. S. 555-566.

Германии, и за ее пределами»⁷². Воплощению этой благородной идеи была посвящена жизнь Маркуса Вольфа, скончавшегося в ноябре 2006 г.

Зал номер 600 на третьем этаже Дворца юстиции в Нюрнберге, где проходили заседания Международного военного трибунала, только с 1999 г. стал доступным для посетителей, да и то исключительно по выходным дням. И все же в 2005 г. число посетителей превысило 13 тысяч. В год 60-летия процесса группа известных граждан Нюрнберга выступила с инициативой превратить зал и прилегающие помещения в мемориальный центр, создав достойную экспозицию вместо нескольких существующих ныне весьма скромных стендов, расположенных к тому же на лестничной клетке. Опубликован призыв к финансированию проекта со стороны федеральных, региональных и муниципальных органов власти⁷³.

В непрекращающихся дебатах о Третьем рейхе на первый план вышли проблемы личной вины, личной ответственности за нацистские преступления, личного выбора в условиях диктаторского режима. Именно поэтому обсуждение тематики Нюрнберга приобрело в последние годы достаточно неожиданный ракурс, сконцентрировавшись вокруг роли Альберта Шпеера в системе нацистского государства.

О преступных деяниях главного гитлеровского архитектора и имперского министра вооружений было сказано в яркой заключительной речи главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко: «Шпеер занимал выдающееся место в государственном и военном механизме гитлеровской Германии и принимал самое непосредственное активное участие в планировании и осуществлении преступного заговора... Путем безжалостной эксплуатации населения оккупированных областей и военнопленных союзных государств, за счет здоровья и жизни сотен тысяч людей Шпеер увеличивал выпуск вооружения и боеприпасов для германских армий. Путем разграбления сырьевых и иных ресурсов оккупированных территорий Шпеер всячески усиливал военный потенциал гитлеровской Германии... И когда фашистские летчики бомбардировали мирные города и села, убивая женщин, стариков и детей, когда немецкие артиллеристы обстреливали из тяжелых орудий Ленинград, когда разрушали города Англии — это был результат деятельности Шпеера... Таков истинный облик и истинная роль подсудимого Шпеера в преступлениях гитлеровской клики»⁷⁴.

⁷² Junge Welt. 5.XI.2005.

⁷³ <http://www.netzeitung.de.spezial/zeitgeschichte/367949.html>

⁷⁴ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступни-

Во время процесса поведение Шпеера отличалось от поведения прочих главарей рейха. Поначалу он, как и другие, заявил о своей невиновности, но затем – не без оговорок – признал криминальный характер режима и собственную долю ответственности. Шпеер был приговорен к 20 годам тюремного заключения, которые он отбывал в тюрьме Шпандау в западной части Берлина.

Отсидев полный срок, он вышел на свободу в 1966 г. Бывший министр оказался на виду, его приглашали на званые приемы, у него брали интервью⁷⁵. В 1969 г. (сначала в газете «Die Welt», а затем отдельным изданием) Шпеер опубликовал мемуары, ставшие бестселлером и принесшие автору и издателю серьезный коммерческий успех⁷⁶. В книге содержались немаловажные подробности о разработке и реализации агрессивных планов Гитлера, о начале военной кампании против Польши, Франции и Англии, о подготовке войны против СССР.

Многие страницы мемуаров могли быть истолкованы как разоблачение Гитлера и его подручных, но только не самого Шпеера. Со страниц воспоминаний он предстал отнюдь не в качестве понесшего наказание военного преступника, но – в качестве обманутого идеалиста, интеллектуала и технократа, вынужденно сотрудничавшего с Гитлером, не ведавшего о преступлениях режима и постоянно выступавшего против махинаций «несимпатичного» ему Гимmlера. Был сконструирован образ бедного Фауста, которого втянул в свои сети Мефистофель-Гитлер. Это была хорошо продуманная и тщательно спланированная атака на Обвинительное заключение и Приговор Международного военного трибунала.

Успех мемуаров Шпеера не был случайным. Газета «Der Tagesspiegel» отмечала позднее: «Персона Шпеера идеально соответствовала потребностям послевоенных немцев. Ведь они, несмотря на все прегрешения, хотели быть пристойными гражданами. Ведь они, как и Шпеер, считали себя "приличными наци"»⁷⁷. Шпеер, по словам Вольфганга Бенца, в течение жизни целого поколения был режиссером лживого спектакля, в котором он предстал в «роли наци-джентльмена» и едва ли не «идеального образа

ками. Сборник материалов в 7 томах. Т. 7. С. 251-253.

⁷⁵ Выразительная психологическая характеристика Шпеера содержится в документальном повествовании писателя и переводчика Льва Гинзбурга, беседовавшего с бывшим рейхсминистром осенью 1968 г., еще до выхода в свет его воспоминаний (*Гинзбург Л. Потусторонние встречи. М. 1990. С. 244-258*).

⁷⁶ *Speer A. Erinnerungen. Berlin, 1969.*

⁷⁷ *Der Tagesspiegel. 11.V.2005.*

преодоления прошлого»⁷⁸. Норберт Фрай констатировал, что в образе Шпеера развита «самоидентификация представителей послевоенного германского общества: от роли якобы соблазненных режимом к роли его жертв»⁷⁹.

В конце 1960-х мемуары бывшего имперского министра стали своеобразным противовесом молодежному бунту, идеологи которого призывали немедленно и безоговорочно покончить с наследием гитлеровской диктатуры. Но воспоминания Шпеера не были плодом индивидуального творчества. Над текстом немало потрудились автор биографии Гитлера, видный консервативный публицист Йоахим Фест. Он, обладая выразительным слогом и незаурядным политическим чутьем, придал (по поручению берлинского издательства «Прописи») рукописи бывшего рейхсминистра необходимый лоск. И хотя Фест утверждал, что он был всего лишь «старательным редактором»⁸⁰, знающие люди называли Феста «повивальной бабкой» мемуаров Шпеера. Как констатировала «Frankfurter Rundschau», их связывала «общность интересов – не только публицистических»⁸¹.

Уже после смерти Шпеера, последовавшей в 1981 г., Фест опубликовал его подробное жизнеописание⁸², пустив в широкий оборот версию о том, что тот был «приличным наци», что его «втянули в сети национал-социализма» и т.д. Столь глубокоэшелонированной линии обороны не было, пожалуй, ни у кого из главных немецких военных преступников.

Характерной была реакция Ханса Моммзена на книгу Феста: «Ни о каком "втягивании" Шпеера не может быть и речи. Шпеер – это и есть национал-социализм». В аналогичном духе высказалась Франциска Аугштайн: «То, что называют "втягиванием", на самом деле было убийством, цепью преступлений, основанных на алчности и корыстолюбии, на грабеже чужого имущества. Это был путь по трупам»⁸³.

Но миф о Фаусте-Шпеере продолжал существовать вплоть до недавнего времени. Удар по легенде о неосведомленности и невиновности бывшего министра нанесли архивные разыскания тележурналиста Хайнриха Брелёра, результатом которых стал демонстрировавшийся программой WDR в мае 2005 г. трехсерийный

⁷⁸ Süddeutsche Zeitung. 17.V.2005.

⁷⁹ Die Tageszeitung. 12.V.2005.

⁸⁰ Fest J. Die unbeantwortbaren Fragen. Notizen über Gespräche mit Albert Speer zwischen Ende 1966 und 1981. Reinbek, 2005. S. 7.

⁸¹ Frankfurter Rundschau. 17.III.2005.

⁸² Fest J. Speer. Eine Biographie. Berlin, 1999.

⁸³ Süddeutsche Zeitung. 12.V.2005.

телефильм «Шпеер и он» (имеется в виду, конечно, Гитлер). Материалы фильма стали основой нескольких книжных публикаций⁸⁴. «Запоздалое разоблачение лжеца» – так озаглавила статью о фильме «Die Zeit»⁸⁵.

Отношение к телесериалу не было однозначным. Некоторые историки не увидели в сериале «ничего нового», критиковали Брелёра за смешение жанров документального и игрового кино. Но невозможно отрицать главного: тезис о Шпеере как о военном преступнике был теперь воспринят в ФРГ самой широкой публикой. Как заметил Михаэль Йейсман, «история о Шпеере – это история о нас самих, о Федеративной Республике, о ее слепоте, о ее иллюзиях»⁸⁶.

Телефильм неопровержимо доказал, что Шпеер нес непосредственную ответственность за широчайшее использование рабского труда заключенных и принудительных рабочих. По его плану был сооружен филиал Освенцима с газовыми камерами, крематориями и подвалами для мертвых тел. В архиве сохранилась пометка Шпеера на плане лагеря: «применять особое обращение» к заключенным. Это означало верную смерть. В конце 1944 г. на военных предприятиях, подчиненных Шпееру, работало не менее 500 тысяч узников лагерей. Под личным руководством Шпеера в горах Гарца ценой гибели десятков тысяч заключенных лагеря «Миттельбаудора» был сооружен гигантский подземный завод по производству ракет «фау-2». С целью добычи гранита для спроектированных Шпеером циклопических построек (в частности, стадиона для проведения партийных съездов на 400 тысяч человек) были созданы специальные концлагеря. Шпеер не только знал об истреблении евреев, но и самым активным образом участвовал в преступлениях Холокоста. «Архитектор смерти» – так названа статья о Шпеере в еженедельнике «Die Zeit»⁸⁷.

Проницательные наблюдатели еще во время войны указывали на подлинную роль Шпеера и людей его типа в системе нацистского (и постнацистского!) государства и общества. Себастьян Хаффнер, находившийся в эмиграции в Англии, писал в 1944 г.: «Мы избавимся от гитлеров и гиммлеров. Но не от шпееров – они оста-

⁸⁴ Broloer H. Speer und Er. Hitlers Architekt und Rüstungsminister. Berlin, 2005; *idem*. Unterwegs zur Familie Speer. Begegnungen, Gespräche, Interviews. Berlin, 2005; Broloer H., Zimmer R. Die Akte Speer. Spuren eines Kriegsverbrechers. Berlin, 2006.

⁸⁵ Die Zeit. 4.V.2005.

⁸⁶ Süddeutsche Zeitung. 9.V.2005.

⁸⁷ Die Zeit. 28.X.2004.

нутя с нами»⁸⁸. Закончился ли срок действия этого прогноза? Пали последний плацдарм защиты преступников, осужденных на Нюрнбергском процессе?

Ожесточенные споры вокруг хода и приговора Международного военного трибунала не прекращаются. Петер Штайнбах писал недавно: «Нюрнбергский процесс послужил извлечению уроков нацистского периода. Но это было начало, а не конец этой конфронтации... История Нюрнбергского процесса может и должна укрепить готовность потомков к борьбе против несправедливости»⁸⁹.

Налицо целая когорта публицистов, специализирующихся на попытках ревизии истории Нюрнбергского процесса. Наиболее беспардонным в стане профессиональных противников Нюрнберга является Вернер Мазер, в книге которого (многократно переизданной) вновь повторяются аргументы адвокатов подсудимых, ставятся под сомнение основные положения Обвинительного акта и Приговора. Он пытается утверждать, что обвинение в подготовке и развязывании агрессивной войны было «слабым аргументом», что в ходе процесса существовало «безнадежное положение обвиняемых», которые де «не могли обращаться к инстанции защиты», что победители руководствовались «правом мести» и т.д.⁹⁰. Но если воззрения авторов подобного толка доминировали в общественном мнении ФРГ в 1950-е годы, то ныне их установки противостоят основному потоку эволюции исторической культуры.

Процесс постижения германским обществом правды о преступлениях нацистов, правды о Нюрнбергском трибунале отнюдь не соответствовал законам линейного развития. Очевиден его пульсирующий характер. Ритмы этого процесса совпали с ритмами формирования гражданского общества в ФРГ, вхождения в жизнь новых поколений, смены соотношения политических сил в стране. Но противоположная тенденция отнюдь не прекратила своего существования. С уходом из жизни немцев, для которых нацистская диктатура являлась фактом собственной биографии, субстанция коллективной памяти исчезает и замещается достаточно приближенными коллективными представлениями. Только пятая часть современных германских граждан являлась свидетелем крушения гитлеризма. Процесс смены поколений накладывается на противоречивую структуру исторического сознания ФРГ. В нем происхо-

⁸⁸ <http://www.cinemusic.de/rezension.htm?rid=2676>.

⁸⁹ Steinbach P. Vorwort // Der Nürnberger Hauptkriegsverbrecherprozess (18. Oktober 1945 – 1. Oktober 1946). Eine Begleitbroschüre zur gleichnamigen Ausstellung. Berlin, 2005. S. 5, 7.

⁹⁰ Maser W. Nürnberg. Tribunal der Sieger. Düsseldorf, 1977. S. 523, 540, 577.

лит переход от «памяти коммуникации» к «памяти культуры». В основе последней лежит не событие прошлого, а память о нем, образ, который запечатлелся в сознании современников и транслировался потомкам.

Пожалуй, никогда прежде столь четко не проявлялось в ФРГ стремление «нормализовать историю», стало быть, оказаться, как и другие страны Европы, в роли жертвы. «Der Spiegel», обычно безошибочно реагирующий на колебания вектора общественного мнения, так характеризовал нынешнюю ситуацию: «Пришло время, когда просто не годится дискутировать только о нацистском терроре, оставляя в стороне собственные беды»⁹¹.

Именно этой опасной тенденции и противостоят современные исследования проблематики Нюрнбергского процесса. Долговременное воздействие памяти о Нюрнбергском трибунале на общественную жизнь Германии и Европы, безусловно, продолжается. Сбывается предсказание Ойгена Когона – участника Сопrotивления, узника Бухенвальда: «Историческая наука будет постигать все эти материалы в течение десятилетий, если не столетий»⁹². Р.М.В. Кемпнер с полным основанием утверждал, что процесс был подобен деятельности «исторического и политологического исследовательского центра – самого крупного, какой только может существовать»⁹³.

Но познавательный и просветительский потенциал документов Международного военного трибунала неисчерпаем, и поэтому бесспорно прав Норберт Фрай: «В течение последних десятилетий в просвещении немецкого народа, которое основано на критике нацистского прошлого, были достигнуты немалые успехи. Но там, где речь идет о Нюрнберге, мы все еще находимся в начальной стадии»⁹⁴.

⁹¹ Der Spiegel. 2002. Н. 10. S. 37.

⁹² Kogon E. Vorbemerkung // Heydecker J., Leeb J. Op. cit. S. 9.

⁹³ Kempner R.M.W. Ankläger einer Epoche. S. 223.

⁹⁴ Frei N. Der Nürnberger Prozeß und die Deutschen. S. 477.

ФАШИЗМ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

После 1945 года нацизм и фашизм воспринимаются как синонимы преступного режима, террора и геноцида, как некий полюс абсолютного политического зла. Но так было не всегда. До 1939 г. нацизм и особенно фашизм были вхожи в уважаемые политические салоны, с ними были готовы иметь дело ведущие европейские политики, нередко воспринимавшие фашизм как достойный и предпочтительный противовес против коммунизма, а то и как интересный эксперимент, у которого можно поучиться сохранению достижений европейской культуры перед нашествием новых варваров в лице «восставших» от спячки масс, увлеченных социалистическими идеями. Либерализм 1930-х годов, столкнувшись с вызовами века, застыл в замешательстве – с кем связать свою судьбу, какого партнера избрать на пути в будущее – фашизм или коммунизм?

Эти колебания вытекали не просто из тяжелого положения, в которое попали либеральные западные режимы, а из глубоких социально-культурных оснований. Нацизм и, шире – фашизм, ставили перед собой социальные цели, которые и многие представители либеральной правящей элиты того времени считали вполне приемлемыми¹.

Представители британской политической элиты предпочитали иметь дело с Германией, а не с СССР, стремление немцев «жить в едином государстве» вызывало понимание у Н. Чемберлена. Уважаемый лидер испанских консерваторов Хиль Роблес, критикуя положение, сложившееся в Испании после победы Народного фронта, говорил, что можно жить при любом обществе, даже при фашизме, только не при анархии². Его радикальный коллега Кальво Сотело формулировал мысль более откровенно: «Надо ликвидировать классовую борьбу как самый факт. Ясно, что устранение классовой борьбы – это задача, которая не под силу ни вам, ни ка-

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне (1929-1941). М., 2004. С. 81-115, 146-156, 185-186.

² Fraser R. Blood of Spain. L., 1988. P. 90.

кому бы то ни было правительству в либеральном государстве. Эта задача может быть выполнена только в государстве с руководимым из единого центра хозяйством, в государстве, преследующем верховные интересы национальной промышленности, обуздывающем в одинаковой мере как аппетиты профсоюзов, так и злоупотребления плутократии»³.

Нам, русским, тоже есть, о ком вспомнить в этой связи. Один из высших духовных и интеллектуальных авторитетов нынешних правителей России Иван Ильин писал об общности того белого движения, идеи которого он выражал, с фашизмом и нацизмом: «основное и существенное единит все три движения: общий и единый враг, патриотизм, чувство чести, добровольно-жертвенное служение, тяга к диктаториальной дисциплине, к духовному обновлению и возрождению своей страны, искание новой социальной справедливости и непредвзятость в вопросе о политической форме»⁴.

Фашизм и нацизм были лидерами, гегемонами правой мысли, они перехватили идейную инициативу у либералов и консерваторов, зачаровав их своими успехами в борьбе с массами, бросившими было вызов элите.

Фашизм – это национал-тоталитаризм (в отличие от классовой тоталитарной доктрины сталинского коммунизма)⁵. Фашизм предложил путь консолидации нации, преодолевающей (подавляющей) социально-классовые противоречия. Эта идея вытекает из любой, даже умеренной этнократии, из шовинистического призыва пожертвовать социальными требованиями ради «общенациональных» интересов, из противопоставления «мы и они», когда «мы» – это общность интересов трудящейся бедноты и плутократов одной национальности или одного государства (как не вспомнить и нынешние газовые конфликты, в которых мы почему-то должны сочувствовать топ-менеджерам «своего» «Газпрома»).

Национальное возрождение было одной из ценностей цивилизации Запада XIX–XX вв., Мадзини был кумиром Муссолини. Эта общность национального возрождения XIX века и национал-реваншизма межвоенного периода вписывала национал-тоталитарные режимы в контекст европейской политической культуры как нечто вполне законное. Этнократическая логика нацизма радикально развивала национальную логику либеральных госу-

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 221. Л. 199–200.

⁴ Ильин И.А. Собрание сочинений. Статьи, лекции, выступления, рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 322.

⁵ Подробнее см.: Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 86, 503–512.

дарств и умеренный расизм колониальной политики.

Движение за консолидацию нации как пространства, придававшее национальным движениям прогрессивный характер и романтический блеск в XIX веке, в XX веке переросло в консолидацию социума. Если этот процесс сохранялся как национальный, то логика «мы» — «они» требовала вытеснения инациональных элементов, а затем и репрессий против людей по принципу их национальности. Но эта наиболее яркая черта нацизма не должна заслонять от нас и другие его существенные черты.

Тоталитаризм как таковой стал детищем индустриальной эпохи с ее требованием стандартизации, четкой управляемости, инструментализации человека-орудия, который должен не рассуждая выполнять указания человека (или «сверх-человека») — менеджера. Если орудие, элемент машины, «винтик» начинает «рассуждать», выполнять или не выполнять указания по собственному усмотрению, человеческая машина и индустриальный хозяйственный организм просто не могут работать. Логичной надстройкой над этой системой оказывается тоталитарный режим — распространение принципа фабричной организации не только на производство, но и на сферу политики. Не все общества зашли далеко на этом пути, но все индустриальные системы в той или иной степени шли по нему. В 1938-1941 гг., между Мюнхеном и Москвой, Европейская цивилизация делала великий выбор: какие взгляды будут «приличными» в будущем, какие примеси в либеральный «мейнстрим» будут более приемлемыми — розовые или светло-коричневые. И будет ли сам мейнстрим либеральным, или приемлемые формы будут окрашены в густые тона. В Мюнхене в 1938 г. европейские «весы» зримо качнулись в одну сторону, в 1941 г. под Москвой — в другую.

Разгром нацизма в 1945 г. и последовавший затем Нюрнбергский процесс покончили с НСДАП, но не с фашизмом как тенденцией. Речь идет не только о фашистских или право-радикальных экстремистских группах. Предпосылки фашизма никуда не исчезли, они растворены в европейской политической культуре и массовой психологии. Они давали знать о себе и в американской «охоте на ведьм», и в борьбе против «космополитизма», и в колониальной и неоколониальной практике. Решая судьбы иракцев в Вашингтоне и Лондоне, мировые элиты делают то же самое, что происходило в 1938 г. в Мюнхене, руководствуясь теми же элитократическими принципами, в соответствии с которыми сверх-человеки имеют право решать судьбы миллионов людей по собственному усмотрению.

Вспомним, что фашизм стал мировой альтернативой после начала Великой депрессии. Пока нынешняя глобальная система устойчива, фашизм тихо сидит в генах западной политической куль-

туры. Но стоит разразиться очередному мировому кризису, мы увидим, какие новые формы тоталитаризма (информационного, манипулятивного или уже знакомого этнократического) приготовил нам XXI век. Увы, новое поколение может и не узнать фашизма в новых одеждах. И все же, чтобы сохранить свою демократическую составляющую, европейская политическая культура должна по капле выдавливать из себя фашизм.

ВОПРОС О НАКАЗАНИИ НАЦИСТСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ В ДИСКУССИЯХ ЛИДЕРОВ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Отечественные и зарубежные историки достаточно подробно изучили основные моменты взаимодействия СССР, США и Великобритании в вопросе придания главных нацистских преступников суду Международного военного трибунала. Хорошо известно, что уже 22 июня 1941 г., в день начала Великой Отечественной войны, В.М. Молотов подчеркнул, что вся ответственность за развязывание агрессии лежит на фашистских главарях. 14 октября 1942 г. НКВД заявил, что советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии. О справедливом наказании военных преступников говорилось и в Московской декларации 1 ноября 1943 г. Она предусматривала, что те немцы, которые повинны в совершении убийств (расстрелов) представителей европейских народов, находящихся под оккупацией, будут впоследствии возвращены в те страны, где они совершали свои преступления и предстанут там перед судом¹. Несмотря на то, что Великобритания и США первоначально выступали за казнь главных нацистских преступников на основе политического решения и за судебное разбирательство только в отношении второстепенных преступников фашистской Германии, идея проведения трибунала в конце концов восторжествовала.

Известно, что и советский лидер позволял себе эмоциональные высказывания в отношении внесудебных экзекуций над нацистами. Так, неоднозначную реакцию на Западе, да и в нашей стране вызывает тост Сталина на Тегеранской конференции за то, чтобы после окончания войны были расстреляны не менее 50 тысяч гитлеровцев. Негативная реакция У. Черчилля на эти слова, которая

¹ *Marrus M.* The Nuremberg War Crimes Trial, 1945-46. Boston; N.Y., 1997.

приписывается часто непониманию им «черного» юмора Сталина, понятна. Однако имеются все основания полагать, что этот пассаж был связан с желанием Сталина еще раз напомнить британскому лидеру, насколько кардинально отличается война на территории Советского Союза от событий на других ТВД, какая бескомпромиссная идет борьба на советско-германском фронте, который пока не поддержан высадкой союзников во Франции. В то же время Рузвельт, по-видимому, осознал, что советский лидер просто провоцирует премьера. Он поддержал мрачную шутку и назвал «компромиссную» цифру – 49500 чел.

На Квебекской конференции 1944 г. лидеры США и Великобритании обсуждали американский «план Моргентау» и английский – меморандум Саймона. В документах предлагалось составить список из 50 или 100 лиц высших нацистских руководителей, подлежащих расстрелу без суда после установления их личности. Но Сталин в октябре 1944 г. высказался в беседе с Черчиллем за создание именно международного суда. В Ялте советская позиция оставалась четкой и неизменной. Несмотря на свои колебания, Рузвельт, после возвращения из Крыма, одобрил меморандум об учреждении гласного международного суда, в подготовке которого приняли участие видные государственные деятели США – Г. Стимсон, Э. Стеттиниус, С. Розенман и др.

На совещании в Сан-Франциско
23 августа 1945 г. американская сторона прибыла с проектом соглашения о создании Международного военного трибунала. К этому времени изменилась и позиция США (20 июля в августе 1945 г.) представителей СССР, США, Великобритании и Франции по разработке соглашения о суде над нацистскими преступниками.

В настоящей статье хотелось бы кратко остановиться на ряде сюжетов (сопутствующих событий, суждений и документов руководства Антигитлеровской коалиции), которые возможно более рельефно обозначают процесс выработки ими общих подходов в отношении наказания нацистских главарей и возникавшие в связи с этим противоречия.

Отметим, что реакция Черчилля на упомянутый тост Сталина за расстрел 50 тыс. немецких офицеров, казалось, доказывает резкое неприятие им внесудебных экзекуций. Однако есть и другие свидетельства, говорящие как раз об обратном. С 1942 г. премьер одобрял подобного рода казни, следуя в фарватере советов своих помощников и представителей Форин Офиса. Их точка зрения сводилась к тому, что высшие нацистские бонзы должны быть уничтожены сразу после установления их личности; международ-

ный суд не нужен, поскольку его основание будет слишком долгим и обременительным процессом. Лорд Джон Саймон в своем меморандуме для военного кабинета в сентябре 1944 г. заявлял, что метод судебного разбирательства, осуждения и законного приговора совершенно неприемлем для таких пресловутых зачинщиков войны как Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс и Риббентроп². Сам Черчилль вскоре после Квебекской конференции 1944 г. подготовил проект телеграммы для Сталина, в котором он (от своего имени и имени Рузвельта) предлагал быстрое уничтожение высших руководителей Третьего рейха, всего через 6 часов после их захвата (в первом черновом варианте – даже всего спустя 1 час). Черчилль брал на себя право утверждать, что «вопрос о судьбе нацистского руководства является политическим, а отнюдь не юридическим». Однако эта телеграмма никогда не была послана Сталину. Премьер объяснял такое поведение необходимостью учитывать отношение немцев к британским военнопленным. Военный кабинет предупреждал о возможности германских репрессий против англичан в немецких лагерях и считал, что последующие события должны подсказать наилучший курс в этом вопросе³.

Что касается Рузвельта, то он избегал пока становиться на твердую позицию. Причину такого поведения можно найти в нежелании обострять противоречия среди союзников. Но стоит также подчеркнуть, что для американского президента было своего рода правилом – не вдаваться в детали послевоенного устройства, конкретное разрешение тех или иных послевоенных проблем, пока это не становилось насущной необходимостью. В равной степени это касалось и вопросов наказания военных преступников, отношения союзников к поверженной Германии.

В этой связи интересно привести пример, относящийся к работе Тегеранской конференции. Во время ужина 28 ноября между Сталиным и Рузвельтом получила продолжение тема предъявления условий капитуляции Германии. Этот вопрос обсуждался до этого Халлом, Молотовым и Иденом на Московской конференции в октябре 1943 г. Кремль, исходя, прежде всего, из военных соображений, продолжал опасаться усиления сопротивления противника в случае оглашения в данный момент именно «безоговорочных» условий мира.

«Тов. Сталин сказал Рузвельту, что требование безоговорочной капитуляции со стороны союзников подхлестывает людей во вражеских армиях, заставляя их сражаться с ожесточением, так как

² Ibid. P. 23.

³ Bass G.J. *Stay the Hand of Vengeance: The Politics of War Crimes Tribunals*. Princeton and Oxford, 2000. P. 182.

безоговорочная капитуляция им кажется оскорбительной. Поэтому он, тов. Сталин, желал бы знать, что думает Рузвельт по поводу того, чтобы разработать, что означает “безоговорочная капитуляция”, то есть определить, какое количество оружия, средств транспорта и т.д. должен выдать противник и затем огласить эти условия, не называя их безоговорочной капитуляцией. Рузвельт не дал определенного ответа на этот вопрос, перейдя к рассказу о том, как он учился и жил в Германии в своем юношеском возрасте. Идею, сидевший недалеко от тов. Сталина, внимательно выслушал вопрос, поставленный тов. Сталиным»⁴.

Однако после Тегеранской конференции Рузвельт был вынужден уделять вопросу об отношении к Германии и наказанию нацистских преступников большее внимание. Над ним работали ведущие представители государственного аппарата США. Некоторые из них старались получить прямую поддержку президента. Так, ближайший помощник Рузвельта, министр финансов Г. Моргентау вынашивал идею самого жесткого отношения к Третьему рейху и нацистским главарям. В меморандуме для президента он предлагал полное экономическое разоружение Германии, «пасторализацию» страны, быстрый расстрел главных военных преступников после их идентификации⁵.

Рузвельт самым серьезным образом относился к идеям Моргентау и одно время, в частности, в период Квебекской конференцией 1944 г., отдавал им предпочтение. Правда, неизвестно, знал ли он, например, что его министр финансов предлагал примерно в то же время в частных беседах с ответственными деятелями США уничтожить всех членов нацистской партии. Когда ему сказали, что ведь это вероятно 13 млн немцев, Моргентау ответил, что навряд ли, — их наберется не более 5 млн человек⁶.

Убежденный противник Моргентау, человек, считавший, что план министра финансов будет опасен для строительства будущего мира, станет угрожать стабильности в послевоенной Европе, военный министр Г. Стимсон, предлагал радикально отличное отношение к Германии. Оно предусматривало помощь в утилизации военных мощностей и восстановлении экономики страны в послевоенное время. Политика в отношении военных преступников должна была, по его мнению, стать частью такого конструктивного подхо-

⁴ Запись разговора И. Сталина с Ф. Рузвельтом во время ужина 28 ноября 1943 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (Далее: АВП РФ). Ф. 06 (Секретариат В.М. Молотова). Оп. 5в. П. 42. Д. 8. Л. 23.

⁵ *Smith B. The American Road to Nuremberg: The Documentary Record, 1944-1945. Stanford, 1982. P. 28-29.*

⁶ *Morgenthau Diary. Vol. I-II. Boston, 1959-1965. Vol. 1. P. 559.*

да. Все это Стимсон изложил в меморандуме президенту в сентябре 1944 г.⁷

Первоначальное положительное отношение Рузвельта к плану Моргантау оказалось недолгим. Из-за нежелания президента лично заниматься этим вопросом пока с ним не определятся британцы и русские, а также из-за серьезной оппозиции внутри страны, Рузвельт отдал его разработку на откуп своим подчиненным. Лишь затем он собирался принять окончательное решение. Такой поворот событий позволил Стимсону, сотрудникам военного ведомства, равно как и Госдепартаменту, получить время для детальной проработки стратегии в отношении Германии и нацистских преступников в послевоенный период.

Уже 11 ноября 1944 г. Г. Стимсон, К. Хэлл и глава военно-морского министерства Дж. Форрестол направили президенту записку, в которой, в частности, указывали, что нацистских преступников, главарей рейха, членов СС и гестапо необходимо судить законным образом. Судопроизводство должно носить беспристрастный характер и не быть политическим. Действия стран «оси» должны быть рассмотрены, исходя из норм международного права⁸. Более проработанный план организации суда над нацистскими преступниками появился в США накануне Ялтинской конференции и был доложен Рузвельту 22 января 1945 г. Стимсоном, новым посекретарем Э. Стеттиниусом и подполковником М. Бернейсом (главой департамента специальных проектов военного министерства). Впоследствии этот документ стал основой стратегии США в вопросе об организации международного процесса. В нем, в частности, говорилось: «После того как Германия безоговорочно капитулирует, Объединенные Нации могут, если они так решат, предать смерти самых главных нацистских преступников — таких как Гитлер и Гиммлер — без гласности и суда. Мы не приветствуем такой метод... это нарушит самый фундаментальный принцип правосудия, общий для всех Объединенных Наций. Это подвигнет немцев относиться к этим преступникам как к мученикам, и в любом случае таких преступников будет немного. Мы считаем, что самым справедливым и эффективным разрешением проблемы станет использование метода правосудия. Приговор для этих преступников после суда получит максимум общественной поддержки в настоящее время и останется в истории. Метод правосудия, кроме того, сделает доступным для всего человечества на все последующие времена изучение уроков ужасных нацистских преступле-

⁷ Foreign Relation of the Unites States (Далее: FRUS): The Conference at Quebec, 1944. Washington, D.C., 1972. P. 123-125.

⁸ Smith B. Op. cit. P. 42-44.

ний». В записке также говорилось о необходимости осуждения вместе с нацистскими лидерами и таких криминальных организаций как СА, СС, гестапо, учреждения международной военной комиссии или военного суда для осуждения главных нацистских лидеров⁹.

Примечательно, что практически в то же время, 20 января 1945 г., о будущей судьбе немцев и Германии беседовали И.М. Майский, являвшийся тогда заместителем наркома иностранных дел СССР и одновременно председателем комиссии по возмещению ущерба, нанесенного нацистской Германией и ее союзниками, и посол США в Москве А. Гарриман. Последний подчеркнул, что на предстоящей конференции в Крыму Рузвельт, несомненно, захочет поднять вопрос о послевоенной Германии, обсудить проблему раздробления страны и репараций. Посол, пытавшийся прояснить советскую позицию, был удовлетворен высказываниями Майского о продолжительности репараций, рассчитанных примерно на 10 лет после войны. Он не удивился, когда речь зашла о миллионах немцев, требуемых в качестве рабочих рук в СССР для восстановления его экономики, согласился с тем, что германская тяжелая промышленность по большей части должна быть ликвидирована, а ее индустрия соответствовать лишь удовлетворению «собственных действительных экономических нужд» страны¹⁰. Для Гарримана, который своими глазами видел невероятные усилия, жертвенность народов СССР в ведущейся войне, достоверно знал о гигантских потерях советских людей, не было никаких оснований возражать против объективных требований Москвы в возмещении ущерба и ликвидации будущей угрозы со стороны Германии. Отметим также, что речь Майского не содержала никаких слов о политическом, внесудебном уничтожении нацистских преступников.

Идея суда над нацистскими преступниками ко времени начала Ялтинской конференции стала преобладать в кругах американской политической элиты над планом Morgenthau. На самой конференции в Ялте лидеры Большой тройки уделили проблеме суда не так много внимания. Однако известно, что Рузвельт на встрече в Ливадийском дворце 4 февраля 1945 г. постарался завоевать доверие своих собеседников — Сталина и Молотова, говоря о своем потрясении от виденных в Крыму разрушений. Он сказал, что теперь чувствует большее ожесточение в отношении немцев, и если Сталин поднимет тост за казнь 50 тысяч немецких офицеров, он его

⁹ *Marrus M. Op. cit. P. 30-31.*

¹⁰ *US. Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Cont 174.*

поддержит. Вполне вероятно, что президент тем самым старался уменьшить советские подозрения в отношении позиции Запада в деле голосования в Организации международной безопасности, будущего устройства Европы и т.д.¹¹ Но Рузвельту не пришлось поддерживать Сталина в этом тосте. Советский лидер занимал четкую линию в отношении суда над нацистскими преступниками.

Добавим, что в то время считалось весьма вероятным, что главные лидеры рейха могут быть захвачены в плен живыми. Это могло повлечь за собой их допрос с обнародованием некоторых неудобных для Запада подробностей предвоенного периода. Такую точку зрения разделял и Черчилль. На Ялтинской конференции британский премьер предложил Сталину составить список «главных преступников», «которые должны быть расстреляны сразу после того, как их схватят и установят их личность». Как отмечает биограф Черчилля М. Гилберт, британский премьер потом спросил Сталина, предпочитает ли тот, чтобы «главные преступники были судимы перед казнью», другими словами «должен ли это быть скорее юридический, чем политический акт». Сталин ответил, что да, он предпочитает суд. Однако Рузвельт прокомментировал этот обмен мнениями следующим пассажем – суд «не должен быть слишком юридическим. Он хотел бы, чтобы представители прессы и фотографы держались поодаль от процесса до того момента, пока преступники не будут казнены»¹².

По возвращению из Ялты Рузвельт поддержал позицию Стимсона и Стеттиниуса. После смерти Рузвельта преемник президента Г. Трумэн одобрил идею суда и вскоре назначил Р. Джексона «главой совета по судебному расследованию преступлений стран «оси». 3 мая в Сан-Франциско в период проведения международной конференции по выработке Устава ООН американский представитель С. Розенман вручил главам внешнеполитических ведомств СССР и Великобритании проект организации международного суда над нацистскими главарями. На специально организованной встрече присутствовали госсекретарь США Э. Стеттиниус, С. Розенман, нарком иностранных дел В. Молотов и глава Форин Офис А. Идена. Американские представители пояснили свою позицию, указав на важность основания международного трибунала для суда над ведущими нацистскими лидерами и назначения в него представителей союзников. Розенман высказался за возможность определить несколько категорий нацистских преступников: а) высшие лидеры, такие как Гитлер, Геринг, Геббельс, Муссолини и

¹¹ Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990. С. 489.

¹² Marrus M. Op. cit. P. 32-33; см. также Gilbert M. Winston S. Churchill, 1941-1945: Road to Victory. L., 1986. P. 1201-1202.

еще два или три человека, с которыми пока невозможно определить; б) преступники, которых нужно вернуть в страны, где они совершали свои преступления; в) лица, чьи преступления не возможно локализовать по географическому принципу; г) преступники в отношении которых пока еще нет четких доказательств, поскольку — либо еще не обнаружены достоверные факты совершенных ими злодеяний, либо не найдены свидетели, многие из которых, несомненно, были убиты этими же преступниками. В качестве примера указывались представители таких организаций как гестапо, войска СС, чьи преступления нужно было доказать; д) преступники должны быть наказаны не только за своими преступления, но также (по мнению американской стороны) по причине того, что они могут составить ядро будущей нацистской партии и поднять восстание.

Госсекретарь Стеттиниус предложил пригласить в состав суда и французов. Молотов и Иден не возражали.

Интересно высказывание Идена. Он подчеркнул, что «его коллеги в Лондоне рассматривали этот вопрос некоторое время. Их позиция состояла в том, чтобы к главным военным преступникам, к 7-ми или 8-ми высшим нацистам, не должны применяться юридические процедуры. Однако эта позиция недавно изменилась под влиянием факта, что многие из этих нацистов к настоящему времени уже убиты и нет сомнения, что еще большее их число будет убито в ближайшие несколько дней». Далее Иден признал, что военный кабинет Великобритании все еще находит некоторые возражения против формального суда над преступниками, чьи преступления не могут быть отнесены к конкретной географической области. Однако правительство согласится с проведением юридических процедур, если два других великих союзника хотят именно такого порядка ведения дел. Лондон считал бы также необходимым предварительно ознакомиться с деталями проекта по ведению процесса.

Со своей стороны, В.М. Молотов заявил, что он «чувствует, что Розенман сделал предложение, касающееся дела огромной важности и что мы должны уделить ему большое внимание». Молотов оставлял за собой право высказать мнение советского правительства по представленному документу, добавив, что в настоящее время трудно дать ему какой-либо комментарий. Он попросил время для изучения материала, и после того, как это будет сделано, они смогут попросить экспертов высказать свои соображения. В заключение Стеттиниус подчеркнул, что представленный проект получил полную поддержку американского правительства, и выразил надежду на то, что три страны в ближайшее время назначат

своих представителей, чтобы обсудить все технические детали процесса¹³.

Важнейшим шагом к основанию международного военного трибунала стали решения Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.), в которых содержался следующий пункт: «Военные преступники и те, кто участвовал в планировании и осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду».

8 августа 1945 г. правительства СССР, США, Великобритании и Франции заключили в Лондоне соглашение (к нему присоединились 19 других государств), в соответствии с которым был создан Международный военный трибунал¹⁴.

В заключение отметим, что Москва постоянно следила за подготовкой и работой Международного трибунала. В сентябре 1945 г. решением советского правительства была создана специальная Комиссия во главе с заместителем наркома иностранных дел А.Я. Вышинским по подготовке обвинительных материалов для советского представителя в Международном военном трибунале. Обвинение было подготовлено детально и тщательно. Последовательная позиция СССР в деле гласного осуждения главных нацистских преступников сделала возможным провести процесс, который и спустя 60 лет после своего окончания служит уроком и напоминанием тем силам, которые стремятся исказить историю второй мировой войны, принизить вклад Советского Союза в разгром бесчеловечной военной машины, претендовавшей на мировое господство, считают себя выше международного закона и игнорируют права других народов.

RUS, 1945, Vol. 3. European Advisory Commission; Austria; Germany. Hington, D.C., 1968. P. 1162-64 См. также: *Marrus M.* Op. cit. P. 35-38. Состав Трибунала на паритетных началах вошли: от СССР – заместитель председателя Верховного суда генерал-майор юстиции И. Никитченко США – член федерального Верховного суда Ф. Билл, от Великобритании – главный судья лорд Д. Лоуренс, от Франции – профессор уголовного права Д. де Вабр. Председательствующим был избран Д. Лоуренс. Главными обвинителями являлись: от СССР – прокурор Украинской ССР Денко, от США – член федерального Верховного суда Р. Джексон, от Великобритании – генеральный прокурор Х. Шоукросс, от Франции – генеральный прокурор Ф. де Ментон (позднее его сменил Ш. де Риб). Кроме каждого главного обвинителя располагал небольшим штатом заместителей и помощников. В число обвиняемых вошли 24 политических и военных деятеля.

НАЦИСТСКИЕ ПРЕСТУПНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НЮРНБЕРГСКОГО ПРИГОВОРА

В предыдущих статьях обстоятельно раскрыты подготовка, ход, историческое значение Международного военного трибунала и вынесенного им Приговора. Поэтому мне представляется возможным ограничить рамки данного сообщения, обратив внимание на проделанную следствием огромную работу по раскрытию преступного характера деятельности руководящего состава Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), нацистских штурмовых отрядов (СА), охранных отрядов (СС) и службы безопасности (СД), государственной тайной полиции (гестапо), правительственного комитета, генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил (ОКВ).

В соответствии с Уставом Международного военного трибунала (статьи 9-11) задача обвинения в Нюрнберге состояла не только в том, чтобы доказать виновность или невиновность тех лиц, которые уже предстали перед Судом. Необходимо было также выяснить принадлежность подсудимых к преступным группам или организациям. Определение Международным военным трибуналом преступного характера той или иной группы или организации должно было обеспечить право компетентным органам и впредь «привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации». В таких случаях преступный характер группы или организации должен был считаться уже доказанным и не мог подвергаться оспариванию¹.

В ходе Нюрнбергского процесса на основе широкого круга документов было доказано, во-первых, что назначение фюрера национал-социалистов А. Гитлера рейхсканцлером и включение нескольких нацистов в состав правительства в январе 1933 г. не было обычной демократической процедурой смены правительства. Это

¹ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: В 8-ми томах. М., 1987. Т. 1. С. 17.

была заранее спланированная рейхспрезидентом П. Гинденбургом и частью влиятельных кругов промышленного и финансового капитала акция, которая открыла нацистам путь к власти. Во-вторых, главными программными целями нацистской верхушки как до, так и после захвата ими власти, являлись ликвидация демократического государственного и общественного строя Веймарской республики и подготовка Германии к ведению захватнических войн. В-третьих, установление в Германии преступного нацистского режима не было результатом волеизъявления большинства немецкого народа. Он был установлен и утверждался в Германии путем беспощадного идеологического и физического террора, направленного, прежде всего, против коммунистов, социал-демократов, функционеров рабочих профсоюзов, против всех лиц и общественных организаций, не разделявших программу и мировоззрение национал-социалистов.

Поражение Германии в Первой мировой войне, крах империи, экономическая и политическая нестабильность, обнищание населения – все это породило у немцев чувство национального унижения. Вставшие перед ними проблемы не мог разрешить новый, весьма шаткий механизм Веймарской республики. Демократические институты, культурные и нравственные ценности европейской либеральной традиции утратили в их глазах свою привлекательность. В этих условиях стали создаваться партии и группировки крайне националистического толка, которые выступали за ликвидацию Версальской системы, возвращение Германией утраченных территорий, установление диктаторских форм правления. Одной из таких партий стала образованная в марте 1919 г. А. Дреклером Германская рабочая партия, переименованная в феврале 1920 г. в Национал-социалистическую германскую рабочую партию. В июле 1921 г. ее руководителем стал А. Гитлер. В программу, объявленную на съезде партии в Мюнхене 24 февраля 1920 г., были включены пункты, рассчитанные на создание массовой базы нацистского движения, такие, как «национализация всех крупных предприятий», «участие рабочих и служащих в прибылях на всех крупных производствах», обеспечение «достойными пенсиями по старости», «поддержка мелких производителей и торговцев; «крупные магазины должны быть переданы им», «реформа землеустройства и прекращение спекуляции землей», «введение смертной казни за спекуляцию», «поддержка материнства и поощрение развития молодежи» и т.д. В то же время программа апеллировала к националистическим чувствам населения. В ней содержались требования добиться «объединения всех немцев в границах Великой Германии», «отказа от условий Версальского договора и подтвер-

ждения права Германии самостоятельно строить отношения с другими нациями», вести борьбу за приобретение «дополнительных территорий для производства продуктов питания и расселения увеличивающегося немецкого населения». Намериваясь достичь расширения немецкого «жизненного пространства» с помощью силы, нацисты включили в свою программу требование о «введении всеобщей воинской повинности» и «замены наемной профессиональной армии национальной армией». В программе содержались пункты, согласно которым предоставление гражданства в Германии должно было осуществляться только по «расовому признаку». В частности, утверждалось, что гражданами могут быть только немцы, а не немцы, прежде всего «евреи, не могут быть гражданами Германии». Всем лицам не германской крови нацисты требовали закрыть въезд в страну².

Нацисты первоначально намеривались захватить власть в Германии путем насильственного переворота. Но предпринятая ими в ноябре 1923 г. в Мюнхене попытка организовать так называемый «поход на Берлин» потерпела провал. НСДАП была временно запрещена, а ее фюрер Гитлер в феврале 1924 г. оказался в тюрьме. Во время заключения им была написана книга «Моя борьба», которая стала политической библией для нацистов. Через 9 месяцев он был освобожден и приступил к восстановлению и расширению своего движения с целью легального захвата власти. При этом нацистская партия имела свою специфику, которая изначально отличала ее от консервативных партий старого типа. Ее «вожди», учитывая распространение социалистических идей среди народных масс, рьялись в тогу революционеров, защитников интересов нации, ставили целью повести за собой таким путем рабочий класс. Эта установка отразилась уже в самом названии нацистской партии, в багровых стягах со свастикой, избранных в качестве одного из элементов символики движения, и в формах его агитационно-пропагандистской деятельности. Нацистское руководство не ограничивалось изданием газет и листовок, проведением собраний и съездов. Оно широко использовало внепарламентские формы борьбы, применявшиеся действительно рабочими партиями: устраивало митинги, демонстрации, факельные шествия. Были созданы также собственные военизированные организации – штурмовые и охранные отряды (СА и СС).

Первоначально нацисты не пользовались доверием представителей крупного капитала по причине своей «революционности». Однако постепенно, благодаря разъяснениям самих руководителей

² Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996. С. 336.

нацистского движения, они все более убеждались, что «антикапиталистические» и «социалистические» пункты нацистской программы не имеют к целям нацистского движения никакого отношения и предназначены для манипулирования сознанием широких масс. В 1928 г. Гитлер издал специальное пояснение к программе, в котором указывалось, что «национал-социалистическая немецкая рабочая партия стоит на почве частной собственности» и выступает лишь «против еврейских обществ, спекулирующих земельными участками»³.

Рост рядов нацистской партии и немцев, отдававших ей свои голоса на выборах в рейхстаг, начался во время мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., который не удавалось преодолеть классическими либеральными методами. Так, если в 1928 г. в НСДАП насчитывалось 98 тыс. человек, то к концу 1932 г. – уже около 850 тыс. Этот рост произошел в основном за счет части средних слоев населения и безработных. На выборах в рейхстаг 31 июля 1932 г. нацисты получили более 13,8 млн голосов, т.е. более трети всех участников в выборах, что позволило им по сравнению с 1930 г. увеличить свою фракцию в рейхстаге более чем вдвое. Но на новых выборах в рейхстаг 6 ноября 1932 г. они потеряли два млн голосов, в то время как за Коммунистическую партию Германии проголосовало на 610 тыс. больше. Она получила шесть миллионов голосов⁴. Это обстоятельство вызвало панику среди лидеров НСДАП и их сторонников и явилось причиной, по которой президент страны Гинденбург поспешил назначить Гитлера главой коалиционного правительства, в состав которого наряду с нацистами вошли представители правоконсервативной Немецкой национальной партии, милитаристского союза «Стальной шлем» и сочувствовавшие нацистам беспартийные. Оказавшись у власти, нацистская верхушка приступила к установлению в стране своего безраздельного господства. Не получив на мартовских выборах двух третей депутатских мест в рейхстаге, гитлеровцы аннулировали мандаты коммунистов, а их фракцию арестовали. В конце июня – начале июля они добились запрета деятельности СДПГ и самороспуска буржуазных партий, а также издания законов, по которым нацистская партия была объявлена единственной «носителем немецкой государственности», а попытки восстановить или создать новые партии карались заключением в каторжную тюрьму сроком до трех лет⁵.

³ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal (далее: IMT). Nuremberg, 1947-1949. Vol. XXVII. P. 481.

⁴ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1966. S. 363, 80.

⁵ Нюрнбергский процесс... Т. 7. С. 9-10; Die tödliche Utopie. Bilder, Texte,

Формально членство в партии было добровольным, но принимали в ее ряды не всех немцев. НСДАП, по замыслам ее руководства, должна была представлять «элиту народа», хранительницу основанного на «родстве крови» и «общности судьбы» немецкого «народного сообщества». Для вступления в нее кандидат должен был доказать, что его предки, начиная с 1800 года, не состояли в браках с «неполноценными» в расовом отношении людьми. Таких немцев в Германии оказалось не более 11%. Они стали пополнять ряды НСДАП. Этому вначале способствовал самороспуск буржуазных партий, бывшие члены которых в массовом порядке перешли в НСДАП, так как членство в этой партии обеспечивало им преимущество при найме на работу и назначении на руководящие и более высокооплачиваемые должности в государственных и общественных учреждениях. К началу Второй мировой войны в НСДАП насчитывалось 5 млн человек. Затем ее росту во многом способствовали первоначальные военные успехи Германии. К концу 1942 г. в НСДАП насчитывалось почти 8 млн человек. С 1943 г. число желающих пополнить ряды нацистской партии существенно уменьшилось. Это было следствием перелома в ходе войны в пользу антигитлеровской коалиции. Тем не менее, ко времени разгрома Германии в 1945 г. в НСДАП насчитывалось немногим более 8 млн человек, то есть почти каждый пятый взрослый немец⁶.

Деятельность НСДАП в 1933–1945 гг. направлялась фюрером партии Гитлером, рейхслейтерами НСДАП, занимавшими высшие руководящие посты в одной из сфер партийной деятельности (например, Р. Гесс – до мая 1941 г. заместитель фюрера по партии, М. Борман – с мая 1941 г. заместитель фюрера по партии и руководитель партийной канцелярии, Г. Гиммлер – рейхсфюрер СС, В. Лутце – начальник штаба СА, А. Розенберг – руководитель внешнеполитического управления НСДАП и т.д.), а также многочисленными партийными функционерами – так называемыми «политическими руководителями» (гаулейтерами – в областях, крейслейтерами – в округах, ортсгруппенлейтерами – районными руководителями, целленлейтеры – в партийных организациях, охватывавших четыре–восемь жилых кварталов, блоклейтерами – в одном квартале, где проживало от 40 до 60 семей). Общая численность этих партийных функционеров увеличивалась по мере роста рядов партии. Так, если в 1933 г. их насчитывалось около 292 тыс., то в

Dokumente, Daten zum Dritten Reich. Hrsg. von Möller H., Dahm V. und Mehlinger H. unter Mitarbeit von Feiber A.A. 3. erw. und überarb. Auflage. München, 2001. S. 129.

⁶ См.: Шульце Х. Краткая история Германии. Пер. с нем. М., 2004. С. 177.

1943 г. – уже 600 тыс.⁷ Эти «политические руководители» носили специальную форму, имели особые членские билеты, пользовались исключительными правами и привилегиями. Они воспитывали немецкий народ в духе расистского национал-социалистического мировоззрения, насаждали в стране культ Гитлера, которому давали клятву верности, следили за беспрекословным выполнением на местах всех распоряжений высшего политического руководства страны, выискивали немцев, проявлявших критическое отношение к Гитлеру и нацистскому режиму, доносили о них соответствующим карательным органам.

Защитник нацистской партии Р. Серватиус в ходе Нюрнбергского процесса пытался доказать, что подавляющее большинство членов партии не знало о преступлениях нацистского режима, что многие из них, особенно в условиях войны, не могли отказаться от предлагаемых руководящих постов, что якобы никакого корпуса «политических руководителей» вообще не существовало. Он настаивал на исключении блоклейтеров и целленлейтеров из состава «политических руководителей», заявлял, что объявление всего руководящего состава нацистской партии преступной организацией может привести к массовым репрессиям против многих невиновных людей.

Трибунал не согласился с большинством доводов защитника, но считал возможным ограничить круг лиц, которых следовало привлечь к уголовной ответственности. Он принял решение об объявлении преступной организацией руководящего состава НСДАП и указал в Приговоре следующее: «Политическое руководство использовалось для целей, которые, согласно Уставу, являлись преступными и включали германизацию присоединенных территорий, преследование евреев, проведение программы рабского труда и жестокое обращение с военнопленными... Гаулейтеры, крейслейтеры и ортсгруппенлейтеры в той или иной степени принимали участие в проведении этой преступной программы. Рейхслейтунг как руководящая организация партии так же ответственна за эту преступную программу, как и главы различных руководящих организаций гаулейтеров и крейслейтеров. Решение Трибунала по этим руководящим организациям распространяется лишь на амтслейтеров, которые были начальниками отделов в аппарате рейхслейтунга, гаулейтунга и крейслейтунга». На других должностных лиц и партийные организации более низких уровней это решение не распространялось. Трибунал также исключил из списка членов организаций, объявленных преступными группами, тех, кто не

⁷ Нюрнбергский процесс. Т. 7. С. 555-556.

знал о преступной деятельности и не принимал в ней участия, а также лиц, не занимавших указанных выше постов после 1 сентября 1939 г.⁸

Международный военный трибунал особое внимание уделил раскрытию преступлений таких подразделений НСДАП как СА, СС, СД и гестапо. Они составили основу мощного аппарата террора, который нацистская верхушка после назначения Гитлера на пост рейхсканцлера использовала для подавления и искоренения политических противников внутри страны. После развязывания Германией Второй мировой войны сфера деятельности этого аппарата террора была распространена на все оккупированные ею территории. Его жертвами стали многие миллионы людей различных национальностей. Это было наглядно показано и доказано юристами в Нюрнберге. Для этого они изучили многочисленные немецкие трофейные документы и показания свидетелей, проведя исследовательскую работу, которая обычно проводится историками. Поэтому историки различных стран в своих трудах при рассмотрении нацистского аппарата террора до сих пор пользуются материалами Нюрнбергского процесса, дополняя их лишь новыми документами и фактами.

На Нюрнбергском процессе было показано, что первоначально главное место в нацистском аппарате террора занимали СА (сокр. от нем. *Sturmabteilungen*; SA). Их высшим руководителем являлся Гитлер, а его заместителем — начальник штаба СА Э. Рем. Штурмовые отряды, облаченные в коричневую униформу, начали создаваться уже в 1921 г. В их задачу входил разгон и физическая расправа над участниками массовых мероприятий идейных противников НСДАП. Число членов СА и устраиваемых ими уличных сражений в городах и селах постоянно росло. К концу 1932 г. эта нацистская террористическая организация действовала во всех германских землях и насчитывала в своих рядах не менее 300 тыс. человек⁹. В первые месяцы правления гитлеровского правительства они сыграли главную роль в насаждении и утверждении нацистского режима. Только в марте 1933 г. ими было брошено в концлагеря не менее 18 тыс. человек. В октябре 1935 г. И. Геббельс отмечал: «Политические оппоненты внутри страны исчезли не по какой-то таинственной неизвестной причине, а потому, что движение имело сильную руку, и самой сильной рукой в движении была СА»¹⁰. Однако для превращения в постоянно действующий кара-

⁸ Нюрнбергский процесс. Т. 8. С. 644.

⁹ Там же. Т. 7. С. 125.

¹⁰ Там же. С. 119.

ельный орган СА оказались непригодны. Они были слишком многочисленными и недостаточно благонадёжными. За счет членов милитаристских организаций «Стальной шлем» и «Кифгойзербунд» численность СА к 1934 г. достигла почти 4,5 млн¹¹. Рядовые штурмовики, существовавшие на жалкие пособия, выделяемые им имперским министерством внутренних дел, с весны 1934 г. стали поговаривать о необходимости «второй революции». Их начальник штаба Рем стал добиваться, чтобы его «народное войско» получило бы такой же государственный статус, как и регулярные вооруженные силы Германии. Но военный министр и командование рейхсвера решительно этому воспротивились. Гитлер после некоторых колебаний занял сторону кадровых военных. Ему было выгоднее сохранить тогда еще немногочисленную, но профессиональную армию в качестве своего надежного инструмента политики.

По приказу Гитлера нацистские СС (сокр. от нем. Schutzstaffeln; SS) 30 июня и 1-2 июля 1934 г. учинили кровавую чистку среди руководителей СА. Их жертвами стали Рем и его многочисленные сторонники, а также ряд других неудобных для Гитлера лиц. В их числе были: Г. Кар, который в ноябре 1923 г., будучи главой правительства Баварии, участвовал в подавлении антигосударственного выступления нацистов в Мюнхене; Г. Штрассер, занимавший до конца 1932 г. ряд высших постов в НСДАП и являвшийся внутривнутрипартийным конкурентом Гитлера; генерал К. Шлейхер, занимавший в 1932 г. пост рейхсканцлера и выступавший против передачи этого поста Гитлеру. Эсэсовцами был убит и друг Шлейхера генерал Ф. Бредов¹².

Командование германских вооруженных сил одобрило эту кровавую акцию эсэсовцев. Оно не протестовало и против убийства без суда и следствия двух своих генералов.

После событий в ночь с 30 июня на 1 июля 1934 г., вошедших в летопись нацистского движения под названием «ночь длинных ножей», начальником штаба СА был назначен обергруппенфюрер СА В. Лутце. Под его руководством в СА осталось около 1,5 млн человек. Главной ее функцией стала допризывная подготовка молодежи. Обучение в этой организации прошли миллионы немецких юношей. 70 процентов из них во время Второй мировой войны были призваны в действующую армию. Коричневорубашечники использовались во время войны также для охраны концлагерей, лагерей для военнопленных, для надзора над иностранными рабочими, насильственно угнанными в Германию из оккупированных

¹¹ Там же. С. 580-581.

¹² Там же. С. 154; Т. 8. С. 423.

немецкими войсками других стран Европы¹³.

После расправы над Ремом и его сторонниками ведущую роль в нацистском аппарате террора заняла организация СС. 20 июля 1934 г. Гитлер издал приказ, по которому СС получила статус «независимой организации внутри нацистской партии», а ее фюрер Г. Гиммлер «непосредственно подчинялся только фюреру как главному руководителю СА»¹⁴.

Предыстория СС началась в марте 1923 г., когда в НСДАП был создан отряд личной охраны фюрера («Ударный отряд Адольф Гитлер»). В 1925 г., после того как Гитлер был выпущен из тюрьмы, куда он попал за попытку в ноябре 1923 г. организовать антигосударственный переворот в Мюнхене, и был снят запрет на деятельность НСДАП, началось формирование новых охранных отрядов. Они в качестве партийной полиции осуществляли охрану руководства партии и массовых нацистских мероприятий. Эти отряды первоначально подчинялись начальнику штаба СА. Их количество начало быстро расти с 1929 г., когда Гитлер назначил на пост рейхсфюрера СС Г. Гиммлера. Если в 1929 г. в СС насчитывалось 280 человек, то в начале 1933 г. уже 52 тыс.¹⁵. Под руководством Гиммлера организация СС стала все больше приобретать черты профессиональной партийной службы безопасности. Осенью 1931 г. в рамках СС было создано подразделение под кодовым наименованием «Ic-Dienst», которое с 1932 г. стало носить название «Служба безопасности рейхсфюрера СС» (Sicherheitsdienst des Reichsführer SS; SD). Служба безопасности (СД) до установления в Германии нацистского режима обеспечивала руководство партии информацией о положении внутри НСДАП и в рядах её идеологических противников. С середины 1934 г. СД получила статус единственной организации партии, занимающейся ведением политической разведки и контрразведки¹⁶.

По замыслу Гиммлера, организация СС в отличие от «плебейских» СА должна была стать элитным «черным орденом». Его членами могли стать только лица «германского» происхождения и внешности, свидетельствующей якобы об их принадлежности к высшему «нордическому типу расы». По словам Гиммлера, они должны были «стать высшим слоем человеческого общества, который мог бы господствовать в Европе веками»¹⁷. Сам Гиммлер, да и почти вся нацистская верхушка, судя по внешности, не относи-

¹³ Там же. С. 133-134.

¹⁴ Там же. С. 155.

¹⁵ Там же. С. 138.

¹⁶ Там же. С. 142; Die tödliche Utopie... S. 484.

¹⁷ Нюрнбергский процесс. Т. 7. С. 150.

лись к стройному, высокому, длинноногую и белокурому «нордическому типу». Но отбор добровольцев в СС был строгим. Чтобы носить черную форму СС, доброволец должен был сначала доказать, что он и его предки, начиная с 1880 г., не состояли в родстве с «неарийцами». Высокие командные посты в СС мог занять только тот, кто мог доказать свою расовую чистоту и своих предков, начиная с 1750 г. Член СС был обязан предпочтительно в возрасте 25-30 лет жениться на «безупречной в расовом отношении» немке, способной умножить его «высокоценный» род. Клятву верности друг другу новобрачных принимал командир местной организации СС. Вместе с тем, эсэсовцам разрешалось иметь детей и от чистокровных незамужних немок. В рамках разработанной Гиммлером в 1936 г. программы «Lebensborn» («Источник жизни») были созданы специальные дома для содержания внебрачных детей от членов СС. На церковные браки было наложено табу, так как при приеме в члены СС немец должен был порвать связь с христианской церковью. Среди членов СС насаждался языческий культ предков, поклонение древним германским богам. Большое значение в СС придавалось проведению различных неязыческих ритуалов, которые должны были удовлетворить тягу их фюрера и членов к мистике, объединить их магическими силами. Придание организации СС черт элитарного и экзотерического ордена, предназначенного лишь для избранного круга лиц, способствовало росту ее притягательности для отслуживших свой срок в войсках офицеров, полицейских, представителей свободных профессий, юношей из аристократических и буржуазных семей. Но главное, что их привлекало в СС, был расчет сделать быструю карьеру в растущей и влиятельной новой организации. При вступлении в СС немец давал следующую клятву: «Я клянусь тебе, Адольф Гитлер, фюрер и рейхсканцлер в верности и храбрости. Я клянусь повиноваться до смерти тебе и тем, которых ты назначил для того, чтобы командовать мною»¹⁸. «Наша честь называется верностью», «Повиновение до самой смерти» — таковы были главные заповеди эсэсовцев. Численность военизированных полицейских формирований СС в 1939 г. увеличилась до 240 тыс. человек. Они получили название «общие СС»¹⁹.

Весной 1933 г. из членов «общих СС» и добровольцев из числа военнослужащих под руководством Гиммлера при содействии военнослужащих рейхсвера в различных частях Германии стали создаваться настоящие воинские «части СС особого назначения», в

¹⁸ Там же. С. 154.

¹⁹ Там же. Т. 7. С. 141; Т. 8. С. 650.

задачу которых входило обеспечение «внутренней безопасности». Одной из них была часть, которая отвечала за личную охрану Гитлера и одновременно выполняла представительские функции. Сначала в ней насчитывалось 120 человек. В 1938 г. численность отряда охраны Гитлера за счет объединения с рядом частей СС особого назначения была доведена до моторизованного пехотного полка, получившего название «Лейбштандарт Адольф Гитлер»²⁰. В том же году было сформировано еще три полка СС: «Дойчланд» в Мюнхене, «Германия» в Гамбурге и «Фюрер» в Вене. После начала Второй мировой войны началось формирование дивизий СС. За их вооружение, снабжение и использование внутри страны отвечал аппарат Гимmlера. При использовании в боевых действиях против соседних стран они, согласно приказу Гитлера, должны были подчиняться командованию германских вооруженных сил. Им было присвоено общее название «войска СС» (Waffen SS). Они стали наиболее надежным и жестоким оружием в руках нацистского руководства и использовались на различных фронтах в составе сухопутных войск Германии, в карательных операциях против партизан и мирного населения оккупированных вермахтом стран. Численность войск СС до 1943 г. росла в основном за счет добровольцев из молодежи Германии и этнических немцев (фольксдойче) из других стран, в основном из Юго-Восточной Европы. Начиная с 1943 г. Гимmlер и его подручные, стремясь увеличить численность войск СС, приступили к формированию частей и соединений войск СС не только из немцев и фольксдойче, но и лиц других национальностей. В эти соединения набирались в добровольном порядке молодые люди из различных стран Европы, присягнувшие на верность Гитлеру. Тому, что они, согласно нацистской расовой теории, относились не к родственным немцам «германцам», а к «недочеловекам», уже не придавалось никакого значения. К началу 1945 г. в войсках СС служило 910 тыс. человек (11% от общей численности германских сухопутных войск). 510 тыс. из них были иностранцами: 310 тыс. фольксдойче и 210 тыс. лиц других национальностей – 50 тыс. «германцев», т.е. родственников немцам по языку валлонцев, голландцев, фламандцев и т.д., а также 160 тыс. албанцев, венгров, итальянцев, прибалтов, русских, украинцев, французов, хорватов²¹.

²⁰ См.: *Неизвестный Гитлер. Тайное досье НКВД*, составленное на основе протоколов допросов личного адъютанта Гитлера О. Гюнше и камердинера Гитлера Гейнца Линге в Москве 1948–1949 гг. Пер. с нем. М., 2005. Прим. 1. С. 22.

²¹ См.: *Xéne X. СС: орден мёртвая голова* / Пер. с нем. М., 2004. С. 380–381; *Wörterbuch zur deutschen Militargeschichte*. Berlin, 1985. S. 1039–1040.

Сразу же после назначения Гитлера рейхсканцлером нацистская верхушка особое внимание уделила превращению в орудие террора полиции Веймарской республики. За решение этой задачи взялись рейхсфюрер СС Г. Гиммлер и Г. Геринг, который получил в правительстве Гитлера пост министра без портфеля и одновременно возглавил прусское министерство внутренних дел. Гиммлер уже в начале марта 1933 г. при поддержке нацистов, занявших важнейшие министерские посты в правительстве Баварии, возглавил мюнхенскую полицию. Затем из состава районных управлений баварской полиции были выведены и переданы в его подчинение политические отделы. Гиммлер стал командиром баварской политической полиции. Опираясь на захваченные в Баварии силовые позиции, он к зиме 1933/34 г. забрал в свои руки политическую полицию почти во всех германских землях.

Будучи министром внутренних дел самой большой германской земли – Пруссии, Геринг при опоре на СА провел чистку во всех органах ее управления, в том числе и в полиции. 11 апреля 1933 г. он возглавил правительство Пруссии. На этом посту Геринг вывел из состава главного управления прусской полиции в Берлине отдел политической полиции и подчинил ему отделы политической полиции районных управлений полиции. Затем вся политическая полиция была в качестве особого формирования подчинена министерству внутренних дел Пруссии. Ей было присвоено название «тайная государственная полиция» (гестапо). 26 апреля 1933 г. правительство Пруссии издало закон, закрепивший статус гестапо в качестве самостоятельной ветви внутреннего управления²². Такое развитие событий в Пруссии не устраивало В. Фрика, занимавшего в правительстве Гитлера пост имперского министра внутренних дел. Он стал настаивать на том, чтобы прусское министерство внутренних дел было слито с его министерством. Но это не устраивало Геринга. По его инициативе прусское правительство 30 ноября издало второй закон о гестапо. По этому закону гестапо было выведено из подчинения прусского министерства внутренних дел и перешло в прямое подчинение прусскому премьер-министру, т.е. Герингу²³.

В апреле 1934 г. Гиммлер перенес свое место службы из Мюнхена в Берлин и в том же месяце Гитлер назначил его заместителем начальника прусской тайной государственной полиции. Непосредственное руководство ею Гиммлер возложил на начальника СД Гейдриха. В ноябре 1934 г. Геринг сложил с себя пост началь-

²² Нюрнбергский процесс. Т. 7. С. 193. *Die tödliche Utopie*. S. 153-154.

²³ Нюрнбергский процесс. Т. 7. С. 194; *Die tödliche Utopie*. S. 154.

ника прусской гестапо. Гиммлер стал начальником всей политической полиции Германии. После этого возник затяжной конфликт между Фриком и Гиммлером. Фрик настаивал, чтобы ему как имперскому министру внутренних дел была подчинена не только криминальная полиция и полиция по поддержанию порядка, но и политическая полиция. Гиммлер же, будучи не членом имперского правительства, а лишь руководителем одного из подразделений НСДАП – СС, в свою очередь, также выступал с претензией на руководство всей германской полицией. Гитлер его поддержал. 17 июня 1936 г. он подписал указ, по которому Гиммлер стал начальником всей германской полиции в качестве статс-секретаря имперского министерства внутренних дел. Официально его пост стал называться «рейхсфюрер СС и начальник полиции в имперском министерстве внутренних дел»²⁴. Однако на практике Гиммлер решал вопросы, связанные с управлением германской полицией, самостоятельно в своем личном штабе. По его указу от 28 августа 1936 г. центральным органом всей германской политической полиции стало находившееся в Берлине Главное управление тайной государственной полиции, а вся политическая полиция стала именоваться тайной государственной полицией. Затем по его указанию гестапо и уголовная полиция под общим названием «полиция безопасности» были непосредственно подчинены начальнику СД Р. Гейдриху. При этом между СД и «полицией безопасности» было установлено «разделение труда». СД стало заниматься идеологическим воспитанием личного состава полиции в духе национал-социализма, изучением настроений различных слоев населения и выявлением мировоззренческих противников внутри Германии, а также политической разведкой за границей. Гестапо при содействии криминальной полиции, как и прежде, занималось выявлением и уничтожением политических противников национал-социализма, а также евреев, цыган, масонов, гомосексуалистов, иеговистов, бродяг и т. д. В конце 1937 г. Гиммлер решил еще более усилить свой контроль над криминальной полицией. С этой целью он ввел в германских землях и провинциях должности «инспекторов полиции безопасности», на которые назначил фюреров СД. Они полностью подчинили себе не только начальников управлений криминальной полиции, но и полиции порядка. Одновременно Гиммлер в связи с подготовкой Германии к развязыванию войны ввел в военных округах Германии должности «высших руководителей СС и полиции». В случае объявления военной мобилизации они должны были использовать для обеспечения порядка все подчиненные

Нюрнбергский процесс. Т. 8. С. 645; Die tödliche Utopie. S. 156.

«рейхсфюреру СС и начальнику германской полиции» репрессивные органы, т.е. СД, гестапо, криминальную полицию, полицию порядка, войска СС и общие СС. По указанию Гитлера и Гиммлера Гейдрих 3 сентября 1939 г., т.е. через два дня после нападения Германии на Польшу, направил всем высшим руководителям СС и полиции, инспекторам полиции безопасности и всем управлениям гестапо указ о «Принципах внутренней государственной безопасности». В нем говорилось: «Любые попытки разложить сплоченность и волю к борьбе немецкого народа следует беспощадно пресекать. Особенно надлежит немедленно арестовывать любого, кто будет выражать сомнение в немецкой победе и справедливости»²⁵. На руководителей гестапо, как и прежде, возлагалась задача по ликвидации арестованных. В первые недели войны нацисты завершили ранее начатый ими процесс превращения всей полиции в ~~полицию~~ **террора**. Инспектора полиции безопасности стали называться «инспекторами полиции безопасности и СД». Непосредственное руководство ими было возложено на Гейдриха – начальника полиции безопасности и СД. По приказу Гиммлера от 27 сентября 1939 г. главное управление гестапо, главное управление уголовной полиции и два главных управления СД, одно из которых занималось политическим шпионажем в своей стране, а другое за рубежом, были включены в состав нового эсэсовского органа «Главного управления имперской безопасности» (РСХА). Непосредственное руководство РСХА было сначала возложено на Гейдриха, а в 1943 г. – на Э. Кальтенбруннера. Террористическая деятельность этого органа в годы войны распространилась далеко за пределы Германии, на все народы Европы, оказавшиеся под пятой немецких оккупантов²⁶.

Особое место в нацистском аппарате террора занимали концентрационные лагеря, которые начали создаваться в Германии вскоре после назначения Гитлера рейхсканцлером. Они предназначались для того, чтобы изолировать коммунистов, социал-демократов и профсоюзных деятелей от населения, садистскими методами и убийствами за малейшее неповиновение превратить их жизнь в ад, создать среди основной массы населения постоянную атмосферу страха и таким образом запугать каждого, кто хотел бы пополнить ряды противников нацистского режима. В концлагере мог оказаться любой подозрительный нацистам немец, без предварительного следствия и суда и неизвестно на какой срок. Всего в 1933-1939 гг. отбыли наказание в концлагерях несколько сот тысяч человек.

²⁵ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. S. 192.

²⁶ Die tödliche Utopie. S. 173-174.

рейхсфюреру СС и начальнику германской полиции» репрессивных органов, т.е. СД, гестапо, криминальную полицию, полицию ~~и~~ *полки* СС и общие СС. По указанию Гитлера и Гимmlера Гейдрих 3 сентября 1939 г., т.е. через два дня после нападения Германии на Польшу, направил всем высшим руководителям СС и полиции, инспекторам полиции безопасности и всем управлениям гестапо указ о «Принципах внутренней государственной безопасности». В нем говорилось: «Любые попытки разложить сплоченность и волю к борьбе немецкого народа следует беспощадно пресекать. Особенно надлежит немедленно арестовывать любого, кто будет выражать сомнение в немецкой победе и справедливости»²⁵. На руководителей гестапо, как и прежде, возлагалась задача по ликвидации арестованных. В первые недели войны нацисты завершили ранее начатый ими процесс превращения всей полиции в орудие террора. Инспектора полиции безопасности стали называться «инспекторами полиции безопасности и СД». Непосредственное руководство ими было возложено на Гейдриха – начальника полиции безопасности и СД. По приказу Гимmlера от 27 сентября 1939 г. главное управление гестапо, главное управление уголовной полиции и два главных управления СД, одно из которых занималось политическим шпионажем в своей стране, а другое за рубежом, были включены в состав нового эсэсовского органа «Главного управления имперской безопасности» (РСХА). Непосредственное руководство РСХА было сначала возложено на Гейдриха, а в 1943 г. – на Э. Кальтенбруннера. Террористическая деятельность этого органа в годы войны распространилась далеко за пределы Германии, на все народы Европы, оказавшиеся под пятой немецких оккупантов²⁶.

Особое место в нацистском аппарате террора занимали концентрационные лагеря, которые начали создаваться в Германии вскоре после назначения Гитлера рейхсканцлером. Они предназначались для того, чтобы изолировать коммунистов, социал-демократов и профсоюзных деятелей от населения, садистскими методами и убийствами за малейшее неповиновение превратить их жизнь в ад, создать среди основной массы населения постоянную атмосферу страха и таким образом запугать каждого, кто хотел бы пополнить ряды противников нацистского режима. В концлагере мог оказаться любой подозрительный нацистам немец, без предварительного следствия и суда и неизвестно на какой срок. Всего в 1933-1939 гг. отбыли наказание в концлагерях несколько сот тысяч человек.

²⁵ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. S. 192.

²⁶ Die tödliche Utopie. S. 173-174.

Многие из них были там убиты²⁷.

Летом 1934 г. Гиммлер взял все концлагеря под свой контроль и до начала Второй мировой войны объединил их в несколько крупных «основных» концлагерей. К ним относились созданный еще в 1933 г. эсэсовцами «образцовый» концлагерь Дахау, расположенный к северо-западу от Мюнхена, а также пять новых концлагерей: Заксенхаузен (в 25 км северо-западной Берлина, июль 1936 г.), Бухенвальд (недалеко от Веймара, июль 1937 г.), Флоссенбург (под Вейделем, май 1938 г.), Маутхаузен (в 20 км восточнее Линца в Австрии, август 1938 г.) и женский концлагерь Равенсбрюк (под Фюрстенбургом в Бранденбурге, май 1939 г.). Охрана лагерей набиралась из состава общих СС и бывших охранников «диких» лагерей из СА. В 1938 г. она была объединена в составе четырех полков под названием «Мертвая голова». После начала Второй мировой войны эти полки были включены в состав войск СС. Сетью концлагерей в ходе войны была покрыта территория не только Германии, но и оккупированных ею стран. В 1939–1944 гг. было создано еще 14 «основных» концлагерей с многочисленными филиалами, а также несколько «лагерей уничтожения», специально предназначенных для массового убийства евреев²⁸. По данным, приведенным обвинением на Нюрнбергском процессе, в этих концлагерях и их филиалах было в общей сложности расстреляно, умерщвлено побоями, ядовитыми газами, голодом, непосильным трудом и т.д. примерно 12 млн. человек различных национальностей²⁹. В числе погибших в концлагерях было 4 млн евреев. Всего же за время войны в ходе так называемого «окончательного решения еврейского вопроса» в Европе, которым по указанию Гимmlера занимался отдел «4б» главного управления гестапо, было уничтожено 6 млн евреев³⁰.

К органам политического террора относились и так называемые «чрезвычайные суды». Они были созданы по распоряжению Гитлера от 21 марта 1933 г. во всех германских землях для быстрой расправы над коммунистами, которым нацистская верхушка пыталась приписать поджог рейхстага и подготовку антигосударственного заговора. В отличие от обычных гражданских судов чрезвычайные суды выносили приговоры без предварительного следствия и доказательств вины обвиняемого. Только в 1933 г. ими было осуждено 9,5 тыс. человек. Количество чрезвычайных судов постоянно росло. Если к началу Второй мировой войны их насчитыв-

²⁷ Ibid. S. 166-171.

²⁸ Ibid.

²⁹ Нюрнбергский процесс. Т. 8. С. 467.

³⁰ Там же. С. 673.

алось 29, то в 1942 г. — 74. Всего за время нахождения нацистов у власти эти суды приговорили 11000 немцев к смертной казни³¹.

24 апреля 1934 г. в Германии была создана и так называемая «народная судебная палата» — трибунал, выносивший смертные приговоры по обвинениям в государственной измене. Поводом для создания этого суда явилось то, что во время Лейпцигского процесса, состоявшегося после поджога рейхстага, имперский суд вопреки желанию нацистской верхушки не подтвердил ее версию о коммунистическом антигосударственном заговоре. Народная судебная палата состояла из председателя и пяти членов суда. Два из них были профессиональными судьями, а трое представляли вооруженные силы, полицию и НСДАП. С 1934 г. до 1945 г. они приговорили 9174 человека к тюремному заключению и 5279 человек к смертной казни³². В вынесении смертных приговоров участвовали и главные суды немецких земель. Народная судебная палата направляла им на рассмотрение некоторые менее важные дела по обвинению в государственной измене. В общей сложности гражданские суды за время нацистского господства вынесли в Германии 16650 смертных приговоров, более трех четвертей из которых были приведены в исполнение. Военные суды, действовавшие в Германии и на оккупированных немецкими войсками территориях, в годы войны вынесли еще 15000 приведенных в исполнение смертных приговоров военнослужащим вермахта за подрыв обороноспособности рейха, дезертирство и т.д.³³.

В массовых убийствах противников нацистского режима и евреев в Германии и граждан на территории частично или полностью оккупированных вермахтом стран Европы участвовала немецкая полиция. Однако число ее жертв, до сих пор не подсчитано.

Опираясь на широко разветвленный и вездесущий аппарат политического террора, нацистская верхушка добилась того, что немцы накануне и во время Второй мировой войны могли чувствовать себя в относительной безопасности лишь в случае беспрекословного повиновения установленному в стране диктаторскому режиму. Такой же и еще более жестокий режим был создан и на оккупированной вермахтом территории других стран Европы. С неслыханной жестокостью нацистский террористический аппарат действовал на оккупированной вермахтом части советской территории. Под руководством Гимmlера перед началом нападения на СССР в Германии службой СД были созданы четыре специальные

³¹ Die tödliche Utopie. S. 172-173.

³² Ibidem.

³³ Ibid. S. 202.

эсэсовские части, так называемые «айнзатцгруппы», которые обозначались латинскими буквами «А», «В», «С» и «D». В каждой из этих групп насчитывалось от 1000 до 1200 убийц из числа членов СД, гестапо, войск СС и уголовной полиции. После вторжения на советскую территорию вермахта, эти группы, действуя в тылу групп армий, при сотрудничестве с немецким военным командованием и местными националистами до конца 1942 г. занимались выявлением и уничтожением коммунистов, комсомольцев, представителей советских госучреждений, интеллигенции, евреев и цыган³⁴. Установлено, что только этими айнзатцгруппами было без суда и следствия уничтожено около 750 тыс. человек³⁵.

В ходе Нюрнбергского процесса были вскрыты преступные замыслы руководства СС в отношении мирного населения СССР, которые оно намеривалось осуществить после победы в «войне на Востоке». Эти замыслы нашли отражение в так называемом «генеральном плане Ост», подготовленном в РСХА 15 июля 1941 г. Планом предусматривалось заселение немцами и родственными им по крови норвежцами, шведами, датчанами, голландцами и фламандцами советской территории вплоть до Урала. Уничтожению подлежала большая часть советских граждан. Оставленных в живых (русских, украинцев, белорусов, прибалтов и т.д.) сначала намечалось подвергнуть «германизации», т.е. превратить их в рабов «арийских хозяев», обученных немецкому языку и исполнению изданных гитлеровским правительством законов. В дальнейшем же их намечалось уничтожить. «В нашу задачу, – говорил Гиммлер, – не входит германизация Востока в старом смысле, а именно обучение народа немецкому языку и введение германских законов. Наша задача проследить, чтобы на Востоке жили люди только чисто германской крови»³⁶.

Руководствуясь этим планом, нацисты, как подсчитано российскими учеными, во время войны на оккупированной советской территории преднамеренно истребили более 7,4 млн мирных советских граждан, в том числе по России – 1800 тыс. русских. От преднамеренно жестоких условий оккупационного режима (от голода, инфекционных заболеваний, отсутствия медицинской помощи и т.д.) скончалось еще 4,1 млн человек. Более 2,1 млн мирных советских граждан погибло на принудительных работах в Германии³⁷.

³⁴ Нюрнбергский процесс. Т. 7. С. 511-515.

³⁵ Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996. С. 21.

³⁶ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: В 2-х томах. М., 1954. Т. 2. С. 557.

³⁷ Всероссийская книга памяти 1941–1945. М., 1995. С. 406-407.

Комплексное исследование во время Нюрнбергского процесса юристами СССР, США, Великобритании и Франции целей, истории формирования и деятельности нацистского аппарата террора позволило Международному военному трибуналу вынести всесторонне обоснованное определение в отношении СС, СД и гестапо как преступных организаций. В Приговоре было отмечено, что СА до начавшейся 30 июня 1934 г. кровавой чистки в их рядах «участвовали в нацистских эксцессах». Однако обвинение не смогло доказать, что творимые штурмовиками в тот период в Германии зверства являлись частью конкретного плана ведения войны. Поэтому Трибунал не объявил СА преступной организацией. Вместе с тем, МВТ единодушно признал преступными организациями СС, СД и гестапо. Они использовались для целей, которые согласно Уставу Международного военного трибунала, являлись преступными: «преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы, совершаемые при управлении оккупированными территориями, проведение в жизнь программы использования рабского труда и жестокое обращение с военнопленными и их убийства»³⁸.

Высшим государственным органом, который нацистская верхушка использовала для достижения своих преступных целей, было имперское правительство. 30 января 1933 г. в его состав вошли не только нацисты, но и представители других партий и организаций, а также сочувствующие им лица. Они занимали следующие посты:

- рейхсканцлер – А. Гитлер (НСДАП),
- вице-канцлер – Ф. фон Папен (беспартийный),
- министр внутренних дел – В. Фрик (НСДАП),
- министр без портфеля и министр внутренних дел Пруссии – Г. Геринг (НСДАП),
- министр иностранных дел – Ф. фон Нейрат (беспартийный),
- министр финансов – граф М. фон Крозиг (беспартийный),
- министр рейхсвера – генерал-лейтенант фон Бломберг (беспартийный),
- министр экономики и министр сельского хозяйства и продовольствия – А. Гугенберг (Немецкая национальная партия),
- министр труда – Ф. Зельдте (Стальной шлем),
- министр юстиции – Ф. Гюртнер (Немецкая национальная партия),
- министр транспорта и почт – П. Эльц-Рубенах.

13 марта было создано министерство народного просвещения и

³⁸ Нюрнбергский процесс. Т. 8. С. 650, 654, 656.

пропаганды во главе с И. Геббельсом, а в мае – министерство авиации, который возглавил Геринг.

Главные цели, которые ставило перед собой это правительство, были озвучены Гитлером 3 февраля 1933 г. на совещании с командованием рейхсвера. Они состояли в «искоренении марксизма», «удалении раковой опухоли – демократии», «установлении строгого авторитарного режима», введении всеобщей воинской повинности, «завоевании рынков сбыта» и «захвате нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадной германизации»³⁹.

Правительственный кабинет издал целый ряд законов, которые фактически ликвидировали в Германии все демократические завоевания Ноябрьской революции 1918 г.; разогнал избранные ранее ландтаги, заменив их имперскими наместниками, наделенными правами назначать или смещать членов правительств земель, чиновников, судей, издавать местные законы и т.д. Правительство своими декретами санкционировало создание концлагерей, чрезвычайных судов и других органов нацистского террора. Оно возвело в ранг государственной идеологии миф о принадлежности немцев к «высшей расе господ», якобы призванной властвовать над другими народами, а также реакционную теорию борьбы за расширение «жизненного пространства».

Правительство Гитлера с первых дней своего существования целенаправленно осуществляло курс на подготовку и ведение захватнических войн. В октябре 1934 г. оно объявило о выходе Германии из Лиги Наций и об отказе участвовать в работе Конференции по разоружению, ввело в марте 1935 г. всеобщую воинскую повинность, а 1 октября 1936 г. создало «ведомство четырехлетнего плана» по экономической подготовке к войне, возложив его руководство на Геринга.

После принятия правительством 14 июля 1933 г. закона о запрете всех политических партий, за исключением НСДАП, все министерские посты в имперском правительстве постепенно заняли нацисты. Расширялось и количество возглавлявшихся ими министерств. В мае 1934 г. были созданы Министерство образования и Министерство по делам церкви, которые возглавили нацист Б. Руст и Г. Керрл. В январе 1937 г. все еще остававшиеся беспартийными члены кабинета были лично Гитлером приняты в НСДАП. Исключение составил Эльтц-Рубенах. Он отказался от вступления в партию, мотивируя свой отказ несогласием с «нападками нацистских чиновников на религиозные концессии» и жела-

³⁹ Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2005. С. 31.

нием «остаться верным своим религиозным убеждениям», и получил отставку⁴⁰.

После начала войны прибавилось еще два министерства. 17 марта 1940 г. было создано Министерство вооружения и боеприпасов, которое возглавил видный эсэсовец Ф. Тодт. Его приемником на этом посту в начале 1942 г. стал член НСДАП и СС А. Шпеер. Под его руководством фактически вся промышленность Германии была переключена на наращивание темпов военного производства. В связи с этим Министерство вооружения и боеприпасов в сентябре 1943 г. было переименовано в Министерство вооружения и военной промышленности. После нападения на СССР в июле 1941 г. в Берлине было создано министерство по делам оккупированных территорий на Востоке, которое возглавил рейхсleiter НСДАП А. Розенберг.

Обвинение на Нюрнбергском процессе предоставило многочисленные доказательства преступного характера действий гитлеровского правительства и его органов, как в самой Германии, так и на оккупированных вермахтом территориях. Защита же пыталась их опровергнуть, утверждая, что деятельность правительственного кабинета не выходила за рамки законности, что не все министры приглашались на заседания правительства, что с начала 1938 г. заседания кабинета в полном составе вообще не проводились, что законы, готовившиеся по распоряжению Гитлера, не подлежали обсуждению. Защитник Э. Кубышек утверждал, что введение всеобщей воинской повинности, например, не может служить основанием для объявления правительства преступной организацией, ибо Гитлер, якобы, скрывал от министров свои агрессивные намерения⁴¹.

Международный военный трибунал, хотя и не признал основательными доводы защиты, тем не менее, не объявил кабинет преступной организацией. Он указал, что имперское правительство являлось столь незначительной по численности группой лиц, что их можно привлечь к суду в индивидуальном порядке. Кроме того Трибунал считал, что обвинению не удалось доказать тот факт, что после 1937 г. кабинет действовал в качестве группы или организации⁴².

Член Международного военного трибунала от СССР И.Т. Никитченко выступил с особым мнением по этому вопросу. Он назвал решение Трибунала неверным, так как нацисты использовали имперское правительство как свой штаб, а министры, руководя

⁴⁰ Нюрнбергский процесс. Т. 7. С. 100-101.

⁴¹ Там же. С. 410-430.

⁴² Там же. Т. 8. С. 657-658.

соответствующими ведомствами, являлись соучастниками претворения в жизнь нацистских планов ликвидации демократических институтов в Германии и установления террористического режима, соучастниками развязывания войны, военных преступлений и преступлений против человечности⁴³.

После поражения кайзеровской Германии в Первой мировой войне в соответствии с Версальским мирным договором в Веймарской республике была отменена всеобщая воинская повинность, проведено резкое сокращение численности её вооруженных сил – рейхсвера (нем. Reichswehr, от Reich – империя, государство и Wehr – оборона) до 115 тыс. человек, распущен генеральный штаб. Рейхсверу запрещалось иметь на вооружении самолеты, танки, тяжелую артиллерию, химическое оружие и подводные лодки. Однако во главе рейхсвера остались генералы и офицеры бывшей кайзеровской армии, которые, как и нацисты, не смирились с поражением, стремились к реваншу и восстановлению военной мощи Германии. На этой основе в 1920-х годах происходило тесное сближение командования рейхсвера с нацистской верхушкой. При его поддержке Гитлер получил пост рейхсканцлера. Оно приветствовало также провозглашение Гитлера 2 августа 1934 г. верховным главнокомандующим. В тот же день по приказу министра рейхсвера Бломберга все военнослужащие были приведены к «освященной Богом присяге» на «беспрекословное повиновение» Гитлеру, как верховному главнокомандующему. Гитлер в ответ на это в письме Бломбергу 20 августа взял на себя обязательство «укреплять армию как единственную носительницу оружия в нашем государстве»⁴⁴.

16 марта 1935 г. свершилось то, чего давно ожидали генералы. В этот день гитлеровское правительство издало закон о введении всеобщей воинской повинности и приступило к реорганизации рейхсвера. Германские вооруженные силы получили новое название – вермахт (нем. Wehrmacht, от Wehr – оборона, и Macht – сила). В состав вермахта вошли три вида вооруженных сил – сухопутные войска, военно-воздушные силы и военно-морские силы. Для каждого вида вооруженных сил были созданы высшие командные органы управления – главное командование сухопутных войск (ОКХ – от нем. Oberkommando des Heeres), главное командование военно-воздушных сил (ОКЛ – от нем. Oberkommando der Luftwaffe) и главное командование военно-морских сил (ОКМ – от нем. Ober-

⁴³ Там же. С. 734-736.

⁴⁴ Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М., 1996. С. 241.

ommando der Kriegsmarine). Главкомандующим сухопутных войск стал В. Фрич, главкомандующим ВВС – Г. Геринг, главкомандующим ВМС – Э. Редер. Министр рейхсвера Бломберг стал называться военным министром. В его функцию входило непосредственное руководство вермахтом в качестве его главкомандующего, подчиняясь лишь Гитлеру как верховному главкомандующему.

В ноябре 1937 г. Гитлер решил, что в ближайшее время следует приступить к расширению «жизненного пространства» Германии за счет Австрии и Чехословакии. Но это решение натолкнулось на возражения некоторых генералов, которые высказывали опасения, что агрессия против этих двух небольших стран может привести Германию к войне с Францией и Великобританией в то время, когда вермахт к войне с ними еще не готов. Однако Гитлер не соби-рался отказываться от своих планов. Он считал, что никто не должен указывать, когда и с кем ему следует начинать войну. Для того чтобы укрепить свою власть над вооруженными силами, он 4 февраля 1938 г. издал указ, в котором объявил, что берет на себя непосредственное командование вермахтом⁴⁵. В соответствии с этим была проведена реорганизации его высших руководящих инстанций. Бломберг был отправлен в отставку, а военное министерство ликвидировано. Вместо него было создано верховное командование вермахта – (ОКВ – от нем. Oberkommando der Wehrmacht), которое фактически стало военным штабом Гитлера. Начальником ОКВ в ранге министра Гитлер назначил В. Кейтеля, который оставался на этом посту вплоть до конца войны. Важнейшей частью ОКВ стало управление (с августа 1938 г. штаб) оперативного управления вермахта (нем. Wehrmachtführungsstab des OKW). Начальником этого штаба вплоть до конца войны был А. Йодль. Отставку получил Фрич. Вместо него главкомандующим сухопутными войсками стал В. Браухич. 19 декабря 1941 г. Гитлер сам занял этот важный пост, отправив Браухича в отставку.

Февральская реорганизация высших органов вермахта не затронула Геринга и Редера. Геринг оставался главкомандующим ВВС до апреля 1945 г. В последние дни войны его на этом посту сменил Р. фон Грейм. Редер был отправлен Гитлером в отставку в январе 1943 г. После этого до конца войны главкомандующим ВМС оставался К. Дениц.

В марте 1938 г. Гитлер с молчаливого согласия западных держав аннексировал Австрию, а в мае принял решение начать не позднее 1 октября военную кампанию с целью захвата Чехослова-

⁴⁵ Проектор Д.М. Агрессия и катастрофа. М., 1968. С. 22.

кий. Начальник генштаба сухопутных войск Л. Бек и некоторые другие военачальники считали, что эта акция будет слишком рискованной. Они опасались, что в защиту Чехословакии выступят союзная Франция, а также Англия, что борьба против такой коалиции будет не по силам Германии. 18 августа 1938 г. Гитлер отправил Бека в отставку, назначив начальником генерального штаба Ф. Гальдера. Тот 10–11 сентября представил ему план военного захвата Чехословакии. Но в результате Мюнхенского соглашения необходимость военного его выполнения отпала.

В ходе «чистки» вермахта с февраля по сентябрь 1938 г. Гитлер снял с занимаемых должностей 60 генералов, оставив на своих местах или повысив в должности тех из них, кто готов был выполнять любое его желание⁴⁶.

Ведущую роль в разработке и осуществлении планов военных кампаний во время войны против Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Югославии и Греции, а также в планировании и ведении расово-идеологической войны против СССР, играло ОКХ и его генеральный штаб.

Не менее, если не более, важную роль в расширении германской агрессии играло и ОКВ. Под его руководством была осуществлена оккупация Дании и Норвегии. Оно активно участвовало в разработке плана войны против СССР. В его ведении находились вопросы наращивания военной мощи Германии в целом, ведение пропаганды в войсках, подготовка и издание директив Гитлера, определявших задачи трех видов вооруженных сил в ходе военных кампаний и стратегических операций, директив о взаимодействии вермахта с СС и СД в акциях по борьбе с партизанами и массовому уничтожению мирного населения оккупированных стран. ОКВ руководило оккупационными войсками в Дании, Норвегии, Голландии, Люксембурге, Франции, странах Юго-Восточной Европы, Северной Италии, оказывало поддержку оккупационным органам на захваченной советской территории.

Обвинение настаивало на объявлении генерального штаба и верховного командования вермахта преступной группой, включив в ее состав главнокомандующих тремя видами вооруженных сил и начальников их штабов, начальника ОКВ, начальника штаба оперативного руководства ОКВ и его заместителя, а также командующих группами армий и армий. В Обвинительном заключении указывалось: «Действуя в таком качестве и совместно как группа высшего ранга в составе германских вооруженных сил, эти лица

⁴⁶ Энциклопедия военного искусства. Командиры Второй мировой войны. М., 1998. С. 27.

несут главную ответственность за планирование, подготовку, начало и ведение незаконных войн..., а также за военные преступления и преступления против человечности»⁴⁷.

Обвинители в своих выступлениях подробно осветили историю формирования и деятельности высших командных органов вермахта и доказали, что генералы вермахта были не только орудием в руках нацистского руководства, но и сами разделяли нацистские идеи. Американский обвинитель Т. Тэйлор представил Трибуналу немало документов, доказывающих их причастность к преступлениям. К их числу относились: указ начальника штаба ОКВ Кейтеля от 13 мая 1941 г. «Об особой подсудности в районе «Барбароса» и особых мероприятиях войск», согласно которому с солдат и офицеров вермахта заранее была снята ответственность за будущие преступления против населения на оккупированной территории СССР. Им предписывалось быть безжалостными, расстреливать без суда и следствия при малейшем неподчинении или по подозрению в сочувствии партизанам; приказ Кейтеля от 16 сентября 1941 г. об ужесточении репрессий против партизан и мирного гражданского населения на оккупированной советской территории; приказ командующего 6-й армией В. Рейхенау от 10 октября 1941 г. «О поведении войск на Востоке», в котором говорилось, «что снабжение питанием местных жителей является ненужной гуманностью», что «никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения». Тейлором были приведены также документы о тесном сотрудничестве ОКВ, ОКХ со штабом Гимmlера в массовом уничтожении советских мирных граждан и военнопленных⁴⁸.

Защитник генерального штаба и верховного командования вермахта Г. Латернзер не мог отрицать приведенных обвинением фактов. Но он все же пытался оправдать своих подзащитных. Ссылаясь на то, что в Третьем рейхе не было, как в кайзеровской Германии, единого генерального штаба, он заявлял, что генеральные штабы сухопутных войск, ВВС и ВМС якобы не имеют «никакого отношения к предъявленному обвинению», что ОКВ занималось лишь доведением до войск приказов Гитлера и поэтому не может нести за них какой-либо ответственности. По его словам, всех руководителей высших командных инстанций связывала лишь обычная военная субординация, что они не могли отказаться от выполнения приказов Гитлера как верховного главнокомандующего, так как в противном случае им грозила смертная казнь, и т.д. В то же

⁴⁷ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 333.

⁴⁸ Там же. Т. 7. С. 239-318.

время Латернзер утверждал, что германские генералы якобы не понимали истинного смысла оккупации Австрии, что план нападения на Чехословакию был простой мерой предосторожности, что они хотели мирного урегулирования германо-польских противоречий, но не посмели послушаться Гитлера, когда получили его приказ о нападении на Польшу. Он пытался оправдать генералов Гитлера, заявляя, что не Германия, а Англия и Франция 3 сентября 1939 г. объявили войну Германии, что, планируя войну против СССР, они думали не об агрессии, а лишь о превентивной мере. Всю ответственность за развязывание и ведение войны Латернзер возложил на одного Гитлера, настаивал на том, что его генералы были «солдатами, служившими своему отечеству», что они «ничем не отличались от военнослужащих любой другой страны»⁴⁹.

Международный военный трибунал не объявил генеральный штаб и верховное командование вермахта преступной группой или организацией по двум соображениям. Он считал, что число лиц, которым предъявлено обвинение довольно мало, что поэтому путем индивидуальных судов над этими лицами можно будет достичь лучшего результата. Кроме того, Трибунал считал, что генеральный штаб и верховное командование вермахта не представляют собой «организации» и «группы» в смысле их определения, приведенного в ст. 9 Устава МГВ, что по своей структуре они мало чем отличались от аналогичных военных органов других стран. Вместе с тем, в Приговоре было указано, что высшие военные руководители Германии, хотя и не подпадали под определение Устава, но все же «представляли собой безжалостную военную касту», «были ответственны в большой степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей», что они «опозорили почетную профессию воина», тем, что «при содействии своего союзника — национал-социализма» способствовали невиданному расцвету в Германии милитаризма, а также активно участвовали или были безмолвными и покорными свидетелями «совершавшихся преступлений в более широких и в более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать»⁵⁰.

Член трибунала от СССР И.Т. Никитченко в особом мнении выразил несогласие с отказом Трибунала объявить генштаб и верховное командование вермахта преступной организацией. Он указал, что руководящий состав вермахта назначался с учетом преданности нацистскому режиму, что его функции не ограничивались чисто военными вопросами. Его члены являлись активными

⁴⁹ Там же. С. 518-542.

⁵⁰ Там же. Т. 8. С. 659-660.

разработчиками и исполнителями человеконенавистнической нацистской политики; как и руководство СС, они грубо попирали международное право, общепризнанные всем цивилизованным миром законы и обычаи войны⁵¹.

Таким образом, Трибунал в Приговоре признал преступными организациями руководящий состав НСДАП, охранные отряды национал-социалистической партии (СС), включая группы службы безопасности (СД) и государственной тайной полиции (гестапо), но отказался признать преступными организациями такое подразделение нацистской партии как штурмовые отряды (СА), правительственный кабинет, а также германский генеральный штаб и верховное командование вермахта (ОКВ). Непризнание того или иного органов нацистского диктаторского режима преступным не означало отказа Трибунала от возбуждения судебных дел против их членов, причастных к преступлениям против мира, военным преступлениям и преступлениям против человечности. Так, среди лиц, осужденных Трибуналом, были начальник ОКВ В. Кейтель и начальник штаба оперативного руководства вермахта, входившего в состав ОКВ, А. Йодль, приговоренные к смертной казни; Э. Редер, главнокомандующий ВМС в 1935-1943 гг., осужденный на пожизненное заключение; Дениц, занимавший тот же пост до мая 1945 г., а в самом конце войны возглавлявший все вооруженные силы Германии, был приговорен к десяти годам тюремного заключения. Среди главных военных преступников, представших перед судом в Нюрнберге, было немало и таких, которые являлись членами НСДАП, занимали руководящие посты не только в признанных, но и не признанных Трибуналом преступными организациях. К их числу относились приговоренные к смертной казни Г. Геринг, который был не только одним из лидеров НСДАП, но и главнокомандующим германскими ВВС; рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, занявший летом 1943 г. пост министра внутренних дел. Во второй половине 1944 г. он возглавил «Армию резерва» и принял командование группой армий «Верхний Рейн» на Западном фронте, а в январе 1945 г. возглавил группу армий «Висла» на Восточном фронте; В. Фрик, Й. Риббентроп и А. Розенберг принадлежали не только к функционерам НСДАП, но и занимали министерские должности в правительственном кабинете. Фрик был министром внутренних дел в 1933-1943 гг., Риббентроп – министром иностранных дел в 1938-1945 гг., Розенберг – министром по делам оккупированных областей на Востоке в 1941-1944 гг.; Г. Франк – генерал-губернатор Польши с 1939-го по 1945 г., совмещавший

⁵¹ Там же. С. 736-740.

членство в НСДАП и в СА; гаулейтер Ф. Заукель, занимав в 1942-1945 гг. пост имперского комиссара по трудовым резервам с широкими полномочиями, был членом НСДАП, СС и СА. Среди приговоренных к пожизненному тюремному заключению были нацистский функционер В. Функ, который с 1933 г. был заместителем Геббельса в министерстве народного просвещения и пропаганды, а в начале 1938 г. занял пост министра экономики и генерального уполномоченного по военной экономике, и Р. Гесс, который был не только заместителем Гитлера по партии в 1933-1941 гг., но и министром без портфеля и членом «совета министров по обороне империи». Член НСДАП, СС и СА А. Шпеер, приговоренный к 20 годам тюремного заключения, будучи членом НСДАП и СА, возглавлял в 1942 г. министерство вооружения и боеприпасов. С осени 1943 г. он стал министром всей военной промышленности, а в мае 1945 г. занял пост министра экономики в правительстве, сформированном Деницем. К. Нейрат, приговоренный к 15 годам тюремного заключения, в 1932-1938 гг. возглавлял министерство иностранных дел, а затем, будучи наместником в протекторате Богемия и Моравия, дослужился до звания обергруппенфюрера СС. Среди лиц, осужденных в Нюрнберге, лишь немногие занимали руководящие посты только в признанных Трибуналом преступными организациями. К ним относились приговоренные к смертной казни обергруппенфюрер СС и генерал полиции, начальник РСХА Э. Кальтенбруннер, член НСДАП, редактор антисемитской газеты «Штюрмер» Ю. Штейхер, член НСДАП и обергруппенфюрер СС, имперский комиссар в оккупированной Голландии А. Зейс-Инкварт, рейхслейтер НСДАП Б. Ширах, который в 1933-1939 г. занимал пост фюрера немецкой молодежи, а в 1940-1945 гг. являлся гаулейтером Вены.

Проведенное обвинением во время Нюрнбергского процесса расследование деятельности руководства нацистской партии и ее главных подразделений, гитлеровского правительства и германских высших военных органов, независимо от признания их Трибуналом преступными или не преступными, сыграло важную роль в изобличении преступного характера нацистского режима в целом.

СССР И НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Наказание преступников войны – необходимое звено в борьбе за длительный мир и устойчивую демократию – после Первой мировой войны не было осуществлено. Но именно тогда заложили нормы уголовной ответственности за военные преступления, которые были развиты и реализованы в годы Второй мировой войны и непосредственно после ее окончания.

Преступления, совершенные германской армией в годы Первой мировой войны, далеко превосходили злодеяния периода франко-прусской войны. Однако по сравнению с политикой истребления целых народов, проводимой гитлеровцами, эксцессы 1914-1918 гг. кажутся робкими экспериментами начинающих военных преступников. Массовые убийства, истязания, грабежи стали государственной системой превращения оккупированных территорий в выжженные земли. Они планировались еще до нападения на страну и готовились исподволь. Мир содрогнулся от масштаба и степени жестокости этих преступлений и преисполнился решимости не только покарать их организаторов и исполнителей, но и предотвратить повторение их в будущем.

Вопрос об ответственности за развязывание Второй мировой войны и преступления, совершенные в ходе нее, встал уже в первые месяцы войны. Что касается Кремля, то вплоть до июня 1941 г. там стремились возложить вину за все беды не на нацистов, а на «империалистов» Англии, Франции и США. Эта позиция кардинально изменилась лишь после нападения Германии на СССР. Уже 22 июня В.М. Молотов в выступлении по радио подчеркнул ответственность за развязывание войны «клики кровожадных правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы»¹. В последующих заявлениях говорилось о злодеяниях гитлеровцев и решимости покарать организаторов и исполнителей этих преступлений.

13 января 1942 г. представители девяти стран, оккупированных нацистами, приняли на своей конференции в Лондоне декларацию

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. В 3-х т. М., 1944. Т. 1. С. 112.

о наказании военных преступников. 7 октября, без предварительной консультации с Москвой, США и Великобритания заявили о своем намерении создать Комиссию Объединенных Наций по расследованию военных преступлений стран оси. Намерение Великобритании включить в состав этой Комиссии представителей всех своих доминионов и Индии вызвало встречную претензию Кремля на участие в ее работе делегатов тех советских республик, на территории которых шла война и совершались преступления. Советское предложение оказалось неприемлемым для США и Великобритании. В результате СССР не принимал участия в работе Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям, создав 2 ноября 1942 г. свою Чрезвычайную Государственную Комиссию по расследованию немецко-фашистских злодеяний (ЧГК) во главе с профсоюзным лидером Н.М. Шверником.

Незадолго до этого, 14 октября 1942 г., СССР впервые выдвинул идею создания Международного военного трибунала. В заявлении его правительства указывалось: «Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специально международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии»².

Формально это заявление являлось ответом на обращение 9 правительств оккупированных европейских стран³. Фактически же оно было сделано вследствие кризиса в советско-английских отношениях. Враг рвался к Сталинграду. Обещанного Лондоном и Вашингтоном открытия второго фронта не предвиделось в обозримом будущем. 19 октября Сталин направил послу СССР в Великобритании И.М. Майскому телеграмму: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны. Без такого предположения трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе, по вопросу о поставках вооружения для СССР., по вопросу о

² Там же. С. 277.

³ 23 июля 1942 г. правительства Бельгии, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, Чехословакии, Югославии и Национальный Комитет Свободной Франции направили СССР коллективную ноту, в которой выражалось пожелание, чтобы со стороны Советского Союза также было сделано предупреждение об ответственности за злодеяния, совершаемые гитлеровцами. (Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Документы и материалы. М., 1985. С. 105-108).

Гессе, которого Черчилль, по-видимому, держит про запас...»⁴. Статья аналогичного содержания, весьма резкая по тону, была опубликована в тот же день в «Правде». Министр иностранных дел Великобритании А. Иден заявил советскому послу, что читал ее с отвращением и «острым чувством неудовольствия»⁵.

Получив памятную записку Советского правительства от 3 ноября 1942 г., в которой вновь ставился вопрос о предании суду Международного трибунала главарей преступной гитлеровской клики⁶, Иден телеграфировал британскому послу в Москве А.К. Керру: «Мы не думаем, что будет сочтено целесообразным привлечь к формальному суду главных преступников, таких как Гитлер и Муссолини, поскольку их преступления и ответственность настолько велики, что они не подходят для рассмотрения путем юридической процедуры. По нашему мнению, вопрос об этих главных фигурах, к которым, несомненно, нужно причислить и Гесса, должен быть разрешен путем политического решения Объединенных Наций. При этой процедуре они могут быть наказаны столь же сурово и гораздо быстрее, чем при любой юридической процедуре»⁷.

В беседе со Сталиным 5 ноября и Молотовым 24 ноября Керр отстаивал позицию, сформулированную британским министром иностранных дел. Хотя советские лидеры были удовлетворены заверениями посла в отношении Гесса, тем не менее, они ни в коей мере не отказались от идеи, что гитлеровские главарь, виновные в преступлениях, должны быть судимы международным трибуналом⁸.

⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., Т. 1. 1983. С. 294.

⁵ Library of Birmingham's University. Avon Papers. AP 20/9/57.

⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 137. Л. 9-12.

⁷ Там же. Л. 18.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 558. Оп. 11. Д. 284. Л. 13-21; СССР и германский вопрос 1941-1948. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. В 3-х тт. М., 1998. Т. 1. С. 176-186. Во время разговора с Молотовым А.К. Керр сообщил, что и правительство США, и правительство Великобритании выступают против организации суда над преступниками войны. Британское правительство изучает вопрос о том, чтобы предложить Объединенным Нациям решить судьбу главных военных преступников не судом, а политическим решением, принятым совместно. Однако Молотов подчеркнул, что, по мнению советского правительства, решение этого вопроса следовало поручить международному трибуналу. «Это было бы максимально объективным и беспристрастным способом решения вопроса».

10 ноября вопрос был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). В принятом этим органом решении подчеркивалась необоснованность претензий Лондона по поводу статьи в «Правде» и указывалось, что при всех случаях нацистских лидеров, не дожидаясь окончания войны, следует наказывать в результате совместных действий СССР, США и Великобритании⁹.

Долгое время – вплоть до начала 1945 г. – руководство США было согласно с Лондоном в том, что казнь нацистских лидеров должна быть осуществлена на основе политического решения. Об этом говорил, в частности, госсекретарь К. Хэлл А. Идену во время визита последнего в Вашингтон в марте 1943 г.¹⁰

12 октября 1943 г. У. Черчилль обратился к И.В. Сталину и президенту США Ф. Рузвельту с предложением опубликовать декларацию о возвращении гитлеровских военных преступников на места совершения ими злодеяний и о суде над ними по законам стран, ставших жертвами оккупантов. Однако в проекте британского премьера указывалось, что декларация не относится к главным военным преступникам, чьи преступления не связаны с определенным географическим местом. Поэтому весьма важной была поправка, предложенная советской стороной 25 октября. Она предусматривала, что главные военные преступники «будут наказаны совместным решением правительств союзников»¹¹. Эта формулировка еще не определяла форму наказания – посредством суда, как предлагал СССР, или же в результате административного акта, к чему стремились правительства США и Великобритании. Но тем самым вопрос решался в принципе – фашистским главарям не уйти от расплаты.

Проблема наказания военных преступников обсуждалась и на Тегеранской конференции. Именно там произошел инцидент, до настоящего времени используемый многими западными историками как доказательство намерения Сталина расправиться со всеми нацистскими главарями без суда и следствия. Советский вожь поднял бокал за то, чтобы после войны были расстреляны не менее 50 тысяч гитлеровцев. Это вызвало резко негативную реакцию у

об участии главных преступников войны в глазах всех народов. Другой более подходящей формы для решения этого вопроса советскому правительству не известно», – сказал он.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 63-65.

¹⁰ См. подробнее: *Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975. С. 21.

¹¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 395-396.

Черчилля. Рузвельт же, поняв, что «дядюшка Джо» дразнит британского премьера, поддержал мрачную шутку и назвал «компромиссную цифру» – 49500 расстреливаемых.

В сентябре 1944 г. в Квебеке вниманию президента США и премьера Великобритании были предложены два варианта наказания гитлеровских главварей: американский – «план Morgenthaу» и английский – «меморандум Саймона». И в том, и в другом отстаивалась идея внесудебного решения этого вопроса. Черчилль и Рузвельт согласовали текст письма Сталину, предлагая составить список 50 или 100 лиц, чья ответственность за руководство или санкционирование преступлений обще признана и установлена самим фактом занимаемых ими постов и коих офицер в ранге генерала после удостоверения их личности распорядится расстрелять в течение часа¹².

В октябре 1944 г. это письмо было взято У. Черчиллем в Москву. Однако глава советского правительства в беседе с британским премьером настаивал на наказании главных военных преступников в соответствии с решением суда. «Встретившись с такой точкой зрения по данному вопросу, – писал Черчилль Рузвельту, – я не стал настаивать на меморандуме, который я вручил Вам и который Вы обсудили с госдепартаментом. Будьте добры, считать этот вопрос снятым с повестки дня»¹³.

В Ялте премьер-министр Великобритании продолжал отстаивать свою точку зрения, Сталин же по-прежнему считал: главные военные преступники должны предстать перед международным судом. Неопределенную позицию занял Рузвельт: согласившись судить гитлеровских главварей, он в то же время заявил, что «процедура суда не должна быть слишком юридической» и «при всех условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы»¹⁴.

Западные союзники СССР столь длительное время не шли на встречу советской идее организации международного процесса, поскольку помнили негативный опыт Первой мировой войны и опасались, что победителям не будет гарантирована необходимая юридическая основа для суда над германскими лидерами. Пугала и возможность ссылок подсудимых на далеко не безупречную предвоенную политику западных держав, их пособничество Германии в перевооружении, мюнхенские маневры и т.д.

Сталина же, имевшего богатый опыт проведения «показатель-

¹² FRUS. The Conference at Quebec, 1944. Wash., 1972. P. 91-93, 467, 487.

¹³ FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 400.

¹⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 4. М., 1984. С. 169-170.

ных процессов», такие «мелочи» не смущали. Он знал, как затыкать рот подсудимым, как добиваться нужных свидетельских показаний. В то же время Кремль не мог не считаться с советским общественным мнением, которое не удовлетворилось бы простым расстрелом гитлеровских главарей, поскольку военную победу необходимо было довершить политическим разгромом фашизма в открытом судебном процессе.

Необходимость проведения международного суда над гитлеровскими лидерами к концу войны осознали и некоторые ведущие политики США, представившие президенту «ялтинский меморандум». После возвращения из России их точку зрения одобрил и Рузвельт.

Судья С. Розенман, уполномоченный Рузвельтом провести консультации с англичанами по этому вопросу, фактически вернулся ни с чем. 3 мая 1945 г. на совещании руководителей внешнеполитических ведомств СССР, США и Великобритании в Сан-Франциско¹⁵ Розенман по поручению президента США вручил Молотову и Идену проект соглашения о создании Международного военного трибунала (МВТ). В нем предлагалось предание суду союзного военного трибунала главных преступников войны. В Трибунал должны были войти по одному представителю от каждой из держав, участвующих в Контрольном Совете по Германии. Одновременно должен был действовать Следственный комитет, который был уполномочен собирать обвинительный материал, готовить список подсудимых, обвинительное заключение и т.д.

В ходе обсуждения американского предложения Иден указал, что прежняя точка зрения британского правительства о нецелесообразности организации формальных судебных процессов в отношении главных преступников войны остается неизменной. «Однако, если США и СССР держатся другой точки зрения и считают целесообразным применение такого порядка ответственности, британское правительство готово с этим согласиться».

По предложению Молотова было решено передать вопрос на изучение экспертам СССР, США, Великобритании и Франции, что и было сделано. От СССР в комиссию вошли С.А. Голунский и

¹⁵ В это время в Сан-Франциско проходила конференция по созданию Организации Объединенных Наций. Однако совещание проходило вне ее рамок. В нем приняли участие от СССР В.М. Молотов, посол СССР в США А.А. Громько, работники НКВД СССР С.А. Голунский, Б.Ф. Подцероб и В.Н. Павлов; от США госсекретарь Э. Стеттиниус, С. Розенман, Ч. Болен, Дж. Дани, Юст, Дж. Макклой и др.; от Великобритании — А. Иден, А. Кадоган, Малкин и Тикстон. (АВП РФ. Ф. 06. Он. 7. П. 20. Д. 209. Л. 1-5).

А. Арутюнян¹⁶, от США Г. Хэворт и Дж.К. Данн, от Великобритании Малкин. Участники совещания решили предложить Франции принять участие в учреждении МВТ.

Вопрос о наказании военных преступников был поднят и в ходе встречи Сталина с одним из ближайших соратников покойного президента Рузвельта Гарри Гопкинсом 28 мая. Последний сообщил, что его правительство отдало распоряжение об аресте всех служащих СС, гестапо, СД. Гопкинс также указал, что правительство США намеревается изучить вопрос о возможности привлечения к суду всех офицеров германского генштаба. Сталин заметил, что было бы хорошо это сделать, если бы оказалось возможным найти к этому юридические основания¹⁷.

СССР в целом положительно отнесся к предложениям, врученным В.М. Молотову 3 мая в Сан-Франциско. 7 июня нарком иностранных дел направил проект ответа американцам И.В. Сталину и, получив его согласие, поручил советскому послу в США А.А. Громыко передать их Госдепартаменту. В этом документе советское правительство выражало согласие на переговоры и на принятие американского проекта в качестве их основы¹⁸. Вносились и определенные коррективы: предлагалось исключить пункты, касающиеся суда над преступными организациями, такими как гестапо, СС, СД и др., предоставив право Контрольному Совету в Германии признать их преступными, распустить и запретить их деятельность; включить статьи о выдаче участниками Соглашения любого лица, подлежащего суду, Трибуналу и о поочередном председательстве членов Международного военного трибунала на заседаниях; предусмотреть, что Следственные комиссии (впоследствии Комитет обвинителей) будет использовать материалы национальных комиссий по расследованию злодеяний войны, а также вступление соглашения в силу со дня его подписания.

¹⁶ 8 мая 1945 г. советские эксперты составили записку в адрес Молотова, Вышинского и Деканозова, в которой отметили приемлемость основных предложений американской стороны и сообщили свои замечания. Главным из них они считали состав Трибунала из 4-х членов, поскольку 2 представителя англо-саксонских держав могли бы заблокировать любое решение. Им более импонировало неофициальное предложение французского эксперта Аглиона о создании Трибунала из 5 членов, путем включения в него чеха, югослава или поляка. Кроме того, советские эксперты выступали за то, чтобы предоставить Союзной Контрольной Комиссии (СКК) право судебного надзора за МВТ, отмены приговора и возвращения на новое расследование. (СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 637-639).

¹⁷ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 140-141.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 20. Д. 209. Л. 60-61; Дипломатический вестник. 1995. № 5. С. 74.

2 мая 1945 г. президент США Г. Трумэн назначил члена Верховного суда США Р. Джексона своим представителем на переговорах о создании МВТ. 11 июня правительство Великобритании уполномочило для участия в переговорах генерального прокурора Д. Максвелла-Файфа. 14 июня Р. Джексоны были вручены предложения Советского правительства относительно соглашения о создании Международного трибунала¹⁹.

23 июня А.Я. Вышинский сообщил А.К. Керру о согласии с предложением его правительства избрать Лондон в качестве места для переговоров и о назначении советскими представителями на них заместителя председателя Верховного суда СССР И.Т. Никитченко и профессора А.Н. Трайнина²⁰. Утром 23 июня они вылетели в Лондон. На следующий день А.Я. Вышинский направил советским делегатам подробные директивы относительно соглашения о наказании главных военных преступников. Наряду с теми коррективами, которые содержались в ответе на американские предложения, утвержденные Сталиным и переданные 9 июня Госдепартаменту, предлагалось в случае постановки вопроса о расширении состава трибунала добиваться включения в него представителей стран, принимавших активное участие в войне против фашистской Германии и наиболее пострадавших от фашистских злодеяний. Этими странами следовало признать Украинскую и Белорусскую ССР, по возможности также Литовскую, Латвийскую и Эстонскую союзные республики, Польшу, Югославию, Чехословакию и др. Предлагалось принять два отдельных документа – Соглашение и Положение (Статут) об МВТ. Советским делегатам предлагалось сообщать в Москву обо всех изменениях в проекте США и принимать решения только после согласования с Москвой²¹.

С 26 июня по 8 августа в Лондоне проходила конференция представителей СССР, США, Великобритании и Франции, выработавшая Соглашение и Устав МВТ.

¹⁹ Указав, что разделяет точку зрения США «о необходимости срочного образования международного трибунала» и готово «немедленно подписать соответствующее соглашение», взяв за основу американский проект, Советское правительство предложило поправки и дополнения, сформулированные в 17 пунктах. (Сokolov В.В. Дипломатическая подготовка к созданию Международного военного трибунала // Нюрнберг предупреждает: от нацизма до терроризма. Материалы международной конференции Нюрнбергский процесс – история и современность» 2-3 октября 2001 г., Москва. М., 2002. С. 106.

АВН РФ. Ф. 06. Оп. 7. Л. 24. Д. 278. Л. 3.

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 8. Д. 83. Л. 40-43; Дипломатический вестник. 195. № 5. С. 74-75.

В работах западных авторов нередко встречаются утверждения, что в основу Устава МВТ легли лишь идеи американских юристов. Среди них – теория заговора и ответственности за развязывание агрессии. Не отрицая роли американских юристов – Р. Джексона, возглавлявшего делегацию США на Лондонской конференции, М. Бернайса и У. Чэнлера, следует отметить и вклад российских ученых-криминалистов в разработку идей, легших в основу лондонских документов. Так, еще в феврале 1943 г. Н.Н. Полянский представил в ЧГК проект, предусматривавший предание гитлеровского руководства международному уголовному суду, наказание за посягательства на устой международного мира и раскрытие всех пружин заговора, приведшего к потрясению устоев цивилизации²².

Значительное влияние на подготовку Устава имели работы члена советской делегации на Лондонской конференции А.Н. Трайнина, и, прежде всего, изданная в 1944 г. книга «Об уголовной ответственности гитлеровцев». Ее очень высоко оценивали американские разработчики Устава МВТ. У. Чэнлер, в частности, писал, что СССР в течение последних 20 лет стоит во главе наций мира в их усилиях поставить войну вне закона, и приводил в качестве примера работы Трайнина²³.

Английский историк Э. Ротштейн сообщил автору данной статьи любопытный факт: «В 1917 году, когда я учился в Оксфорде стипендиатом, еще за полгода до призыва на военную службу, у меня сложились приятельские отношения с Д.М. Файфом. Он – консерватор, а я – социал-демократ. Мы оба вернулись в 1919 г. в университет и пошли каждый своей дорогой... Так вот, когда готовился процесс..., в июне 1945 г., он обратился ко мне с просьбой, не знаю ли я о каком-либо изложении на английском языке взглядов советских юристов-международников по вопросу о международных преступлениях, подсудности преступников или что-либо подобное. Как раз в это время я просматривал гранки моего перевода книги академика А.Н. Трайнина «Уголовная ответственность гитлеровцев», которую собиралось издать британское издательство «Хатчисон». Я послал ему гранки и получил от него письмо с горячим выражением благодарности: «Сам бог послал мне их в данных обстоятельствах». Он мне ранее объяснил, что у него и его коллег самое смутное представление, как поступить: американцы на них давят, а ведь у советских людей, которые пострадали во сто крат больше их, должны быть самые четкие мысли

²² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7021.

Оп. 116. Д. 337. Л. 32.

²³ *Smith B.F. The American Road to Nuremberg: the Documentary Record. 1944-1945. Stanford (Cal.), 1982. P. 33-37.*

на эту тему»²⁴. Именно Д. Максвелл-Файф являлся представителем Великобритании на переговорах в Лондоне, а затем заместителем главного обвинителя от Великобритании на Нюрнбергском процессе.

В течение шести недель представители четырех стран решали в Лондоне сложные проблемы, связанные с созданием МВТ. По инициативе советской делегации решили готовить два документа – собственно соглашение о создании МВТ и его Устав. Предложенный Никитченко 2 июля проект соглашения был взят за основу и вошел в окончательный текст. К 11 июля на основе американского и российского проектов Устава МВТ был составлен сводный текст. Спорные формулировки были взяты в скобки. Затем начался поиск взаимоприемлемых решений по еще не согласованным статьям. К 18 июля большинство из них были определены, но по ряду вопросов возникли серьезные трудности, едва не приведшие к срыву соглашения²⁵.

Нелегко было совместить две процессуальные системы права – континентальную, принятую в СССР и Франции, и англосаксонскую.

Острые дебаты разгорелись по вопросу о преступном характере агрессивной войны. Представитель Франции А. Гро не считал ее международным преступлением. Англичане же, соглашаясь с преступным характером агрессии в соответствии с нормами международного права, в то же время указывали, что за нее еще не предусмотрено уголовное наказание. Советские и американские делегаты доказывали, что отсутствие конкретных санкций ничего не меняет. Ведь за совершение остальных международных преступлений, таких как нарушение законов и обычаев войны, также установлены определенные санкции. Тем не менее, Женевская конвенция 1929 г. предусматривала в принципе их уголовную наказуемость.

Наибольшие сложности возникли при разработке определения понятия «международное преступление» (статья 6 Устава МВТ). 25 июля заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский представил В.М. Молотову записку, в которой подводились промежуточные итоги лондонских переговоров и указывалось, что для СССР неприемлемы два пункта статьи 6:

«а) вторжение или угроза вторжения, или выступления в качестве зачинщика войны в других странах в нарушение договоров, соглашений или заверений между странами, или в нарушение ме-

²⁴ Письмо Э. Ротштейна к Н.С. Лебедевой. Архив автора.

²⁵ См. подробнее: *Лебедева Н.С. Указ соч. С. 82-140.*

ждународного права каким-либо другим путем».

«б) участие в общем плане или мероприятии, направленном к установлению господства над другими нациями. Этот план или мероприятие включало, или предполагало, или в достаточной мере было рассчитано на то, чтобы повлечь за собой использование незаконных средств для проведения его в жизнь»²⁶.

Молотов, в свою очередь, информировал Сталина о проходящих переговорах и, приведя пункты, о которых писал ему Вышинский, уточнил: «Мы считаем, что эти крайне неопределенные формулировки дают возможность признать международным преступлением и военные мероприятия, проводимые в качестве обороны против агрессии. Как известно, в ходе последней войны наши и англо-американские войска вторглись в Германию, что, однако, ни с какой точки зрения нельзя рассматривать как международное преступление. Мы считали бы возможным принять указанные пункты лишь при условии, если бы в них было включено ясное указание на то, что речь идет о фашистской агрессии. Нашим представителям в Лондоне даны указания решительно возражать против указанных двух пунктов. Однако англичане и американцы настойчиво добиваются их сохранения, французы их в этом поддерживают»²⁷.

Глава американской делегации Р. Джексон упорно настаивал на том, что определение преступных действий не должно зависеть от того, кто их совершил. Он даже выехал 26 июля в Потсдам и поставил перед государственным секретарем США Дж. Бирнсом вопрос о создании МВТ без участия СССР. Однако, американское руководство не пошло на это. Ход Лондонской конференции обсуждался в Потсдаме «большой тройкой», которая в своем решении выразила надежду на скорое соглашение и назвала делом огромной важности скорейшее начало суда над гитлеровскими главарями. По инициативе главы советского правительства в решении Потсдамской конференции было отмечено, что список обвиняемых будет опубликован до 1 сентября 1945 г.²⁸

²⁶ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 182-183.

²⁷ АВПРФ. Ф. 07. Оп. 13. П. 41. Д. 3. Л. 121-123.

²⁸ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании 17 июля – 2 августа 1945 г. Сб. документов. М., 1980. С. 492. В проекте, представленном В.М. Молотовым на заседании министров иностранных дел трех держав, предлагалось назвать в качестве примера имена таких главных нацистских преступников, как Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, Кейтель, Лей, Дениц, Кальтенбруннер, Фрик, Штрейхер, Крупп. Характерно, что из первоначального проекта Молотов вычеркнул имена Папена, Франка и Шахта и вставил

2 августа участникам Лондонской встречи удалось найти взаимоприемлемую формулу ст. 6 Устава, разбив ее на две фразы. В первой указывалось, что МВТ вправе судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран «оси», совершили следующие действия. Во второй – определялись, какие же действия являются преступными и влекут за собой индивидуальную ответственность. На последнем заседании удалось разрешить и вопрос о месте проведения процесса – им стал Нюрнберг; постоянным же местом пребывания МВТ – Берлин.

8 августа в торжественной обстановке произошло подписание Соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции. 19 правительств Объединенных Наций одобрили Устав и присоединились к Соглашению.

29 августа был опубликован первый список главных военных преступников, в который вошли имена 24 ведущих нацистских деятелей, промышленников, военных, дипломатов, идеологов, несших главную ответственность за все преступления германских фашистов. Некоторые сомнения возникли относительно М. Бормана, который не находился в руках союзников. Однако было решено оставить его в списке, поскольку не было полной уверенности, что он погиб. Советская сторона предложила включить в первый список находящихся под стражей в СССР заместителя Геббельса по пропаганде Ганса Фриче; командующего германским флотом Эриха Редера; фельдмаршала Фердинанда Шернера; представителя германского военно-морского флота в ставке Гитлера Ганса-Эриха Фосса; обергруппенфюрера СС Адольфа Беккерле; начальника особого штаба при ставке Гитлера Рейнера Штангеля²⁹. Вошли в список лишь Фриче и Редер.

5 сентября Советское правительство и Политбюро ЦК ВКП(б) приняли решения о подготовке Нюрнбергского процесса³⁰. На-

Деница (АВП РФ. Ф.0639. Оп. 3. П. 12. Д. 12. Л. 1-5.). Поскольку англичане и американцы категорически возражали против упоминания конкретных лиц, И.В. Сталин предложил включить в английский проект, взятый за основу, положение о том, что первый список обвиняемых будет опубликован до 1 сентября.

²⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 20. Д. 210. Л. 1-3.

³⁰ Первым распоряжением Совнаркома от 22 августа 1945 г. за № 12554/р штат советского представителя в МВТ составлял всего 9 человек, что естественно, было недостаточным в условиях ведения процесса на 4-х языках. Только для организации синхронного перевода требовались от каждой стороны 6 квалифицированных переводчиков, 6 стенографистов и т.д. 12 сентября Никитченко обратился к Вышинскому с просьбой увеличить штат на 25 человек. Соответствующее распоряжение СНК за № 14812/р было принято 10 октября 1945 г. (АВП РФ. Ф. 07. Оп. 13. П. 41. Д. 4. Л. 4,

правляя Сталину проект постановления ЦК ВКП(б), Молотов писал, что первый процесс должен начаться в Нюрнберге в конце октября, а к середине сентября следует представить обвинительные материалы в отношении 24 обвиняемых³¹. Решениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) в качестве члена МВТ от Советского Союза назначался И.Т. Никитченко³², главным обвинителем от СССР – прокурор Украины Р.А. Руденко. Создавалась и специальная правительственная «Комиссия по руководству подготовкой обвинительных материалов и работой советских представителей в Международном военном трибунале в Нюрнберге» во главе с А.Я. Вышинским. Ее членами стали прокурор СССР К.П. Горшенин, председатель Верховного суда СССР И.Т. Голяков, нарком госбезопасности В.Н. Меркулов, его заместитель Б.З. Кобулов³³. 6 сентября в нее был включен и глава армейской контрразведки «Смерш» В.С. Абакумов, 3 ноября – нарком юстиции Н.М. Рычков. Документы этой комиссии направлялись Сталину, Молотову, другим членам Политбюро. Вышинский и члены его Комиссии готовили директивы для советской делегации в Нюрнберге, подбирали обвинителей, переводчиков, связистов, шифровальщиков и др. работников для отправки в Нюрнберг. Причем каждый из подлежащих отправке в Нюрнберг проходил проверку через аппарат Наркомата госбезопасности (НКГБ), после чего его кандидатура передавалась Комиссии по выездам за рубеж во главе с секретарем ЦК ВКП(б) Г.М. Маленковым.

20 октября, 15, 24 и 30 ноября Политбюро ЦК ВКП(б) принимало решения о направлении на процесс журналистов, писателей, кинооператоров и др. представителей средств массовой информации, освещавших впоследствии ход Суда народов³⁴. Активно уча-

4 об., 14). Как выяснилось впоследствии, и это количество сотрудников оказалось недостаточным.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1463. Л. 104-105.

³² Заместителем члена Трибунала от СССР был назначен Александр Федорович Волчков. Член Трибунала от США Фрэнсис Биддл и его заместитель Джон Паркер были назначены Г. Трумэнном 12 сентября, член МВТ от Великобритании Джеффри Лоуренс и его заместитель Норман Биркетт – английским правительством 28 сентября, Временное правительство Франции – соответственно профессора Донедье Де Вабра и Робера Фалько.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1053. Л. 52.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1054. Л. 15, 28-29. 6 ноября А.А. Соболев передал, что в сентябре по указанию Вышинского они просили Американскую информационную службу предоставить советским журналистам 25 мест в зале суда, но в конце ноября выяснилось, что их потребуется в 2 раза больше. Американцы согласились увеличить квоту на 10 человек в зале суда и предоставить помещения и питание для 60 человек, которые

ствовало в подготовке процесса и Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), руководившее подбором журналистов, подготовкой документальных фильмов о нацистских злодеяниях, о разрушении городов, уничтожении памятников культуры и др. для показа их в Нюрнберге.

6 октября А.Я. Вышинский поручил Советской военной администрации в Германии (СВАГ) оказывать всяческое содействие и помощь аппарату главного обвинителя СССР, направлять в Нюрнберг переводчиков, технический персонал. Туда же должны были выехать в качестве советников по политическим вопросам В.С. Семенов, по юридическим – Б.С. Маньковский. Предлагалось принять меры для установления прямой телефонной связи с Москвой, а также договориться с американцами об оказании помощи в устройстве, размещении и снабжении в Нюрнберге советской части МВТ и советского Главного обвинителя – всего около 100 человек³⁵.

В НКВД работа по связи с советской частью МВТ и обвинителями, по своевременному обеспечению их необходимыми директивами была возложена на помощника заведующего 3-м Европейским отделом И.М. Лаврова³⁶.

Все советские спецслужбы, а также ЧГК, НКВД и др. принимали самое активное участие в сборе доказательств обвинения, подборе свидетелей и т.д. Кроме того, в Нюрнберг была направлена большая группа работников госбезопасности и «Смерша». Среди них: полковник М.Т. Лихачев, расстрелянный вместе с В.С. Абакумовым в 1954 г. за фабрикацию дел с применением пыток; капитан П.И. Гришаев, руководивший впоследствии бригадой по делу Еврейского антифашистского комитета; Б.А. Соловов и др. Они следили за каждым шагом советских представителей, внося нервозность в их работу. На заседании Комиссии 16 ноября Б.З. Кобулов, в частности, заявил: «Наши люди, которые сейчас находятся в Нюрнберге, сообщают нам о поведении обвиняемых при допросах. В их ответах часто слышатся антисоветские выпады, а наш следователь товарищ Александров слабо парирует их»³⁷. Последний был вынужден оправдываться, указывая, что выпадов никаких не было, а на допросах всегда присутствовал заместитель Руденко Ю.В. Покровский. Г.Н. Александров просил пресечь различного

могли бы меняться во Дворце юстиции. По сведениям Соболева, места в зале распределялись так: 75 мест американцам, 50 англичанам, 40 французам и 35 – советским журналистам. Предлагалось настаивать на предоставлении СССР 50 мест. (АВП РФ. Ф. 082. Оп. 32. П. 178. Д. 1. Л. 100-101).

³⁵ СССР и германский вопрос. М., 1999. Т. 2. С. 258-259.

³⁶ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 32. П. 178. Д. 1. Л. 98.

³⁷ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 55-56.

года кривотолки, «так как все это создает нервную обстановку и мешает дальнейшей работе»³⁸.

По предложению британского генерального прокурора Х. Шо-кросса, назначенного 13 августа главным обвинителем от Великобритании, основная работа Комитета обвинителей на первых порах сосредоточилась в Лондоне. До 14 сентября, то есть приезда Р.А. Руденко в Лондон, в ней принимал активное участие И.Т. Никитченко. Первые проекты Обвинительного заключения и Регламента, составленные англичанами еще в середине июля, были признаны в Москве неудовлетворительными³⁹. Возражение вызвало, в частности, положение о том, что главные обвинители будут действовать не коллегиально, как члены Комитета обвинителей, а «как каждый из них сочтет нужным». Через месяц английская делегация представила переработанный проект Регламента; в начале сентября проекты правил процедуры были предложены французами и американцами. Существенные коррективы в них были внесены советскими представителями, что позволило к началу октября завершить работу над Регламентом⁴⁰. Проекты и Регламента, и Обвинительного заключения направлялись в Москву, где они обсуждались и в НКВД, и в ЧГК, и в других ведомствах.

В начале октября обвинители четырех стран завершили работу по составлению Обвинительного заключения⁴¹. Текст на англий-

³⁸ Там же. Л. 60.

³⁹ Там же. Д. 404. Л. 51-52, 62-68, 85.

⁴⁰ Там же. Л. 49-50, 66-68; Д. 1. Л. 87-95.

⁴¹ Подробнее о работе над подготовкой Обвинительного заключения см.: *Лебедева Н.С.* Указ соч. С. 149-156. Принципиальный характер приобрело раскрытие понятия «восточные страны». Представители СССР предложили и затем решительно настаивали на следующей формулировке: «в СССР, т.е. в Белорусской, Украинской, Эстонской, Латвийской, Литовской, Карело-Финской и Молдавской Советских Социалистических Республиках и в 19 областях Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, а также в Польше, Чехословакии, Югославии, Греции и в Балканских странах, ниже называемых «Восточными странами»». В связи с тем, что правительства США и Великобритании не признали вхождение стран Балтии в СССР, Р. Джексон направил главным обвинителям от СССР, Великобритании и Франции следующее послание: «Милостивые государи. В Обвинительном акте против германских военных преступников, подписанном сегодня, Эстония, Латвия и Литва и ряд других территорий представлены как территории, относящиеся к СССР. Такая формулировка была предложена Советской делегацией и была принята во избежание задержки, которая могла иметь место в случае переделки текста. Обвинительный акт был подписан соответственно следующему пониманию и при следующих условиях: я не уполномочен разрешать во-

ском языке был одобрен Комитетом обвинителей 6 октября. Его было решено разослать правительствам стран-участниц Лондонского соглашения. 12 октября Руденко сообщил в Москву, что через три дня Обвинительное заключение должно вручаться Трибуналу. Вышинский в ответ телеграфировал: «Г. Руденко. Обвинительный акт должен быть утвержден инстанцией. Постараюсь, чтобы Вы имели наши поправки и окончательный ответ в воскресенье, 14 октября. Однако, Вы должны иметь в виду, что утверждение акта может запоздать. Поэтому Вы не должны связывать себя обязательным вручением в понедельник утром. У нас имеется ряд поправок, часть поправок передаю следом за этой запиской»⁴².

16 октября В.М. Молотов, Л.П. Берия, Г.М. Маленков и А.И. Микоян направили И.В. Сталину в Сочи проект соответствующих указаний Р.А. Руденко. При этом отмечалось, что главной является четвертая поправка к Обвинительному заключению⁴³. Но именно ее Сталин отверг. В то же время он счел, что коррективы, без учета которых нельзя подписывать документ, следует внести в пункт 6-й первого раздела Обвинительного заключения. Он касался нападения Германии на СССР, заключения пакта о ненападении между СССР и Германией и содержал, по мнению авторов поправок, политическое толкование событий 23 августа 1939 г. Предлагался новый текст этого пункта, который и вошел в окончательный

прос признания или не признания со стороны США прав Советского Союза на суверенитет над этими территориями. Поэтому подписание Обвинительного акта с вышеуказанной формулировкой в этой части не является ни признанием, ни отрицанием со стороны США или со стороны подписавшихся прав Советского Союза на суверенитет над этими территориями». (РГАСПИ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 8. Л. 134).

⁴² АВП РФ. Ф. 07. Оп. 13. П. 41. Л. 24-24об.

⁴³ В ней вместо слов: «Заговорщики запретили все политические партии, за исключением нацистской партии. Они сделали нацистскую партию правящей организацией с обширными чрезвычайными привилегиями» предлагалось дать новую формулировку: «Заговорщики запретили все политические партии и все профессиональные союзы. Они сделали исключение только для нацистской (гитлеровской) партии, превратив ее в правящую организацию с обширными чрезвычайными привилегиями, не ограниченными ни конституцией, ни законами». Указывалось, что эту поправку следует мотивировать необходимостью указать на характер нацистского государства и нацистской партии, которые несовместимы с принципами демократизма и законности. На этой поправке следовало настаивать и в случае несогласия других обвинителей добиться, как минимум, исключения указанных двух фраз. «Без такой поправки Вы не должны подписывать Обвинительное заключение», — указывалось в проекте «кремлевской четверки».

Его
дон-
че-
бу-
ни-
сь,
ре-
эр-
ть
ся
?
и
г-
й
)

текст⁴⁴.

18 октября Обвинительное заключение было вручено Международному военному трибуналу, каждому подсудимому и опубликовано одновременно в Лондоне, Москве, Вашингтоне и Париже.

К началу октября главные обвинители согласовали между собой распределение ответственности за четыре раздела Обвинительного заключения. Американцы отвечали за представление доказательств по общему плану или заговору, англичане – по преступлениям против мира, французы – по военным преступлениям и преступлениям против человечности, совершенным в западных странах, советские обвинители – по аналогичным преступлениям в оккупированных восточных территориях. Однако в Москве такое разделение обязанностей было признано неудачным. Вышинский 1 ноября предписал Руденко договориться с его западными коллегами об оставлении за ним и обвинений по преступлениям против мира⁴⁵.

Аппарат советского обвинения был построен по следующему принципу: главный обвинитель (Р.А. Руденко), его заместитель (Ю.В. Покровский), помощники (М.Ю. Рагинский, Л.Н. Смирнов, Л.Р. Шейнин, с середины декабря Н.Д. Зоря), документальная часть (начальник Д.С. Карев), следственная часть (начальник Г.Н. Александров, его помощники С.Я. Розенблит, Н.А. Орлов, С.К. Пирадов), (с февраля 1946 г. также и судебная часть), консультанты (А.Н. Трайнин, Б.С. Маньковский и др.), секретариат (В.Я. Коломацкий, с декабря – А.И. Полтораки), вспомогательные службы (бюро переводов, пресс-бюро, административно-хозяйственная служба и служба связи).

Обвинители от СССР проделали огромную работу по выявлению и систематизации доказательств⁴⁶, проведению допросов подсудимых и свидетелей, представлению заключений по ходатайствам подсудимых и их защитников. Советские следователи тщательно готовились к проведению допросов, изучая сотни документов, составляя биографические справки и вопросники. Допросы стенографировались на русском и немецком языках, подписывались допрашиваемыми. В Москве были приняты меры к розыску свидетелей. 12 ноября ответственный секретарь ЧГК П.И. Богоя

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 20. Д. 208. Л. 27-31.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 13. П. 41. Д. 8. Л. 46.

⁴⁶ К моменту подписания Обвинительного заключения советские обвинители располагали 70 документами, ко времени предъявления доказательств советской стороной – 443. В их число входили также документы полученные от американских и английских обвинителей, от правительств Польши, Чехословакии, Югославии. (ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 404. Л. 7-10;

ленский направил А.Я. Вышинскому список 59 свидетелей.

Однако чтобы не затягивать процесс, главные обвинители договорились, что число свидетелей будет сведено к минимуму. В то же время по настоянию Руденко было решено не строить процесс исключительно на письменных доказательствах. Показания таких свидетелей, как И.А. Орбели о разрушениях в Ленинграде, протоирея Н.И. Ломакина о зверствах в Ленинградской области, С. Ройзмана и С. Шмаглевской о чудовищных злодеяниях в концлагерях Треблинка и Освенцим, Ф. Паулюса о подготовке к нападению на СССР и др. произвели огромное впечатление. Всего обвинение вызвало 33 свидетеля, защита — 61.

Огромный объем работы выпал на долю переводчиков. Они переводили документы, предъявляемые советскими обвинителями в качестве доказательств, на немецкий, английский и французский языки, те материалы, которые представляли Трибуналу их коллеги, на русский, помогали советским делегатам общаться с участниками судебного разбирательства. После начала процесса им предстояло впервые в истории участвовать в синхронном переводе, требовавшем наивысшего профессионализма.

Советская сторона благожелательно отнеслась к предложению правительств Польши, Чехословакии и Югославии назначить по одному обвинителю от своих стран, которые бы выступали на процессе. Этот вопрос ставился Вышинским в беседах с британским послом А.К. Керром, Руденко — на заседаниях Комитета обвинителей⁴⁷. Однако его коллеги от США и Великобритании встретили это предложение в штыки. Д. Максвелл-Файф заявил, что он консультировался со своим правительством, которое категорически возражает против участия поляков, чехов или югославов в качестве обвинителей и даже в роли работников аппарата⁴⁸. В результате они присутствовали на Нюрнбергском процессе лишь в роли наблюдателей. Польша, Чехословакия и Югославия передали Советскому обвинителю большое число документов о преступлениях нацистов на их территории.

Главные обвинители от США и Франции предлагали перенести на 2 недели открытие процесса с тем, чтобы можно было заменить

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 32. П. 178. Д. 1. Л. 172-177. 6 декабря Вышинский передал Керру меморандум. В нем, в частности, указывалось, что Советское правительство полагает, что «следует пойти навстречу пожеланиям правительств Польши, Чехословакии и Югославии и других заинтересованных стран, разрешив их представителям выступить на Нюрнбергском процессе». В ходе беседы Керр поинтересовался, дружно ли работают обвинители. Вышинский ответил утвердительно.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 28-29.

разбитого параличом Густава Круппа его сыном Альфредом Круппом. Однако это предложение не было удовлетворено Трибуналом⁴⁹.

Членам московской Комиссии по Нюрнбергскому процессу идея переноса процесса представилась заманчивой. Сталинское руководство, посчитав, что советское обвинение еще недостаточно хорошо подготовилось к процессу, в свою очередь, решило добиться его отсрочки на несколько недель. 16 ноября в ходе заседания правительственной Комиссии Вышинский заявил: «До сих пор у Руденко нет плана проведения процесса. Руденко не готов к проведению процесса. Вступительную речь, которую мы с вами выработали, я послал в ЦК... Сейчас мы стараемся отложить дело недели на две-три. Надо изучить материалы, надо выиграть время, подготовиться. К началу процесса нужно поехать кому-нибудь из Комиссии в качестве наблюдателя»⁵⁰.

Главный обвинитель от СССР был вызван в Москву и вынужден был сказаться больным⁵¹. 19 ноября Вышинский направил По-

⁴⁹ АВПРФ. Ф. 082. Оп. 32. П. 178. Д. 1. Л. 141; ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 404. Л. 24.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 404. Л. 55-56.

⁵¹ 16 ноября Ю.В. Покровский телеграфировал в Москву Р.А. Руденко: «На вопрос обвинителей о дате Вашего приезда я высказал предположение о Вашем заболевании, поскольку еще до отъезда отсюда у Вас наблюдались признаки малярии... Прошу сообщить, позволит ли состояние Вашего здоровья быть в Нюрнберге двадцатого или врачи потребуют задержаться в Москве на несколько дней» (ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 404. Л. 32-34). 17 ноября Покровский направил Комитету обвинителей следующую записку: «Мною только что получено сообщение о том, что мое предположение, высказанное вчера во время заседания о болезни главного обвинителя от Союза ССР генерал-лейтенанта Руденко, к сожалению, оказалось правильным. Состояние здоровья генерала не является столь неудовлетворительным, чтобы вызвать основание для замены его кем-либо другим в предстоящем процессе, но вместе с тем врачи считают невозможным его прибытие в Нюрнберг раньше, чем через полторы-две недели. ... Ни один из его помощников не уполномочен представлять СССР в качестве Главного обвинителя в процессе. В связи с этим прошу Комитет обвинителей доложить Трибуналу о невозможности начать процесс 20 ноября 1945 г. по мотиву этого совершенно непредвиденного обстоятельства и о необходимости отложить его до выздоровления Главного обвинителя от СССР». (Там же. Д. 6. Л. 225). Однако Джексон заявил, что американский народ и американское правительство будут крайне отрицательно реагировать на отложение процесса по такому поводу. «Любое отложение процесса будет рассматриваться как неумение справиться с процессом со стороны обвинителей и суда», — указал он. Англичанин же сказал, что он согласен молчать на заседании МВТ, если Советский Союз возьмет вину за отсрочку процесса на себя. Лишь француз заявил, что, если советский

кровскому по ВЧ следующее указание: «Если на заседание обвинителей будет складываться мнение большинства о неотложении процесса, то Вы должны заявить, что Вами не получено полномочий участвовать в процессе в случае, если процесс начнется без главного обвинителя от СССР, и что Вы вынуждены будете довести до сведения Советского правительства об отклонении предложения Советского обвинения и создавшегося в силу этого положения... Наше предложение содержит в себе угрозу отказа от участия в процессе, но еще не является отказом. Таким образом, наше предложение является способом давления на других обвинителей для достижения цели. Этим должен руководствоваться тов. Никитченко на заседании Трибунала при обсуждении этого вопроса»⁵².

Однако данный полуультиматум не подействовал: Покровскому объяснили, что Руденко будет выступать только через 3-4 недели. В последний момент Москва согласилась на участие советских обвинителей в открытии процесса, хотя и без Руденко. 19 ноября Вышинский сообщил об этом послам США и Великобритании в Москве; Покровский – своим коллегам в Нюрнберге. В тот же день Вышинский писал Молотову, Маленкову, Берия и Микояну: «Заявление советских представителей в Международном военном трибунале (т.т. Покровского и Никитченко) о нашем согласии начать процесс 20 ноября было принято всеми представителями союзных стран с большим удовлетворением. На заседании Трибунала решено, что до приезда Руденко никаких заявлений или выступлений защиты и обвиняемых Трибунал допускать не будет. После оглашения Обвинительного заключения обвиняемым будет поставлен лишь один вопрос, признают ли они себя виновными. На этот вопрос от них потребуют ответа лишь одним словом: или «нет»»⁵³.

20 ноября Международный военный трибунал в торжестве

~~«...»~~

Учтя негативный опыт руководства советскими представителями из Москвы, Политбюро ЦК ВКП(б) 21 ноября решило создать еще одну Комиссию, теперь уже в Нюрнберге под председательством Вышинского. Его заместителем был прокурор СССР К.П. Горшенин, который в отсутствие Вышинского фактически руководил ее работой и почти ежедневно направлял в НКВД и Сталину в Сочи телеграммы с подробным изложением хода про-

представитель не будет участвовать на процессе с самого начала, то делегация его страны также не сможет принять участие на открытии процесса. (АВП РФ. Ф. 07. Оп. 13. П. 41. Д. 8. Л. 75-76).

⁵² ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 59.

⁵³ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 13. П. 41. Л. 57.

есса. Членами Комиссии стали профессора А.Н. Трайнин, Б.С. Маньковский, член-корреспондент АН СССР М.С. Строгович, Д.Ф. Кузьмин. Политбюро вменяло в обязанности членам Комиссии «обеспечить всю необходимую помощь и содействие т.т. Никитченко и Руденко в их работе во время судебного процесса», а также «своевременно информировать Советское правительство о ходе судебного процесса», представлять на предварительное рассмотрение предложения, требующие указания «инстанции»⁵⁴.

В тот же день, 21 ноября, было принято еще одно секретное решение Политбюро. Оно предусматривало проведение в декабре – январе серии судебных процессов над нацистскими преступниками в Ленинграде, Смоленске, Великих Луках, Риге и др.⁵⁵ К подсудимым должен был применяться Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., предусматривавший смертную казнь через повешение. Приговоры этих судов сталинское руководство намеревалось предъявить МВТ как бесспорное доказательство в соответствии со ст. 21 Устава.

Комиссия, заседавшая в Нюрнберге, рассматривала вопросы о вызове свидетелей, подбору письменных доказательств, решала организационные вопросы. Руденко было поручено договориться с Джексоном о том, чтобы документы, касающиеся СССР, не оглашались американскими обвинителями, а были предоставлены для использования в процессе главным обвинителем от СССР. Однако добиться этого не удалось⁵⁶.

Руководство Комиссии требовало от Никитченко и Руденко просматривать в предварительном порядке все поступающие от других делегаций для предъявления суду документы и настаивать на том, чтобы они утверждались на Комитете обвинителей. «По каждому документу тт. Руденко и Никитченко обязаны давать заключение о его приемлемости или неприемлемости с точки зрения интересов СССР, в случае надобности не допускать передачи и оглашения на суде нежелательных документов», – говорилось в решении Комиссии от 26 ноября, проходившем под председательством прибывшего в Нюрнберг А.Я. Вышинского⁵⁷.

Особое внимание и московская, и нюрнбергская комиссии уделяли подготовке вступительной речи Р.А. Руденко, которая должна была произноситься 8 февраля 1946 г.⁵⁸ Но и новый вариант вы-

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 160.

⁵⁵ Там же. С. 160-161.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 11-13, 31-35, 39-42.

⁵⁷ Там же. Л. 45-46.

⁵⁸ 26 ноября на заседании Комиссии в Нюрнберге, проходившем под председательством Вышинского, было решено существенно переработать речь

звал серьезные нарекания со стороны сталинского руководства. Сочли, что в ней приводилось мало доказательств заблаговременной подготовки Германии к нападению на СССР. В связи с этим 6 января 1946 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании еще одной комиссии в составе А.А. Жданова, В.Н. Меркулова, К.П. Горшенина, И.Т. Голякова, В.С. Абакумова⁵⁹. Перед ней ставилась задача «раздобыть» через военнопленных румын и венгров доказательства заключения соглашений между их странами и Третьим рейхом относительно нападения на СССР задолго до июня 1941 г., а также уточнить показания немецкого генерала Э. Бушенгагена об аналогичных германо-финляндских договоренностях.

Вскоре в ЦК ВКП(б) был направлен существенно переработанный текст вступительной речи Руденко, который в дальнейшем почти не изменялся. К февралю 1946 г. были подготовлены к представлению советскими обвинителям Трибуналу более 500 доказательств. Среди них – подлинные германские документы, приговоры военных судов, более 60 сообщений ЧГК, правительственных комиссий Польши, Чехословакии, Югославии, кино- фотоматериалы, вещественные доказательства. Обвинители от СССР использовали в своих выступлениях и документы, имевшиеся в распоряжении американских и других делегаций. Упор они делали на преступления против человечества, совершенных на оккупированных территориях восточноевропейских стран, а также на подготовку и осуществление нападения на СССР.

После вступительной речи Р. Руденко советские обвинители представили доказательства гитлеровской агрессии против Советского Союза (Н.Д. Зоря); преступного обращения с военнопленными (Ю.В. Покровский); преступлений против мирного населения (Л.Н. Смирнов); разграбления государственной, общественной и частной собственности (Л.Р. Шейнин); разрушения и разграбления культурных ценностей, уничтожения городов и сел (М.Ю. Рагинский); угона населения в фашистское рабство (Н.Д. Зоря); преступления против человечности (Л.Н. Смирнов)⁶⁰.

Руденко, которая была рассчитана на 2 часа, тогда как главные обвинители от других стран намеревались выступать в течение 4–8 часов. Подбор материалов и дополнение текста речи были поручены Маньковскому, Трайнину (раздел «Идеология»), Кузьмину, Грибанову и Шейнину (раздел «Агрессия против Чехословакии, Польши и Югославии»), Вышинскому, Горшенину и Руденко («Агрессия против СССР»), Кареву и Рагинскому («Военные преступления и преступления против человечности»). (ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 43-44).

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 38. Л. 1-2.

⁶⁰ См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. Т. 1-6. М.,

В ходе непосредственной подготовки и проведения процесса удалось наладить плодотворное сотрудничество представителей четырех держав – судей и обвинителей, разных по своему мировоззрению и воспитанию, представлявших полярно противоположные системы права. Этот успех объяснялся тем, что они решали общедемократические задачи борьбы с фашизмом и агрессией, борьбы за принципы гуманности в отношении между людьми, между народами и расами.

И обвинители от западных стран, и советские юристы проявляли заинтересованность в том, чтобы не допустить обсуждения на процессе вопросов, нежелательных с точки зрения стран-организаторов процесса. 9 ноября, еще до начала процесса, Комитет обвинителей по инициативе Р. Джексона принял решение не допускать политических выпадов со стороны подсудимых и защиты в адрес стран-учредителей МВТ, а также составить перечень вопросов, которые не должны были обсуждаться на процессе⁶¹. 19 ноября Ю.В. Покровский радировал в Москву: «...Обвинители хотят энергично избегать скользких вопросов и не давать возможности подсудимым заниматься дискуссиями и вовлекать суд в дискуссии. В этой связи признали желательным до начала суда обменяться списком вопросов, которые не должны обсуждаться на суде, чтобы иметь возможность во время процесса отводить их немедленно... Розенберг потребовал вызвать свидетеля, чтобы доказать, что в Прибалтике при Советской власти также были высылки, переселения и прочее. Комитет обвинителей отвел эту попытку, заявив, что не дело суда заниматься обсуждением политики других государств»⁶².

Сообщение вызвало интерес в Москве. Под руководством приехавшего в Нюрнберг Вышинского вскоре был составлен перечень вопросов, не подлежащих обсуждению. Он был рассмотрен на заседании Комиссии и одобрен ею. Руденко должен был договориться с другими обвинителями «не касаться ряда вопросов, чтобы СССР, США, Англия, Франция и другие Объединенные Нации не стали предметом критики со стороны подсудимых»⁶³. Однако в то время список Комитету обвинителей передан не был.

Англичане же 1 декабря представили на рассмотрение своих коллег список вопросов, начинавшихся с англо-бурской войны и кончавшихся периодом Второй мировой войны⁶⁴.

1987-1999.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 404. Л. 72.

⁶² Там же. Д. 391. Л. 57-58

⁶³ Там же. Л. 43-47.

⁶⁴ Там же. Л. 12-17.

3 декабря Р. Джексон вновь предложил главным обвинителям занять единую позицию относительно вопросов, обсуждение которых следовало пресекать. Он подчеркнул, что важно иметь меморандумы всех главных обвинителей, чтобы затем сделать общее представление Трибуналу, организовав с ним неофициальную встречу.

Два дня спустя в Нюрнберге прошло очередное заседание Комиссии, поручившей Руденко, Никитченко и Л.Ф. Кузьмину составить проект меморандума о вопросах, подлежащих устранению⁶⁵. Он был подготовлен, но так и не передан в Комитет обвинителей⁶⁶. Вероятно, длительная утряска вопросов, отъезд Вышинского в Нью-Йорк на Генеральную Ассамблею ООН, острый конфликт между Молотовым и Сталиным не позволили решить этот вопрос оперативно. Резолюция Вышинского на одном из перечней вопросов, не подлежавших обсуждению на процессе, гласила: «Т. Горшенину. Если этот вопрос еще не отпал, то просил бы Вас закончить его, представив на утв[ерждение] В.М.[Молотову], которому я этот вопрос докладывал в предварительном порядке. А. Выш[инский]. 20. 1». Впрочем до марта, пока шла обвинительная стадия процесса, в этом перечне не было острой потребности.

Однако первые же ходатайства защитников показали, что они намерены сорвать процесс выдвиганием встречных обвинений против правительств стран-учредителей МВТ, и в первую очередь против СССР.

8 марта 1946 г. Джексон вновь обратился к Руденко и Ф. де Ментону, напомнив им о решении от 9 ноября. «У меня есть основания полагать, — писал он, — что защита собирается нападать на советскую политику, называя ее агрессивной в отношении Финляндии, Польши, Балкан и государств Прибалтики, на политику Франции на Западе и на обращение с военнопленными, также как, очевидно, будет сделан ряд выпадов, на которые указывает сэръ Дэвид (т.е. Д. Максвелл-Файф — Н.Л.) в своем меморандуме»⁶⁷. Указывалось, что по ряду вопросов потребуются предварительное согласование с Госдепартаментом и военными властями, без чего американские обвинители не смогут поддержать своих коллег от СССР и Франции.

11 марта Руденко в ответном письме Р. Джексону указал, что разделяет его точку зрения о том, что Комитету обвинителей в соответствии со статьей 18 Устава МВТ следует «солидарно принимать меры к решительному устранению всяких попыток со сторо-

⁶⁵ Там же. Л. 28-30.

⁶⁶ Там же. Д. 8. Л. 47-48.

⁶⁷ Там же. Д. 404. Л. 72-73.

обвиняемых и их защитников использовать настоящий судебный процесс для рассмотрения вопросов, не имеющих прямого отношения к делу». В приложении приводился перечень вопросов, которые должны были устраняться из обсуждения, а именно: 1. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР; 2. Внешняя политика Советского Союза: а) советско-германский пакт о ненападении 1939 года и вопросы, имеющие к нему отношения (торговый договор, установление границ, переговоры и т.д.); б) посещение Риббентропом Москвы и переговоры в ноябре 1940 года в Берлине; в) Балканский вопрос; г) советско-польские отношения. 3. Советские Прибалтийские республики»⁶⁸.

Показательно, что ни одна из делегаций не воспользовалась возникавшими на процессе время от времени щекотливыми ситуациями, чтобы представить политику правительств союзных стран в неблагоприятном свете. Так было при обсуждении аншлюса Австрии, мюнхенских маневров, так было и в моменты, когда всплывал вопрос о советско-германских отношениях 1939–1941 гг.⁶⁹ Лишь при обсуждении катынского преступления обвинители от западных стран не сочли для себя возможным поддержать советский демарш и воспрепятствовать вызову свидетелей защиты по этому вопросу⁷⁰. В то же время они поддержали Руденко в том, чтобы суд согласился заслушать и свидетелей обвинения по данному делу.

Чтобы сократить время процесса, главные обвинители договорились о том, что допрос того или иного обвиняемого и свидетеля будет проводить одна из делегаций. В то же время было согласовано с Трибуналом, что если в ходе допроса затрагиваются интересы какой-либо из четырех стран, обвинитель этой страны также может принять участие в перекрестном допросе⁷¹.

Не ослабевало внимание Кремля к Нюрнбергскому процессу и на его заключительной стадии. Все выступления советских обвинителей согласовывались с Москвой. Так, проект заключительной речи Руденко читали и правили Вышинский, прокурор СССР Горшенин, председатель Верховного суда СССР Рычков, начальник

⁶⁸ Там же. Д. 6. Л. 251, 265, 266.

⁶⁹ Там же. Д. 404. Л. 78-84; Д. 8. Л. 121-122; Д. 6. Л. 5.

⁷⁰ См. подробнее: *Лебедева Н.С.* Катынь: преступления против человечества. М., 1994; *Катынь 1940-2000. Документы.* Отв. составитель Н.С. Лебедева. М., 2001.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 8. Л. 5-7, 139-140. Американская делегация отвечала за допросы Шахта, Функа, Шираха, Шпеера, британская – Деница, Редера, Йодля, Папена, Нейрата, французская – Заукеля, Зейс Инкварта, советская – Фриче, а также за участие в допросах Шахта, Функа, Шираха, Шпеера, Деница, Редера, Йодля, Нейрата.

Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров. Связанные с ней вопросы согласовывались и с А.А. Ждановым⁷².

31 августа состоялось заседание МВТ, на котором подсудимые выступили с последним словом. Затем судьи удалились для вынесения приговора. Проект его писал заместитель члена Трибунала от Великобритании Н. Биркетт. Однако его концепция вырабатывалась коллективно при самом активном участии советских судей еще с конца июня 1946 г. Как свидетельствуют записи Ф. Биддла, И.Т. Никитченко одобрил структуру и форму приговора, предложенную Биркеттом, и внес в них ряд важных поправок. Большая их часть была учтена в окончательном редактировании этого документа. Советский судья предложил расширить раздел о расистских теориях нацистов, об агрессивных идеях «Майн кампф», о планах захвата Европы и особенно ее восточной части. Никитченко и Волчков выступили против точки зрения французских судей, снискавших определенную поддержку у члена МВТ от США. Де Вабр и Фалько не признавали наличие общего плана или заговора в действиях подсудимых и полагали, что это понятие не было известно международному праву. Советских судей поддержали их английские коллеги. В конце концов, удалось найти компромисс — обвинения по первому и второму разделам Обвинительного заключения были объединены, началом заговора сочли не 1920 г., а 1937 г. К сожалению, Трибунал отказался признать наличие общего плана или заговора применительно к военным преступлениям и преступлениям против человечности. Непростым оказалось и решение вопроса о виновности каждого из подсудимых и об определении им наказания.

17 сентября 1946 г. К.П. Горшенев и В.Г. Деканозов направили И.В. Сталину проект указаний Никитченко, согласованный с Вышинским и Молотовым. Глава Советского правительства одобрил их. Члену МВТ от СССР предлагалось настаивать на признании всех подсудимых виновными и требовать для них смертной казни. При этом говорилось: «Если с нашими предложениями, несмотря на все усилия, не будут соглашаться, надо твердо дать понять, что такого приговора мы не подпишем и вся ответственность за это ляжет на партнеров. Если же такая постанова не даст результата, Вы должны представить в письменной форме свое особое мнение и потребовать, чтобы оно было приложено к приговору. Кроме того, Вы должны добиваться, чтобы председатель, огласив приговор, сообщил содержание Вашего особого мнения... В отношении преступных организаций — надо категорически настаивать на объ-

⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 410. Л. 86.

...щения преступными также имперского правительства, генштаба ОКВ, которые партнеры предлагают исключить»⁷³. Примечательно, что до получения этих инструкций Никитченко предлагал приговорить Деница, Палена и Фриче к десяти годам тюрьмы, Шахта – к пожизненному заключению.

Как известно, в своем особом мнении И.Т. Никитченко протестовал против неприменения смертной казни к Гессу, непризнания виновными Шахта, Палена и Фриче, а также отказа признать преступными организациями имперское правительство, Генштаб и Верховное командование. Окончательная редакция его особого мнения также была согласована с Москвой.

Хотя Приговор, оглашенный 30 сентября – 1 октября, не полностью удовлетворил Кремль, общие итоги процесса оценивались им высоко. Об этом свидетельствовали статьи в советской прессе, документальные фильмы и публикации материалов процесса, хотя и далеко не полные.

Итак, СССР с первых дней войны выступал за суровое наказание нацистских преступников и проведение международного судебного процесса над гитлеровскими главарями. Его представители внесли существенный вклад в подготовку Соглашения о создании Международного военного трибунала и его Устава, в разработку Регламента, Обвинительного заключения и Приговора. Советские обвинители выступали по большинству разделов Обвинительного акта, вызванные ими свидетели и представленные доказательства подтверждали, за редким исключением, неоспоримость выдвинутых против подсудимых и преступных организаций обвинений. Устав и Приговор Нюрнбергского суда народов и сегодня служат делу борьбы с фашизмом, агрессией, национальной нетерпимостью и терроризмом, торжеству международного права и права каждой личности на свободу и безопасность.

⁷³ СССР и германский вопрос. М., 2000. Т. 2. С. 703-707.

А.Н. ТРАЙНИН И ЗНАЧЕНИЕ ЕГО ИДЕЙ ДЛЯ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Нюрнбергский процесс – «знаковое» событие XX столетия и один из поворотных моментов в развитии мировой юриспруденции. Исследователи, оценивая наблюдаемый сегодня «ренессанс» международного уголовного права, неизбежно обращаются к благодатному нюрнбергскому наследию. Можно с уверенностью сказать, что еще многие поколения правоведов будут черпать из материалов Нюрнбергского процесса новые идеи и аргументы для обоснования своих позиций. Лишним подтверждением незатихающего интереса к этому событию служит прошедшая конференция.

Притягательная сила Нюрнберга для современных юристов обусловлена, прежде всего, уникальностью, беспрецедентностью данного судебного процесса. Впервые была реализована на практике идея индивидуальной уголовной ответственности за международные преступления: высшие государственные чиновники, ввергшие целый континент в пучину мировой войны, ответили не перед метафизическим «судом истории», а перед международным уголовным судом, пусть и имевшим существенные «конструктивные» недостатки. Трибунал стал первой «проверкой на прочность» международного уголовного правосудия.

Конечно, по многим причинам Нюрнбергский трибунал нельзя рассматривать в качестве эталона органа международной уголовной юстиции. Тем не менее, это не умаляет его значения и не снижает обоснованности его Приговора. Нельзя забывать о том, что альтернативой Трибуналу был не безупречный и абсолютно объективный международный суд, а внесудебная расправа над нацистами, которую, без сомнения, одобрили бы истерзанные гитлеровцами народы. В конечном итоге Нюрнберг стал, пусть и не образцовой, но всё же победой права над войной. Поэтому, оценивая Нюрнбергский процесс как исторический прецедент, следует указать на его позитивное значение для будущего.

Среди тех, кому Нюрнбергский трибунал обязан своим успехом, следует упомянуть нашего соотечественника, ~~замечательного~~ советского ~~правоведа~~ ~~историка~~ ~~гистора~~ ~~гистора~~ профессора Московского университета, члена-корреспондента Академии наук СССР Арона Наумовича Трайнина. В настоящей статье хотелось бы остано-

ваться на основных вехах жизненного пути ученого и его идеях, во многом определивших правовую основу Нюрнбергского процесса.

Арон Наумович Трайнин родился 9 июля 1883 г. в Витебске в семье мелкого служащего. Десятилетним мальчиком он покидает родительский дом, чтобы в Калуге поступить в гимназию. С 12 лет ему приходится добывать средства на существование, давая уроки. Закончив гимназию с золотой медалью, А.Н. Трайнин отправляется в Москву для поступления на юридический факультет Университета.

В 1903 г. А.Н. Трайнин впервые переступил порог Московского университета, с которым затем будет связана вся его жизнь. С первых дней обучения он включился в студенческое демократическое движение. За участие в нем А.Н. Трайнин трижды арестовывался царским правительством. Участие в революционном молодежном движении предопределило характер научно-профессиональных интересов будущего ученого. В дипломной работе, написанной в 1908 г. на политически злободневную и смелую тему – «Классовая борьба и наказание в истории русского права» – на большом фактическом материале А.Н. Трайнин показал связь классовой борьбы и системы наказаний в самодержавной России. В этом первом исследовании уже видны ростки его оригинального, смелого мышления.

По окончании факультета А.Н. Трайнин остался на кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию. Однако через три года в знак протеста вместе с передовой интеллигенцией того времени он покидает стены *alma mater* и начинает свою преподавательскую и научную деятельность в народном Университете Шанявского. В Московский университет А.Н. Трайнин вернулся лишь после революции 1917 г. В 1921 г. он был утвержден в звании профессора.

В относительно короткий дореволюционный период научной деятельности А.Н. Трайниным опубликовано большое число исследований по уголовному праву, криминологии и уголовному процессу. Среди них такие работы, как «Позитивное направление в уголовном праве», «Новейшие течения классической школы уголовного права» (доклад, прочитанный на съезде русских криминалистов в 1910 г.), «Спор классической и социологической школ о системе наказания» и др. Монография «Несостоятельность и банкротство» была одобрена Университетом Шанявского в качестве диссертации.

А.Н. Трайнин являлся одним из основоположников науки советского уголовного права. Его перу принадлежат фундаментальные труды: «Общее учение о составе преступления», «Учение о соучастии», «Хозяйственные преступления», авторские учебники

по уголовному праву, выдержавшие много изданий. Эти работы отличаются не только глубоким анализом действующего законодательства, но и широким использованием социологических и криминологических методов. Многие положения этих трудов сохраняют свою актуальность и в настоящее время.

В конце 20-х — начале 30-х годов его научные интересы обращаются к совершенно новой, неизвестной и чрезвычайно актуальной сфере — к международному уголовному праву. Наделенный научной интуицией, он хорошо осознает, какой трагедией может обернуться для человечества победа фашизма в Германии, Италии и Японии.

В опубликованной в 1935 г. работе «Уголовная интервенция» А.Н. Трайнин скрупулезно исследует многочисленные решения Лиги Наций, Бюро по унификации уголовного законодательства, различных симпозиумов, съездов и комиссий, в которых рассматривались вопросы о кодификации международных преступлений. Несмотря на значительную «идеологическую нагрузку» данной работы (она в первую очередь была посвящена критике буржуазных концепций «уголовной интервенции» против СССР), именно в ней А.Н. Трайнин впервые в отечественной литературе начал исследование понятия международного преступления и ответственности за него. Критикуя зарубежных правоведов, авторов концепции уголовной ответственности государства (в частности, румынского профессора Пелла), профессор Трайнин выдвигает идею индивидуальной ответственности за международные преступления, реализация которой состоялась в ходе нюрнбергского разбирательства.

Через два года появился новый труд А.Н. Трайнина «Защита мира и уголовный закон». В нем он гневно критикует половинчатые, противоречивые акты Лиги Наций, не способные реально предотвратить фашистскую агрессию, а иногда даже обеспечивающие ее легальное прикрытие. В этой книге ученый расширяет и углубляет понятие международного преступления, ставит и решает важные вопросы о соотношении международного и национального законодательства, об ответственности за интернациональную преступную деятельность, о примате международных актов над национальными. Подчеркивая важность и новаторский характер пакта Бриана–Келлога, осудившего войну, он обращает внимание на отсутствие в нем механизмов ответственности государства-агрессора¹. На примере многих стран А.Н. Трайнин раскрывает декларативность и формализм буржуазных конституций, не спо-

¹ См.: Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 503-509.

льных реально обосновать ответственность за преступления против человечества. Он показывает пассивность национального уголовного законодательства в борьбе с массовыми убийствами и ничтожеством материальных ценностей, которые несет с собой война.

Ученый справедливо указывал: «Уголовный закон может и должен быть использован в качестве одного из действенных средств, направленных к ограждению мира»². Завершалась работа провидческими словами: «Уголовные законы в защиту мира все еще ждут своей очереди»³.

С первого дня агрессии гитлеровской Германии против Советского Союза А.Н. Трайнин посвящает всю силу своей творческой энергии общему делу – разгрому фашизма. Он выступает с серией статей об ответственности оккупантов за совершенные на территории СССР злодеяния. 10 сентября 1943 года в Колонном зале Дома Союзов в Москве А.Н. Трайнин прочел публичную лекцию «Об уголовной ответственности гитлеровцев». Вскоре выходит его новая книга с таким же названием. Эта работа во многом повлияла на правовое обоснование будущего суда над фашистскими главарями.

А.Н. Трайнин справедливо отмечает, что одной из причин гитлеровского злодеяния является безнаказанность преступников войны 1914-1918 гг. Задача свободолюбивых народов – не повторить этих ошибок. Справедливое наказание агрессоров и массовых убийц имеет огромное превентивное значение.

Подробному анализу в работе подвергается гитлеровская система «государственного бандитизма». По мнению ученого, гитлеровская держава с трудом укладывалась в существующие типы государств. Подобно банде, где все функции власти сосредоточены в одном лице – атамане, так и в нацистской Германии Гитлер объявил себя главой правительства и государства, а впоследствии также и высшим судьей⁴. Трайнин отмечает, что преступления Второй мировой войны не были отдельными эксцессами, они являлись проявлением четко организованной системы. «Чудовищная особенность гитлеровской войны заключается в том, что грабежи, убийства, истязания стали системой, государственной программой истребления народов и народных богатств», – писал он⁵.

Ввиду этого особую важность приобретает вопрос об индивидуальной ответственности создателей и руководителей преступной государственной системы, каковой являлся германский нацизм.

² Там же.

³ Там же. С. 551

⁴ Там же. С. 571.

⁵ Там же. С. 555.

Они должны рассматриваться не как простые соучастники (даже организаторы) конкретных злодеяний, но как авторы заговора против человечества. Концепция общего плана (заговора) и ответственности лиц, действующих от имени государства, была положена в основу Устава Международного военного трибунала. Впервые физические лица были привлечены к уголовной ответственности непосредственно в соответствии с международно-правовыми нормами. «Уже давно было признано, – отмечается в Нюрнбергском приговоре, – что международное право налагает долг и обязанности на конкретных лиц так же, как и на государство... Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права...»⁶.

Понимая, что «узким местом» будущего трибунала над нацистами будет правовое обоснование их ответственности за агрессивную войну, особое внимание в работе уделяется нарушению гитлеровской Германией договорных обязательств, в том числе Пакта Бриана-Келлога и многочисленных договоров о ненападении с будущими жертвами агрессии. Ссылаясь на многочисленные международные документы, Трайнин утверждал, что агрессия являлась преступлением по общему международному праву задолго до начала мировой войны. Тезис, согласно которому все преступления, инкриминировавшиеся обвиняемым, являлись преступлениями по общему международному праву, стал позже одним из основных постулатов нюрнбергской концепции. В Приговоре, в частности, говорится: «Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, но, с точки зрения Трибунала, как это будет показано, он является выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле является сам вкладом в международное право»⁷.

Работа Трайнина имела вполне заслуженный успех не только у отечественных, но и у зарубежных читателей. Ее, в частности, высоко оценивали судья и будущий главный обвинитель от США Р. Джексон и лорд-канцлер В. Джоуитт, представлявшие США и Великобританию на Лондонской конференции по выработке Соглашения и Устава Международного военного трибунала⁸. Впоследствии многие из идей, высказанных советским ученым в данной

⁶ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8-ми томах. М., 1999. Т. 8. С. 609

⁷ Без срока давности: К 60-летию Нюрнбергского процесса. М., 2006. С. 139

⁸ См.: Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975.

работе, легли в основу решений этой конференции.

А.Н. Трайнин принимал непосредственное участие в практической реализации своих научных рекомендаций. После разгрома фашистской Германии летом 1945 г. А.Н. Трайнин в составе советской правительственной делегации участвует в работе Лондонской конференции по выработке Соглашения о судебном преследовании и наказании главных военных преступников и Устава Международного военного трибунала.

Как член Комиссии по подготовке обвинительных материалов он участвует в работе советских представителей в Международном трибунале и Комитете обвинителей. На Нюрнбергском процессе в качестве главного советника А.Н. Трайнин плодотворно применяет свои прочные, задолго до 1945 г. сложившиеся знания о международных уголовных деликтах и ответственности за них.

Теплые воспоминания о работе Трайнина на Нюрнбергском процессе оставил А.И. Полтораки: «Несмотря на значительное различие в возрасте и положении, мы как-то очень подружились с ним. Много позднее я понял, что этой дружбой и добрым ко мне расположением ученого с мировым именем всецело обязан характеру Арона Наумовича Трайнина. Этот среднего роста человек, с подвижным лицом и живыми, умными, я бы сказал, несколько лукавыми глазами, удивительно тепло относился к людям. У него было бесчисленное количество учеников, которых он до конца жизни щедро одарял своими советами и глубочайшими познаниями. ...Он уже не молод годами, но молод душой. Он испытывает гордость за свою страну, за нашу героическую армию, которая, разгромив гитлеровские полчища, сделала возможным Нюрнберг. А я, часто встречаясь в те дни с Трайниным, испытывал гордость еще и за него, за всю советскую юридическую науку. Мне было очень приятно присутствовать на одном из заключительных заседаний Международного трибунала, когда все судьи единодушно решили объявить благодарность члену-корреспонденту Академии наук СССР, профессору Института права А.Н. Трайнину за его плодотворную помощь»⁹.

После завершения работы Трибунала выходит сборник статей А.Н. Трайнина, посвященных процессу. В этих статьях А.Н. Трайнин эмоционально защищает Нюрнбергский трибунал и его Приговор, «несущий в мир жизнь и силы великим идеям демократии и мира»¹⁰ от нападок критиков.

Свою работу над проблемами международного уголовного пра-

⁹ Полтораки А.И. Нюрнбергский эпилог. М., 1965. С. 156-157.

¹⁰ См.: Трайнин А.Н. Указ. соч. С. 683.

ва А.Н. Трайнин продолжил и в послевоенный период. Последняя из его работ – «Защита мира и борьба с преступлениями против человечества» – увидела свет в 1956 г. В этом исследовании, основанном на разнообразном фактическом и научном материале, Трайнин пытается дать характеристику категориям преступлений, направленных против человечества в целом. Решение задачи по выявлению сущности и содержания данной категории, по его мнению, является необходимым, прежде всего, при разработке международного законодательства, направленного на обеспечение глобального мира (деятельность ООН в 1950-х гг., как известно, находилась в стадии становления). Данная работа А.Н. Трайнина стала итогом его многолетних исследований по проблемам международного уголовного права.

Идеи Трайнина воплощены во многих международно-правовых актах и в действующем российском уголовном законодательстве. Новый раздел УК РФ 1996 г. «Преступления против мира и безопасности человечества», без преувеличения, можно назвать законодательным памятником А.Н. Трайнину.

А.Н. Трайнин являлся вице-президентом Международной ассоциации юристов-демократов, членом-корреспондентом АН СССР. За свои заслуги А.Н. Трайнин был дважды награжден Орденом Трудового Красного Знамени (1944 и 1945), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946). За выдающиеся заслуги в области юридических наук он был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки» (1946).

Особо следует остановиться на работе Трайнина в качестве профессора кафедры уголовного права юридического факультета МГУ и ее многолетнего заведующего. Достоинства А.Н. Трайнина как преподавателя вполне могут соперничать с достоинствами его как ученого с мировым именем. Его методическое наследие заслуживает самостоятельного изучения. С особой теплотой А.Н. Трайнин относился к студентам и аспирантам, воспитав большое количество достойных учеников – ученых и практических работников. Профессор Н.Ф. Кузнецова, ученица А.Н. Трайнина, пишет: «А.Н. Трайнин обладал высокими душевными качествами, все многообразие которых можно выразить в двух словах — обаяние и человеколюбие. К его высоким титулам члена-корреспондента АН СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора, кавалера двух орденов Трудового Красного Знамени, без сомнения, следует присоединить и высший титул — Человек»¹¹.

¹¹ Кузнецова Н.Ф. Арон Наумович Трайнин, 1883 – 1957 // Правоведение.

По иронии судьбы, на склоне лет профессор Трайнин, настоящий и искренний патриот своей родины, стал жертвой нелепой кампании по «борьбе с космополитизмом». В результате развернувшейся травли, в 1954 году он был освобожден от заведования кафедрой уголовного права, что заметно подкосило его здоровье. В феврале 1957 г. он скончался от сердечного приступа.

Конечно, многое в трудах Трайнина кажется сегодня спорным и даже ошибочным. Нельзя забывать, что он был сыном своего времени и своей страны. Читая его работы, нельзя не заметить его искренней веры в идеалы коммунизма. Однако история все расставляет по своим местам. Идеи и работы профессора надолго пережили его как его самого, так и его критиков и гонителей.

Лучшим свидетельством этого служит начало деятельности постоянного Международного уголовного суда. Суд, о функциях и структуре которого писал А.Н. Трайнин, наконец, стал реальностью. Сегодня с этим судом, наследником Нюрнбергского трибунала, связаны надежды прогрессивных юристов всего мира. Остается надеяться, что российские правоведы, при всех различиях в их взглядах, будут достойными продолжателями А.Н. Трайнина в деле борьбы за международную законность.

ИРЛАНДИЯ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

С первых дней Нюрнбергского процесса над главными нацистскими военными преступниками высказывались критические оценки его как нелегитимного и противоправного осуществления «правосудия победителей». Отмечалось, что нацистские лидеры обвинялись в преступлениях, не предусмотренных международным правом, что их судил пристрастный трибунал, состоявший из представителей держав-победителей. Мало кто сомневался в том, что, несмотря на правовые юридические нормы, главные обвиняемые не будут оправданы. Высказывалось также мнение, что Нюрнбергский процесс являлся лицемерным действием, так как на нем не поднимались вопросы о военных преступлениях победившей коалиции, таких, например, как массовые бомбардировки немецких и японских городов, стоивших многих тысяч жизней невинных гражданских лиц. Подобные точки зрения, естественно, доминировали в Германии и в других странах, входящих в блок оси. Но после Второй мировой войны весьма критический подход наблюдался и в нейтральных странах. Как комментировала «Вашингтон пост» в мае 1945 г., нейтральные государства были охвачены «моральной близорукостью»:

«Нейтральность, которой эти государства придерживались во время войны, диктовалась целесообразностью; они хотели избежать платы по счетам за цену, которой другие люди покупали свою свободу. ...Возможно ли, чтобы моральная близорукость, которую они нацепили на себя перед лицом опасности, ослепила их в отношении всех этических ценностей»¹.

В соответствии с этой этической слепотой, общественное мнение нейтральных государств не только полагало, что нацисты были виновны в преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности, но и что руководители союзников – Черчилль, Сталин и Рузвельт – избежали правосудия только потому, что вышли из войны победителями.

¹ Цит. по: *Keogh D. E. de Valera and Hitler: An Analysis of International Reaction to the Visit to the German Minister, May 1945 // Irish Studies in International Affairs. Vol. 3. No. 1. 1989. P. 81.*

Ирландия представляет собой пример враждебного отношения нейтральных государств к Нюрнбергскому процессу, оформленного в юридические, моральные и политические контуры. Южная часть острова Ирландия (Эри) отделилась от Великобритании в 1922 г. после длительной и вооруженной борьбы за независимость, но новая независимая страна осталась членом Британского Содружества наций. Когда в сентябре 1939 г. Германия напала на Польшу, другие члены Содружества – Австралия, Канада, Новая Зеландия и Южная Африка – вслед за Англией – объявили Германии войну². Ирландия же заявила о нейтралитете. В мировом и европейском контексте это не стало исключением: большинство стран сделали то же самое, включая Соединенные Штаты и Советский Союз. Однако в отличие от многих первоначально нейтральных государств Ирландия придерживалась курса нейтралитета в течение всей войны и даже после перелома в ней, произошедшего в 1942-1943 гг. В новых условиях страна могла бы поддержать союзников, находясь при этом в относительной безопасности. Побудительные мотивы решения жестко придерживаться нейтралитета коренились в исторической неприязни к Великобритании, в обеспокоенности, что вступление в войну на стороне союзников расколет общественное мнение в Ирландии, в вере в то, что независимость, суверенитет и идентичность Ирландии будут в наибольшей степени соблюдены, если она останется в стороне от конфликта, который виделся как некая борьба между меньшим и большим злом³. Следует, однако, отметить, что 70000 граждан нейтральной Ирландии служили во время войны добровольцами в британской армии⁴. Ирландское государство не только закрывало глаза на это нарушение нейтрального статуса, но и вносило вклад в ведение

² *Ovendale R. Why the British Dominions Declared War // Boyce R., Robertson E.M. (eds.) Paths to war: New essays on the Origins of the Second World War. London, 1989.*

³ По проблеме нейтралитета Ирландии в период Второй мировой войны см.: *Girvin B. The Emergency: Neutral Ireland, 1939-45. London, 2006; Fisk R. In Time of War: Ireland, Ulster and the Price of Neutrality, 1939-1945. London, 1985; Girvin B., Roberts G. (eds.) Ireland and the Second World War. Dublin, 2000; Keogh D., O'Driscoll M. (eds.) Ireland in World War Two. Cork, 2004.*

⁴ Кроме 70000 волонтеров из южной Ирландии были и 50000 волонтеров из Северной Ирландии, которая являлась (и продолжает являться) частью Великобритании, и в отличие от нейтральной южной части находилась с Германией в состоянии войны. В Северной Ирландии не существовало обязательной воинской повинности, поэтому граждане обеих частей Ирландии, служившие в британских вооруженных силах, считались добровольцами. См. *Doherty R. Irish Men and Women in the Second World War. Dublin, 1999.*

Англией войны. Это делалось, например, путем разрешения миграции ирландских рабочих в британскую военную экономику; передачи разведывательной информации западным союзникам; предоставления убежища военному персоналу последних в случае, если тот терпел в районе Ирландии бедствие или кораблекрушение, в то время как военный персонал держав оси интернировался. Хотя все эти действия и объяснялись собственными интересами Ирландии, вытекавшими из того факта, что последняя находилась в англо-американской зоне военных действий, ирландская материальная помощь союзническому делу была реальной. Но по политическим и моральным вопросам войны ирландское правительство дистанцировалось от антифашистской борьбы. Оно, в частности, поддерживало жесткий цензурный режим в Ирландии, запрещающий просоюзническую пропаганду и пропаганду в пользу держав оси, а также пыталось капля за каплей вливать в ирландское общественное мнение нейтралистские установки к войне и союзническому делу⁵.

Решимость ирландского правительства следовать нейтралитету стала особенно очевидной в марте 1944 г., когда оно отклонило призыв Англии и США закрыть немецкие и японские дипломатические миссии в Дублине, которые рассматривались как аванпосты сбора информации шпионами держав оси относительно подготовки вторжения союзников во Францию. Аналогичным образом Дублин в октябре 1944 г. отказался дать англичанам и американцам гарантии того, что не предоставит убежища военным преступникам держав оси. Отказ Ирландии удовлетворить англо-американские требования напоминал позицию, занятую другими нейтральными государствами по вопросу предоставления убежища военным преступникам. Однако все другие нейтральные государства, включая фашистские Испанию и Португалию, в итоге поддались давлению союзников и предоставили требуемые гарантии. Ирландия же не сделала этого⁶.

Итог жесткой позиции Ирландии по вопросу нейтралитета был продемонстрирован в конце войны, когда ирландский лидер Иамон де Валера нанес визит германскому послу в Дублине, Эдуарду Хемпелю, чтобы выразить соболезнования в связи со смертью Адольфа Гитлера. Ирландский президент – Дуглас Хайд – также направил ему свои соболезнования⁷. Де Валера последовательно

Drisceoil D.O. Censorship in Ireland, 1939-1945. Cork, 1996.

Kochavi A.J. Prelude to Nuremberg: Allied War Crimes Policy and the Question of Punishment. University of North Carolina Press, 1998, P. 193-200.

Hitler's Death: Hyde also expressed condolences // The Irish Times, 30 December 2006.

Англией войны. Это делалось, например, путем разрешения миграции ирландских рабочих в британскую военную экономику; передачи разведывательной информации западным союзникам; предоставления убежища военному персоналу последних в случае, если тот терпел в районе Ирландии бедствие или кораблекрушение, в то время как военный персонал держав оси интернировался. Хотя все эти действия и объяснялись собственными интересами Ирландии, вытекавшими из того факта, что последняя находилась в англо-американской зоне военных действий, ирландская материальная помощь союзническому делу была реальной. Но по политическим и моральным вопросам войны ирландское правительство дистанцировалось от антифашистской борьбы. Оно, в частности, поддерживало жесткий цензурный режим в Ирландии, запрещающий просоюзническую пропаганду и пропаганду в пользу держав оси, а также пыталось капля за каплей вливать в ирландское общественное мнение нейтралистские установки к войне и союзническому делу⁵.

Решимость ирландского правительства следовать нейтралитету стала особенно очевидной в марте 1944 г., когда оно отклонило призыв Англии и США закрыть немецкие и японские дипломатические миссии в Дублине, которые рассматривались как аванпосты сбора информации шпионами держав оси относительно подготовки вторжения союзников во Францию. Аналогичным образом Дублин в октябре 1944 г. отказался дать англичанам и американцам гарантии того, что не предоставит убежища военным преступникам держав оси. Отказ Ирландии удовлетворить англо-американские требования напоминал позицию, занятую другими нейтральными государствами по вопросу предоставления убежища военным преступникам. Однако все другие нейтральные государства, включая фашистские Испанию и Португалию, в итоге поддались давлению союзников и предоставили требуемые гарантии. Ирландия же не сделала этого⁶.

Итог жесткой позиции Ирландии по вопросу нейтралитета был продемонстрирован в конце войны, когда ирландский лидер Иамон де Валера нанес визит германскому послу в Дублине, Эдуарду Хемпелю, чтобы выразить соболезнования в связи со смертью Адольфа Гитлера. Ирландский президент – Дуглас Хайд – также направил ему свои соболезнования⁷. Де Валера последовательно

⁵ *Driscoll D.O. Censorship in Ireland, 1939-1945. Cork, 1996.*

⁶ *Kochavi A.J. Prelude to Nuremberg: Allied War Crimes Policy and the Question of Punishment. University of North Carolina Press, 1998, P. 193-200.*

⁷ *Hitler's Death: Hyde also expressed condolences // The Irish Times, 30 December 2006.*

отстаивал свой неоднозначный поступок, исходя из соображений формального дипломатического протокола. Он указывал на то, что после смерти Ф. Рузвельта он выразил соболезнование президенту Г. Трумэну. Однако общественное мнение в стане союзников было шокировано поступком де Валера, сделав очевидный вывод, что ирландский лидер не проводил различия между противоборствующими сторонами в только что закончившейся войне. Это впечатление подкреплялось тем фактом, что де Валера никогда публично не выражал симпатии союзническому делу⁸. Роберт Фиск так прокомментировал поступок де Валера: «С моральной точки зрения это было бессмысленно и больно для миллионов пострадавших за время войны; с политической точки зрения это могло быть губительно. Но символическое значение поступка нельзя было неверно истолковать: Эри не признавала ценностей воюющих наций и не намеревалась делать этого в будущем»⁹.

Одно из самых негативных послевоенных высказываний, характеризующих враждебное отношение Ирландии к Нюрнбергскому процессу, принадлежало министру юстиции правительства де Валера, Джеральду Боланду:

«Представьте себе, что суд за военные преступления будут осуществлять люди, уничтожившие и похоронившие цвет польской армии в Катынском лесу, разбомбившие беззащитный Дрезден, полный беженцев, и подвергшие атомной бомбардировке Хиросиму и Нагасаки»¹⁰.

Что касается самого де Валера, то его дружеские отношения с Темпелем сохранились и после войны. Бывший германский посол олучил убежище в Ирландии и в октябре 1946 г. написал де Валера, чтобы тот обратился к нему с просьбой выступить с обращением от имени нацистских лидеров, которые были приговорены к смерти Нюрнбергским трибуналом. Де Валера к этому времени же выразил министру британского кабинета Герберту Моррисону свое неприятие Нюрнбергского процесса, когда последний посетил Дублин в сентябре 1946 г. Де Валера ответил на письмо Хемеля звонком британскому послу, сказав, что казнь в Нюрнберге идет трагической ошибкой. Он также поручил чиновникам своего правительства подготовить материалы по Нюрнбергу. В документах ирландского Министерства иностранных дел говорилось, что нюрнбергский процесс базировался на использовании давно устаревших правовых норм, являлся инструментом наказания проигравших войну и мог быть сравним с тем, как англичане юридиче-

См. статью Д.И. Кеога, процитированную в сноске № 1.

⁸Fisk R. Op. cit. P. 537.

¹⁰Ibid. P. 549.

ски уничтожали Ирландию в период ее борьбы за независимость. Чиновники де Валера также считали, что в Ирландии были сильны оппозиционные настроения Нюрнбергскому процессу, в особенности в отношении сурового приговора, вынесенного нацистским бонзам¹¹.

Амбивалентность ирландского общественного мнения в отношении Нюрнберга иллюстрируется двусмысленной заметкой «Айриш таймс» – ирландской газеты пробританской направленности, которая делала все возможное для поддержки союзников, включая освещение роли ирландских волонтеров в британских вооруженных силах. Когда впервые был оглашен нюрнбергский Приговор, «Айриш таймс» приветствовала и поддержала его моральное обоснование:

«Внимательное изучение доказательной базы и вытекающих из нее суждений должно убедить каждого, что процесс прошел в строжайшем соответствии с нормами права... В самом деле, история сделана. С точки зрения общей гуманности ведение агрессивной войны всегда было преступлением. Теперь же приговор выносится на основании законодательной фиксации того, что агрессивная война – это преступление. Мы думаем, что признание этих фактов представляет собой серьезный шаг к новому мышлению мирового сообщества. Отныне агрессор юридически сразу же объявляется преступником, врагом человеческой расы»¹².

Однако когда были утверждены и приведены в исполнение смертные приговоры, редакционная линия газеты изменилась:

«Только история сможет определить достоинства и ошибки Нюрнбергского процесса. Ответственные граждане во многих странах, питая отвращение к нацистской системе и ее деятелям, все еще неоднозначно оценивают то, как был проведен процесс, и в особенности, смертные приговоры... Со строго юридической точки зрения мало, что можно сказать в пользу процедуры Нюрнберга. Обвиняемых судили за те нарушения, которые не были юридически прописаны на момент их совершения. Кроме того, обвиняемых судили не равные им, а враги»¹³.

Подобные сомнения в правоте процесса не имели значения за пределами Ирландии, по меньшей мере, в стане союзников. Жалобы де Валера на Нюрнберг сразу же были отвергнуты англичанами, и ирландские чиновники не следовали документам, подготовленным Министерством иностранных дел. Фактически ирландское правительство не делало официального публичного заявления по

¹¹ *Girvin B. The Emergency. P. 21-26.*

¹² *Irish Times editorial «The Sentences», 2 October 1946.*

¹³ *Irish Times editorial «End or Beginning?», 19 October 1946.*

Нюрнбергу, а ирландский парламент не обсуждал процесс, хотя он и нашел время для длительных дебатов с протестами по поводу перемного заключения за военные преступления хорватского архиепископа Степинака.

По иронии, путь к враждебности Ирландии в отношении процесса над главными нацистскими военными преступниками начался еще в 1939-1940 гг., когда раздались требования малых европейских государств о возмездии за опустошительную немецкую оккупацию их территорий¹⁴. Почувствуй Ирландия на себе германское вторжение так же, как Чехословакия, Польша, Дания, Норвегия, Голландия, Бельгия, Греция и Югославия, тогда бы, возможно, ирландцы придерживались иного мнения о преступной ответственности нацистских бонз за германские преступления военного времени. Но нейтральная Ирландия была защищена от вторжения и оккупации Англией, США, и, прежде всего, Советским Союзом, который с июня 1941 г. нес основную нагрузку в антигитлеровской войне. Если бы Северная Ирландия не смогла бы служить союзнической базой в решающей битве за Атлантику в 1942-1943 гг., Англия и США сами были бы вынуждены оккупировать южную часть острова.

Отношение Ирландии ко Второй мировой войне и Нюрнбергскому процессу находилось, разумеется, под огромным влиянием отрицательного исторического опыта взаимоотношений с Великобританией. В глазах ирландских политиков и общественного мнения не было большего зла, чем британский империализм и большего преступления, чем угнетение и эксплуатация Ирландии Великобританией. В особенности республиканская часть ирландского политического спектра полагала, что по-настоящему первым актом геноцида и холокоста нового времени был голод 1840-х годов, спровоцированный британской политикой, и стоивший Ирландии миллиона жизней. В контексте этой исторической перспективы, даже перед лицом доказательной базы о нацистских преступлениях, представленной в Нюрнберге, было легко морально дистанцироваться от союзнического дела. Де Валера, схлестнувшийся с Черчиллем в майской радиопередаче 1945 г., ответил на критику британским премьером нейтралитета страны, что ирландцы – это «маленькая нация, которая не один-два года, а несколько столетий в одиночку противостояла агрессии, бесконечно выносила грабежи, резню, голод, многократно сползая в бессознательное состояние; но каждый раз по возвращении сознания возобновляла борьбу снова; эту маленькую нацию, никогда не теряющую духа, никогда

¹⁴ См.: *Kochavi*. Op. cit, chap. 1.

нельзя было заставить смириться с поражением»¹⁵.

Но, отбросив риторику, следует признать, что ирландская позиция по Нюрнбергу не так уж сильно отличалась от британской, как кажется. Разделяя общую юридическую традицию с Великобританией, критика Нюрнбергского процесса со стороны Ирландии во многом была сходной с позицией британской стороны. В самом правительстве Великобритании во время войны шел длительный спор между теми, кто добивался разбирательства с преступлениями нацистских бонз посредством юридического процесса, и теми, кто видел их наказание в результате политического решения, лучше всего выраженного в безотлагательных казнях. Между этими точками зрения внутри британских правящих кругов сохранялся баланс, но в верхах британского правительства преобладало мнение о приоритете внесудебных расправ над юридическими сложностями судебного процесса и нарушением международного права, которое потребовалось бы для успешного судебного преследования. И только к самому концу войны британское правительство стало допускать возможность проведения процесса по типу Нюрнберга. Решение было принято под давлением американского правительства и в меньшей степени советского¹⁶.

Учитывая неординарный характер событий Второй мировой войны, экстраординарный процесс примерного наказания нацистских бонз, а впоследствии и немецких чиновников меньшего масштаба, был неизбежен, в форме ли безотлагательного наказания или судебного правосудия. В течение всей войны вопрос о наказании за военные преступления держав оси дебатировался союзниками как публично, так и кулуарно. Не было политической возможности избежать проведения Нюрнбергского процесса в той или иной форме. Альтернативой могли стать безотлагательные казни, но последствия такого выбора имели бы печальные последствия – моральные и политические. Как указывала нейтральная Ирландия, Нюрнберг хотя и был несовершенным процессом, все же представлял собой искреннюю попытку внести вклад в создание послевоенного порядка, базирующегося на юридических и моральных факторах и учитывающего реальные и непредвиденные обстоятельства национальных и силовых интересов.

Из-за изоляции, островного положения и неуместного чувства морального превосходства нейтральные государства, такие как Ирландия, не осознавали степень преступлений и зверств, совершенных державами оси в период Второй мировой войны, которая

¹⁵ M. Moynihan (ed), *Speeches and Statements by Eamon de Valera, 1917-1973*. Dublin, 1980, P. 476.

¹⁶ *Ibid.*, chapters 3, 5, 6.

была просто «другой войной». Акты агрессии, совершенные
гитлеровцами, не походили на деяния других государств в иных воен-
ных ситуациях. В обстановке своего времени Нюрнбергский про-
цесс был не «правосудием победителей», но беспрецедентным ак-
том напряженных усилий со стороны победоносной союзнической
коалиции, которая могла сделать выбор и в пользу политики мще-
ния – смертных приговоров и тюремного заключения на произ-
вольном основании для намного большего количества нацистов и
их пособников.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА)

Главный урок первого Международного трибунала – в неотвратимости возмездия за военные преступления, тягчайшие преступления против мира и человечности. Общество знает о злодеяниях нацистов в годы Второй мировой войны. И все же одна сторона их чудовищных деяний недостаточно освещена в отечественной литературе и не рассматривалась специально на конференциях, посвященных Нюрнбергскому процессу. Это уничтожение и расхищение исторического и духовного наследия народов на оккупированных территориях. Такие действия, совершенные в период вооруженного конфликта, рассматриваются как международные преступления.

Статья 56 Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны гласит: «Собственность общин, учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных, хотя бы принадлежащих государству, приравнивается к частной собственности. Всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение подобных учреждений, исторических памятников, произведений художественных и научных воспрещаются и должны подлежать преследованию»¹.

В Нюрнберге советская делегация представляла доказательства по всем разделам Обвинительного заключения, принимала самое активное участие в проведении процесса и выработке Приговора. Основные источники, представленные на важнейшем международном суде XX века, опубликованы на Западе и в нашей стране в многочисленных изданиях. Материалы Трибунала хранятся в Государственном архиве РФ², Архиве внешней политики РФ, Цен-

¹ Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции. М., 1942. С. 15-16.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7445; Ф. 7021.

ральном архиве Федеральной службы безопасности (ФСБ) России.

Для рассматриваемой нами темы наибольший интерес в документальных публикациях Нюрнбергского процесса вызывает раздел «Разрушение и разграбление культурных и научных ценностей, культурно-бытовых учреждений, монастырей, церквей и других учреждений религиозных культов». Представлял доказательство по этому разделу помощник главного обвинителя от СССР М.Ю. Рагинский на заседании суда 21 февраля 1946 г. Материалы доклада содержатся в фонде Международного военного трибунала в ГАРФе³.

Материалы, доказывающие преступления гитлеровского режима против культуры, содержались и во вступительных и заключительных речах главных обвинителей от США, Великобритании, Франции, СССР; в стенограммах допросов обвиняемых А. Розенберга, Г. Геринга, Г. Франка, И. фон Риббентропа и др.; в Приговоре суда.

Прежде чем перейти к изложению доказательств и улик, государственный советник юстиции второго класса М.Ю. Рагинский дал краткую характеристику источников, которые предъявлялись по указанному разделу. Основную группу составляли переданные в Нюрнберг документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК), в том числе ее отдела культуры. Для оценки уничтоженного и разграбленного культурного достояния советского народа ЧГК имела экспертное подразделение – Бюро экспертизы, возглавляемое академиком И.Э. Грабарем⁴.

К документам, которые предъявлял М.Ю. Рагинский, относились также: опубликованные ноты народного комиссара иностранных дел СССР; официальные доклады и сообщения правительств Польши, Чехословакии и Югославии; немецкие материалы (приказы, инструкции, распоряжения, служебная переписка), обнаруженные частями Красной армии и армиями союзников.

Доказательная база включала документальные фильмы, среди них: «Разрушение Смоленска» (док. № СССР-97); «Разрушения произведений искусства и памятников национальной культуры на оккупированной территории СССР» (док. № СССР-98); фотодоку-

³ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов. В 7 т. М., 1958. Т. 3. С. 517-567; ГАРФ. Ф. 7445. Д. 87, 89.

⁴ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116, 121, 122; Зинич М.С. Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей. М., 2003. С. 59-61.

менты «Разрушение церквей и монастырей» (док. № СССР-99); фотодокументы о разрушении и разграблении памятников культуры и искусства в Ленинградской и Харьковской областях (док. № СССР-84). Демонстрация фильмов произвела огромное впечатление на судей⁵.

В материалах Нюрнбергского процесса имеется комплекс документов и высказывания лидеров Третьего рейха, свидетельствующие как о заранее намеченных планах экономического ограбления стран, так и расхищения культурного достояния их народов.

На заседаниях Трибунала была разоблачена преступная деятельность оперативного штаба А. Розенберга (айнзацштаба) и других аналогичных подразделений по вывозу национальных сокровищ, их тесная связь с вермахтом, СС, СД. Этот оперативный штаб действовал с лета 1940 г. во Франции, Бельгии и Голландии, а весной 1941 г. распространил свою деятельность и на захваченные территории в Восточной Европе. В указе Гитлера о полномочиях А. Розенберга (док. № США-369; док. № СССР-289) сказано: «Его штаб по руководству операциями на оккупированных территориях имеет право проверять библиотеки, архивы, масонские ложи и другие идеологические и культурные учреждения всех родов с точки зрения наличия в них соответствующих материалов и конфисковывать эти материалы...»⁶.

Масштабы деятельности оперативного штаба в СССР огромны. А. Розенберг писал М. Борману 17 октября 1944 г., что для транспортировки из СССР «учтенного его организациями добра понадобилось 1418 железнодорожных вагонов. Морским путем было отправлено 427 тонн»⁷.

Ставшие доступными для исследователей в России в 1990-е годы трофейные документы штаба А. Розенберга дают возможность более подробно изучить деятельность его центрального аппарата и местных отделений в Смоленске, Ростове, Киеве, Минске, Риге по вывозу музейных и библиотечных собраний, а также архивов⁸.

На процессе века в Нюрнберге нацистская политика в сфере культуры в зоне оккупации рассматривалась в широком контексте имперской политики на Востоке. Ни в одной из предшествующих

⁵ Рагинский М.Ю. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса // Нюрнбергский процесс и современность. М., 1986. С. 65; Ирвинг Д. Нюрнберг. Последняя битва. Пер. с англ. М., 2005. С. 374.

⁶ Нюрнбергский процесс... Т. 7. М., 1961. С. 389, 635; Зинич М.С. Указ. соч. С. 23.

⁷ Руденко Р.А. Судебные речи и выступления. М., 1987. С. 126.

⁸ Российский государственный военный архив (РГВА) (коллекция бывшего Особого архива). Ф. 1401/к.

Этот агрессор так тщательно не планировал, столь последовательно не проводил реквизицию сокровищ, как это делалось в целях уничтожения Третьего рейха и его правящей элиты. Следуя расовой доктрине, уничтожалось все то, что составляло гордость славян, истреблялись тысячи деятелей науки и культуры. Осуществляя эти акции, нацисты совершали тяжкие преступления перед общечеловеческой культурой, угрожали самой цивилизации.

Советское обвинение убедительно доказало стремление агрессоров искоренить славянскую культуру. Улики были оглашены М.Ю. Рагинским в подразделах «Разрушение памятников национальной культуры народов СССР», «Разрушение исторических памятников древних русских городов»; они фигурировали и в других материалах, рассматриваемых Трибуналом. К тягчайшим преступлениям против культуры было отнесено разрушение и расхищение сокровищ всемирно известных императорских дворцов — музеев Павловска, Царского Села, Петергофа, Гатчины. В выступлениях советских обвинителей, показаниях свидетеля И.А. Орбели — директора Эрмитажа перечислялись многочисленные факты колоссального урона, нанесенного великолепным архитектурным ансамблям⁹. Уточненные данные опубликованы в томах «Сводного каталога» культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны», который издается Министерством культуры РФ совместно с музейщиками с 1999 г.

На международном судебном процессе были приведены сведения об ущербе, причиненном нацистами Новгороду, Пскову, Смоленску, сохранивших до войны памятники древнерусского и мирового искусства XI-XII веков; церковного и гражданского зодчества (док. № СССР-50)¹⁰.

Советская сторона представила суду сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о разрушениях города Смоленска и расправах нацистов над мирными гражданами (док. № СССР-56)¹¹. По указанию германского военного командования и оккупационных властей были уничтожены культурно-исторические памятники нашего народа, связанные с жизнью и творчеством великого русского поэта А.С. Пушкина в Пушкинском заповеднике (док. № СССР-40), всемирно известного писателя Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, выдающегося композитора П.И. Чайковского в Клину¹².

Здесь уместно привести приказ командующего 6-й германской

⁹ Нюрнбергский процесс ... Т. 3. С. 538, 543-546, 587-589.

¹⁰ Там же. С. 546-547.

¹¹ Там же. С. 549.

¹² Там же. С. 540-542; ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 367. Л. 1-12.

армией генерал-фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке», в котором указывалось: «Никакие исторические и художественные ценности на Востоке не имеют значения»¹³.

Солдаты и офицеры вермахта руководствовались этим приказом и в России, и в Украине, и в Белоруссии. Потери Украины в сфере культуры отражены в специальном разделе выступления М.Ю. Рагинского «Разрушение и разграбление культурных и исторических ценностей и культурно-просветительных учреждений на Украине». Оно проводилось с не меньшей жестокостью, чем экономическое ограбление украинского народа. Стремление уничтожить славянскую культуру выразилось в планомерном уничтожении школ, вузов, научных учреждений, музеев, библиотек, театров. На суде цитировались сообщения Чрезвычайной государственной комиссии о разрушениях и зверствах в городе Киеве (док. № СССР-9), Сталинской области (док. № СССР-2), в городе Ровно и Ровенской области (док. № СССР-45), в Одессе (док. № СССР-47).

Агрессоры похитили из киевских библиотек свыше 4 млн книг, взорвали один из старейших центров украинской культуры – Киевский университет. Они разграбили величественный памятник славянских народов – Софийский собор, из которого вывезли 14 фресок XII века, драгоценную утварь и предметы культа¹⁴. Перечень можно продолжить.

О колоссальных утратах духовного наследия белорусского народа говорили в Нюрнберге судьи и обвинители от СССР, используя переписку генерального комиссара Белоруссии В. Кубе и А. Розенберга, немецкие и советские документы. В них речь шла об огромных размерах конфискаций, проводившихся штабом А. Розенберга, а также другими ведомствами в соответствии с приказами имперского руководителя СС рейхсминистра Г. Гимmlера, палача белорусского народа В. Кубе и военного командования. «Немецко-фашистские захватчики, пытаясь искоренить культуру белорусского народа, разрушали в Минске все культурно-просветительные учреждения., вывезли в Германию библиотеки Академии наук с фондом в 300 тысяч томов, Государственного университета, Политехнического института, научную медицинскую библиотеку... Гитлеровцы разрушили Белорусский государственный университет, ...Академию наук с 9 институтами., разрушили Государственные филармонию и консерваторию... Они уничтожили Государственную картинную галерею, а картины и

¹³ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 356. Л. 1-42; Нюрнбергский процесс... Т. 3. С. 528.

¹⁴ Нюрнбергский процесс... Т. 3. С. 550-556.

скульптуры русских и белорусских мастеров вывезли в Германию...» (док. № СССР-38)¹⁵.

Как отмечали во вступительной и заключительной речах на Нюрнбергском процессе главный обвинитель от СССР Р.А. Руденко, судьи из других стран, в планировании и исполнении общего плана заговорщиков принимал участие глава Министерства иностранных дел Германии И. фон Риббентроп. Для выполнения специальной задачи по его указанию в 1941 г. был создан «батальон особого назначения» при МИД, который в течение всей войны, следуя за передовыми частями, конфисковывал и вывозил в Третий рейх предметы культурного и исторического характера с оккупированных территорий. Руководил батальоном штурмбанфюрер СС барон фон Кюнсберг. Перед нападением на Советский Союз он прославился крупными реквизициями в Польше, Норвегии, Бельгии, Франции, на Балканах.

О формировании Кюнсберга на Нюрнбергском процессе стало известно из письменного заявления от 10 ноября 1942 г. штурмбанфюрера СС Норманна Фёрстера, взятого в плен частями Красной армии на Кавказе. Заверенный фотостат этого заявления был представлен Трибуналу (док. № СССР-157)¹⁶.

Подробно, на базе немецких архивных источников, деятельность подразделения Кюнсберга была освещена исследователем У. Хартунг в книге, опубликованной в 1997 г.¹⁷

Потери нашей страны в сфере культуры в 1941-1945 гг. огромны. В СССР разграблено 427 музеев и картинных галерей (в России – 173). Библиотеки утратили 200 млн книг. Разрушено и разграблено 1670 православных храмов, 237 католических церквей, 532 синагоги¹⁸. Среди перемещенного на Запад – живописные полотна первоклассных русских и зарубежных мастеров, иконы, антиквариат, предметы религиозного культа, археологические, естественно-научные коллекции и т.д. Безвозвратно пропал целый пласт национальной культуры.

Следует отметить, что потери российского духовного наследия были бы меньше, если бы не действия коллаборационистов. История Второй мировой войны свидетельствует, что с этим явлением

¹⁵ Там же. С. 556-559.

¹⁶ Там же. Т. 3. С. 522-524; Т. 7. С. 217; ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 104. Л. 1012.

¹⁷ *Hartung U. Raubzüge in der Sowjetunion. Das Sonderkommando Kunsberg. 1941-1943.* Bremen, 1997.

¹⁸ *Мазурицкий А.М.* Книжные собрания России и Германии в контексте реституционных процессов. М., 2000. С. 54; Нюрнбергский процесс... Т. 1. С. 133-134.

пришлось столкнуться практически всем странам, территории которых подверглись оккупации со стороны Германии и ее союзников. *Международный трибунал осудит коллаборационизм.* Сейчас предпринимаются попытки в странах Балтии, в Украине вывести пособников фашистов из сферы юридического и морально-политического осуждения.

На Нюрнбергском процессе М.Ю. Рагинский показал, используя официальные доклады правительств Чехословакии, Польши, Югославии, как конкретно осуществляли гитлеровцы свои преступные планы в Восточной Европе. Факты разрушения чешской культурной жизни, искоренения чешской интеллигенции дополнялись статистическими данными.

В Польше также проводилась ликвидация национальной культуры в широких масштабах и с исключительной жестокостью. Уничтожалась польская интеллигенция, закрывались учебные заведения, запрещалось издание книг на родном языке, реквизировались предметы искусства, взрывались национальные памятники. Обвинитель огласил соответствующие выдержки из доклада Польского правительства, представленного Трибуналу (док. № СССР-93).

Нацистские «эксперты» отбирали книги для отправки в Берлин, неподходящие – уничтожались. Университетские библиотеки в Кракове и Варшаве были расхищены. Первым сокровищем искусства, которое было вывезено из Польши, был известный алтарь Вита Ствоша из Краковского собора. 16 декабря 1939 г. генерал-губернатор оккупированных польских территорий Г. Франк издал приказ о конфискации произведений искусства. Установлено, что подсудимый Г. Франк, расхищая шедевры Польского государства, преследовал и цели личной наживы. Картины, фарфор и другие ценности из разграбленных музеев Варшавы и Кракова, в частности, из Вавельского замка, были переправлены в имение Г. Франка¹⁹.

В Югославии уничтожение национальной культуры народов фашисты проводили различными методами, используя уже богатый опыт, приобретенный в других оккупированных странах. Проводилась германизация «аннексированных» районов Словении, грабеж и уничтожение учреждений культуры и науки в Сербии. На суде цитировалось сообщение Югославской государственной комиссии (док. № СССР-364): «...гитлеровцы до основания разрушили народную библиотеку в Белграде, сожгли сотни тысяч книг и рукописей – основной фонд сербской культуры; полностью уничтожили 71 и частично – 41 научный институт и лаборатории Бел-

¹⁹ Нюрнбергский процесс ... Т. 3. С. 532-534.

градского университета, до основания уничтожили Государственную академию художеств, сожгли и разграбили тысячи школ»²⁰.

Заканчивая свое выступление во Дворце правосудия в Нюрнберге, М.Ю. Рагинский сказал: «Преступления подсудимых против культуры действительно ужасающи по своим последствиям. Хотя и с огромными усилиями, но можно отстроить новые города и села, разрушенные гитлеровцами. Можно восстановить фабрики и заводы, взорванные и сожженные ими. Но навсегда потеряны для человечества неповторимые произведения искусства, которые гитлеровцы варварски уничтожили...»²¹.

Трибуналу были представлены улики и доказательства вины фашистов в причинении ущерба культуре западноевропейских народов, в том числе в выступлении французского обвинителя Ш. Жертоффера в разделе «Разграбление произведений искусства». В нем сказано: «...кампании грабежа проводились систематически и по определенному плану. При этом применялись различные методы. Акты произвола со стороны отдельных лиц могли осуществляться только в той степени, в какой они содействовали выполнению планов, разработанных нацистскими руководителями еще до июня 1940 года... Стремление присвоить произведения искусства, так же как и материальные богатства, являлось одной из основ национал-социалистической захватнической политики...»²².

В нарушение Гаагской конвенции 1907 г. был издан приказ о захвате как общественной, так и частной собственности. Ш. Жертоффер огласил копию приказа, направленного начальником штаба Верховного командования вермахта В. Кейтелем генералу фон Боккельбергу – военному губернатору Парижа 30 июня 1940 г. (док. № РФ-1301): «Фюрер, после получения доклада министра иностранных дел, издал приказ о конфискации, помимо предметов, имеющих историческую ценность, находящихся во владении Французского государства, также предметов искусства, исторических ценностей, которые принадлежат частным лицам, и в особенности евреям»²³.

Аналогичные меры не замедлили последовать в Голландии и в Бельгии, а также в Люксембурге. В приказах фюрера и начальника штаба Верховного командования вооруженными силами не было введено разграничение функций и полномочий между гражданами и военными немецкими учреждениями. Поэтому между ними происходили соперничество и конфликты.

Там же. С. 536-537.

Там же. С. 566-567.

Там же. С. 568-569.

Там же. С. 570.

Обвинитель Жертоффер огласил приказ подсудимого Г. Геринга от 5 ноября 1940 г., изданный в Париже и расширяющий сферу деятельности оперативного штаба А. Розенберга (док. № РФ-1309). После захвата памятников культуры была проделана большая работа по их инвентаризации, составлению каталогов, размещению их в определенных местах, тайниках. Произведения искусства свозились в музеи Же-де-Пам и Лувр в огромном количестве. Во Франции были разграблены музеи Нанта, Нанси, Старого Марселя, частные коллекции большой ценности Ротшильдов, А. Канна, Д. Вейльда, Л. де Бенциона, братьев Зелигман и др. В результате исчезли сокровища Рафаэля, Ван Дейка, Рубенса, Рембрандта, Ватто, Гольбейна. Из этой страны было вывезено также 550 тыс. книг. В Голландии были расхищены богатые библиотеки первопечатных экземпляров и рукописей²⁴.

Статистические данные о масштабах конфискаций художественных произведений содержались в неоднократно упоминавшемся на суде, в том числе в Приговоре, документе – докладе д-ра Р. Шольца, возглавлявшего штаб «Изобразительное искусство» в ведомстве А. Розенберга (док. № РФ-1323). В нем указывается, что за период с марта 1941 г. по июль 1944 г. этот штаб отправил в Империю 29 больших партий грузов, 137 вагонов с 4100 ящиками первоклассных произведений живописи и скульптуры²⁵.

Огласив имевшиеся в распоряжении обвинителей доказательства, включая сведения из доклада Р. Шольца, французский представитель сделал вывод: «Этих нескольких цифр достаточно, чтобы поддержать от имени стран Западной Европы обвинение против штаба Розенберга в расхищении ценностей... Хищения, которые производились на протяжении веков теми или иными завоевателями, ни в какое сравнение не идут с разграблением, которое осуществляли подсудимые...»²⁶.

На заседаниях Международного военного трибунала была разоблачена фашистская версия о том, что целью конфискации исторических и художественных памятников, библиотечных и архивных фондов была их охрана и сохранение. В заключительных речах главных обвинителей от США, Великобритании, Франции и СССР она была решительно отклонена. В их выступлениях назывались имена подсудимых, участвовавших в крупномасштабных акциях для пополнения собственных коллекций. В результате приобретений Г. Геринг владел «крупнейшей коллекцией, если не в

²⁴ Там же. С. 572-573, 578.

²⁵ Там же. Т. 1. С. 132; Т. 3. С. 578; Т. 7. С. 390.

²⁶ Там же. Т. 3. С. 579.

Европе, то, по крайней мере, в Германии»²⁷.

Международный военный трибунал признал виновными в грабеже духовного наследия европейских наций высших чинов Третьего рейха и вермахта, таких как Г. Геринг, А. Розенберг, И. Риббентроп, Г. Франк, М. Борман, В. Кейтель, К. Дённиц, Э. Редер и А. Йодль. Установив вину элиты Германской империи в преступлениях против мира и человечности, в военных преступлениях, в том числе против культуры, МВТ вынес суровый Приговор подсудимым. В Нюрнберге победила правда и справедливость.

Суд народов – событие мирового уровня. Оно имеет большое значение в истории XX века. Устав и Приговор и сегодня служат мировому сообществу. Постановления, материалы Нюрнбергского процесса следовало бы шире использовать при современном решении проблемы культурных ценностей, перемещенных в результате Второй мировой войны. Эта тема, казалось бы, ушедшая в прошлое, вновь возникла в конце XX столетия. Она отрицательно влияет на взаимоотношения между Германией и Россией. Порой происходит размывание граней между агрессором и жертвой агрессии. Германская сторона настойчиво добивается возврата немецких ценностей, вывезенных в СССР в порядке компенсаторной реституции. Нередко, к сожалению, «забывают» иностранные коллеги и политики о том колоссальном уроне, который был нанесен России, ее культурному достоянию. При решении существующей проблемы необходимо использовать как нормативно-правовые акты, так и жесты доброй воли. Текущие годы наполнят исторический опыт новой практикой международного сотрудничества в сфере культуры.

²⁷ Там же. Т. 3. С. 527; Т. 7. С. 172, 179.

НЮРНБЕРГ-2: О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ СУДЕ НАД СПОНСОРАМИ НАЦИЗМА

С Дворцом правосудия в Нюрнберге, где 60 лет назад заседал Международный военный трибунал, связана одна символическая деталь: в зале «600», запечатленном в кадрах старой кинохроники, оказывается, до сих пор вершится правосудие, выносятся приговоры по особо тяжким преступлениям. Как же могло случиться, что тогда «по горячим следам» победы над гитлеровским фашизмом Суд народов в Нюрнберге ограничился вынесением справедливого приговора главным военным преступникам и отступил перед теми, кто стоял за их спиной и являлся их спонсорами и покровителями – крупными промышленниками и финансистами. Невольно на память приходят слова автора бессмертной «Человеческой комедии» О. де Бальзака: «Закон – это паутина, сквозь которую пролезают крупные мухи и застревает мелюзга».

Разумеется, нацистские главари не были «мелюзгой» и их ответственность за кровавые преступления была полностью доказана в ходе 407 заседаний Нюрнбергского трибунала. Но все-таки по большому счету им была отведена роль статистов на подмостках истории, за спиной которых стояли куда более крупные фигуры из международных деловых кругов, ускользнувшие от ответственности. Британский министр иностранных дел Эрнст Бевин в связи с этим признавал в 1947 г., что «только мелкая рыбешка попала под суд»¹.

Тем не менее, хотя международный «Нюрнберг-2» и не состоялся, сама постановка вопроса в ходе процесса о причастности «большого бизнеса» к преступлениям нацистов и подготовке Второй мировой войны имеет исключительно важное значение, как с точки зрения более полного прочтения одной из самых трагичных глав истории XX века, так и извлечения уроков для современности.

Между тем, история учит, что большой бизнес только тогда конструктивен и социально ответственен, когда ему противостоит сильное гражданское общество, построенное на верховенстве за-

¹ Bower T. Blind Eye to Murder. Britain, America and Purging of Nazi Germany – A Pledge Betrayed. London, 1981. P. 252.

она и демократических принципах. В поствеймарской Германии эти факторы, как известно, отсутствовали. Там в тугой узел сплелись власть больших денег, человеконенавистническая идеология симбиоза криминальных кругов, объединившихся в целях осуществления авантюристической, агрессивной политики.

И все-таки, что помешало государствам-победителям, когда, казалось бы, все козыри были у них на руках, не говоря уже об антифашистски настроенном мировом общественном мнении, по отношению к ~~бизнесменам~~ ~~полсудимых~~ ~~вслед за главарями Третьего рейха~~ в «капитанов» большого бизнеса, создавших военную машину гитлеровцев и активно участвовавших в ограблении народов Европы? Кстати говоря, награбленные капиталы, надежно спрятанные в рубезжом, как известно, после войны вернулись в ФРГ, когда «страсти» денацификации улеглись и в значительной степени обеспечили успех так называемого «немецкого экономического чуда». Получается, что одним из последствий несостоявшегося суда над силами, вскормившими фашизм, явилась легализация награбленных капиталов, их возвращение в послевоенный финансовый оборот и по сути дела «отмывание» грязных и кровавых денег в масштабах, не имевших прецедента в истории.

Сопоставление архивных материалов, как советских, так и стран-союзников СССР по антигитлеровской коалиции, позволяет догадываться, почему «был спущен на тормозах» «Нюрнберг-2», несмотря на имевшееся первоначальное взаимопонимание союзников о важности его проведения.

Во-первых, по мере нормализации послевоенной обстановки и возвращения к отношениям в духе «business as usual» после разгрома главного европейского конкурента США и Великобритании в лице гитлеровской Германии, возобладала корпоративная солидарность международного бизнеса и его тесная связь с госаппаратом своих стран. В Лондоне и Вашингтоне укреплялось мнение «не раскачивать лодку» в условиях набиравших силу разногласий с Советским Союзом. Начавшийся в Нюрнберге международный процесс уже показал, что могут «всплыть» самые нелицеприятные и компрометирующие факты из довоенных досье, контролировать обнаружение которых было по сути дела практически невозможно. При этом в западных столицах боялись, что игра пойдет «в одни ворота», так как было ясно, что ее площадкой станут черные дела германских магнатов в кооперации с корыстными интересами англо-американского капитала, к которым государственно-административная система Советского Союза, по вполне понятным причинам, не имела никакого отношения. Тем более, что основной конкурент был к этому времени повержен и прощён, и до-

бывать «лежачего» считалось контрпродуктивным.

Другой причиной, возможно, являлось отсутствие необходимой настойчивости и последовательности со стороны советской дипломатии и советского обвинения. Судя по имеющимся материалам, судебное преследование фюреров экономики нацистского рейха не входило в число первоочередных задач СССР на процессе. Не было даже четко сформулированного обвинительного заключения в их адрес. Советская сторона в то время, скорее всего, не располагала достаточно полными сведениями о масштабах довоенного делового сотрудничества германских промышленников с их партнерами в США и Великобритании и ограничивалась в основном выдвиганием обвинений в адрес наиболее одиозных главарей военной экономики Третьего рейха.

Ситуация в чем-то напоминала призывы наказать «торговцев смертью» после Первой мировой войны, которые, как известно, скоро сошли на нет. Нюрнбергская юриспруденция явно оказалась не готова поднять тему такого масштаба и сложности, как преследование экономических пособников геноцида, агрессии, войны и насилия, которые непосредственно не участвовали в зверствах и военных преступлениях. Спору нет, сформировать четко обвинения в их адрес, установить преступные связи и мотивы действий, разработать систему неопровержимых доказательств было делом куда более сложным, чем обвинить главных военных преступников, чьи руки были по локоть в крови. Беспомощность обвинения в этой части проявилась уже в известном американском меморандуме от 30 апреля 1945 г., который лег в основу Устава Трибунала. В нем говорилось о «главных нацистских лидерах и их основных пособниках». В самом Уставе в разделе II (Юрисдикция и общие принципы) ничего не говорилось о промышленниках или финансистах. Лишь в объяснительной записке советской стороны к проекту Устава отмечалась важность расследования «финансовых махинаций» нацистов на оккупированных территориях. Юрисдикцией трибунала, согласно меморандуму американского судьи С. Розенмана, весьма туманно объявлялось «рассмотрение дел руководителей европейских держав и их соучастников»².

Все это порождало чувство неудовлетворения в общественном мнении, особенно среди переживших фашистскую оккупацию европейских народов, испытавших на себе гитлеровский «новый порядок». Нужны были громкие имена среди фабрикантов оружия – пособников нацистской агрессии. Президент США Г. Трумэн, чувствуя настроения общественности, требовал от главного американ-

² АВП РФ. Фонд 082 (Референтура по Германии). Оп. 32. П. 68. Д. 1.

ского обвинителя на процессе Р. Джексона осудить «хотя бы одно-го немецкого(!) промышленника». «Козлом отпущения» должен был стать престарелый Густав Крупп – имя нарицательное, крестный отец «Большой Берты», обстреливавшей еще во время Первой мировой войны с расстояния почти в 100 км Париж. Характерно, что в справке о местонахождении политических и военных руководителей гитлеровской Германии, фигурировавшей на процессе, из 39 чел. денежную олигархию Германии представлял только один Крупп фон Болен, захваченный в плен американскими войсками в середине апреля 1945 г. Как оказалось, это был сын старого Круппа – Альфред. Вокруг имени старика Круппа разыгрался самый настоящий фарс.

Когда его нашли в своем поместье в Австрии и хотели вручить Обвинительное заключение, то оказалось, что 75-летний пушечный король был фактически недееспособен. Он лежал в постели в полубабытии и не понимал, чего от него хотят. Вскоре стало ясно, что произошла судебная ошибка. Случайная или преднамеренная – до сих пор остается загадкой. Американцы имели в виду Альфреда Круппа, который вел дела отца на протяжении многих лет, а англичане внесли в официальный список Густава, что якобы прошло мимо внимания сотрудников американского обвинителя. Дальнейшие события просто трудно расценить иначе, как комедию.

Советское обвинение, судя по архивным материалам, не имело ничего против того, чтобы посадить на скамью подсудимых невиняемого Круппа. В практике А.Я. Вышинского, который дирижировал обвинением на так называемых «московских процессах» и был координатором действий советского обвинения в Нюрнберге, были случаи и потруднее. 27 октября 1945 г. он обратился к Г.М. Маленкову с просьбой откомандировать в Нюрнберг трех врачей Лечсанупра Кремля на 10-15 дней в связи с необходимостью провести психиатрическую экспертизу Круппа, Гесса и Функа. 6 ноября 1945 г. Крупп был освидетельствован консилиумом врачей – специалистов из четырех стран, включая представителей СССР – профессоров Сеппа, Куршакова и Краснушкина, которые заключили, что «больной страдает размягчением мозга..., его умственное состояние таково, что он не в состоянии понимать судебный процесс и понимать или участвовать в допросе, не может быть перемещаем без опасности для жизни и можно ожидать только ухудшения в дальнейшем». И в заключение: «Он никогда не будет способен умственно или физически предстать перед Международным военным трибуналом».

Можно сказать, что в Москве Вышинский на заключение врачей отреагировал словами позднее известного киногероя «Торо-

питься не надо!». Он дает указание А.А. Соболеву, начальнику Политического отдела Советской военной администрации в Германии (СВАГ): «Прошу передать в строго секретном порядке экспертам: «Надо задержаться. Твердо отстаивать свое мнение. Если возникнут разногласия в этом отношении и затруднения, окончательное заключение отложить и уведомить нас»³.

Но было уже поздно. Врачебная этика одержала верх над отцом формулы «признание обвиняемого – царица доказательств». Опыт московских процессов мало чем мог пригодиться в Нюрнберге. Правда, «дело Круппа» не закончилось с признанием недееспособным главы семейства. В конце концов, согласно несудебной логике, так ли уж было важно, кого сажать на скамью подсудимых – сына или отца. Причастность обоих к преступлениям нацистов была более чем очевидна. Но такому антиправовому подходу решительно воспротивилась англо-саксонская фемида с той лишь разницей, что американцы проявляли большую покладистость, чем англичане.

Еще 24 октября 1945 г. Р. Джексон телеграммой уведомляет главного советского обвинителя Р.А. Руденко: «Представители службы Трибунала по обвинению Круппа сообщают, что с последним случился удар паралича и он не может быть ни перевезен, ни судим. Думаю, что дело в отношении его может быть прекращено. Наше положение было бы абсурдным, если бы вели дела против других промышленников и не включили представителей

промышленности. Считаю, что немедленно должно состояться совещание обвинителей в Нюрнберге для того, чтобы решить вопрос о том, изменять ли обвинение. Это должно быть сделано немедленно или будет иметь место задержка с началом процесса». Джексон предлагал провести встречу обвинителей в Нюрнберге в пятницу 26 октября.

Еще не успев начаться, работа Трибунала грозила осложниться из-за разногласий между основными участниками. Ясно было, что дело Альфреда Круппа следовало вывести в отдельное судопроизводство, а не пытаться делать вид, что произошло досадное судебное недоразумение. На этом особенно настаивали законопослушные англичане. «Речь идет о судебном деле, – настаивал главный обвинитель от Великобритании Хартли Шоукросс, а не об игре, в которой заболевшего участника можно заменить другим»⁴.

Однако советская сторона, продолжая настаивать на простой корректировке обвинительного заключения путем изменения имен

³ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 30. П. 13. Д. 2. Л. 5-7.

⁴ Там же.

⁵ Дарништедт Т. Суд народов // «Профиль», № 40 (50), октябрь, 2006.

в нем, в итоге оказалась с самого начала процесса в ситуации близкой к изоляции. Разногласия вскрылись в ходе заседания главных обвинителей 15 ноября 1945 г. Обсуждался и вопрос об Альфреде Круппе, однако, решения никакого не было вынесено. Вот что докладывали по ВЧ из Нюрнберга Вышинскому: «Все члены трибунала, в том числе и американцы, кроме нас (подчеркнуто мною — А.Б.) против механического включения Альфреда Круппа в список обвиняемых по первому процессу. Англичане вообще против предания суду Альфреда Круппа. Французы за то, чтобы судить Альфреда Круппа, но для этого считают необходимым составить отдельное обвинительное заключение. Если будет решено рассматривать его дело совместно с остальными обвиняемыми, то французы считают, что процесс необходимо отложить не менее чем на 30 дней»⁶.

Учитывая, что сравнительно частный вопрос грозил осложнить начало Нюрнбергского процесса, назначенного на 20 ноября, советская сторона решила отступить и проявила тактическую гибкость, предложив подготовить новое обвинительное заключение по делу Альфреда Круппа и предоставить на ознакомление с ним обвиняемому две недели. Американцам и французам это предложение понравилось, но англичане продолжали возражать.

На следующий день, 16 ноября, состоялось новое заседание Комитета обвинителей, в результате которого тремя голосами против одного (Англия) было принято следующее решение:

- а) выделить дело Густава Круппа и привлечь к суду Альфреда Круппа;
- б) отложить начало судебного процесса до 2 декабря.

Особенно непримиримо в отношении немецкого «пушечного короля» повело себя французское обвинение. Имя Круппа давно стало во Франции нарицательным. Пик выпуска танков на его заводах был достигнут в начале 1945 г., и производство пришлось остановить лишь из-за отсутствия железнодорожных составов для отправки танков на фронт. Как следовало из шифротелеграммы политического советника Главноначальствующего СВАГ В.С. Семенова из Берлина на имя Вышинского от 19 ноября, французы требовали обнародования предложенного ими обвинительного заключения против Альфреда Круппа. «Французы хотят судить А. Круппа сейчас же и требуют, чтобы был объявлен специальный обвинительный акт против Альфреда Круппа, после чего слушать дело против главных военных преступников и против Альфреда Круппа одновременно, как бы в виде двух дел. Англичане заявля-

⁶ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 30. П. 12. Д. 2. Л. 3.

ют, что они готовы объявить публично о том, что Англия работает над делом Круппа, но это дело будет слушаться позднее»⁷.

Вопрос запутывался все больше и больше и грозил сорвать начало Нюрнбергского процесса и завести всю работу Трибунала в тупик. Учитывая это, советская сторона вновь проявила тактическую гибкость и, по предложению заместителя главного обвинителя от СССР Ю.В. Покровского, согласилась поддержать англичан, тем более, что требовалось время, чтобы подготовить обвинительные документы против Альфреда Круппа.

Столкнувшись с общим фронтом СССР, США и Великобритании, французам не осталось ничего другого, как уступить, чтобы не оказаться виновниками срыва начала работы Трибунала.

Начавшийся 20 ноября 1945 г. процесс продолжался 218 дней. Были рассмотрены 2630 документов, представленных обвинителями, заслушаны 270 свидетельских показаний, потребовалось 5 млн листов бумаги, чтобы размножить письменные документы на четырех рабочих языках процесса. И чем глубже обвинители и судьи вникали в чудовищные преступления нацистов, тем, сильнее у многих из них возникало естественное чувство неудовлетворенности незавершенностью обвинения и выпадением из него, по сути дела, всей закулисной стороны гитлеровской агрессии, ее истинных пружин и движущих сил. Хотя в числе главных военных преступников фигурировали «финансовый гений» Третьего рейха Яльмар Шахт и имперский министр вооружений Альберт Шпеер, промышленные и финансовые магнаты Германии и их заокеанские партнеры по довоенному бизнесу не собирались делить ответственность за преступления нацистов.

До определенного момента в Лондоне и Вашингтоне руководствовались чувством мести к довоенным конкурентам из числа деловых тузов стран оси, особенно гитлеровской Германии, которые «повели себя» не по-джентльменски и нарушили законы свободной конкуренции, прибегнув к военной силе преступного государства.

По сути дела в результате этого произошел насильственный передел рынков, собственности и сфер влияния в пользу германского бизнеса. Вся Европа превратилась в колоссальный рынок сбыта для германской промышленности и источник дешевой рабочей силы и сырьевых ресурсов для нее, не говоря уже о прямом ограблении европейских народов.

Поэтому всю войну в Лондоне и Вашингтоне думали о том, как пожестче наказать конкурента, нарушившего правила честной

⁷ Там же. Л. 5.

конкуренции. В части американской политической элиты к этому добавлялся и шок, вызванный имевшимися сведениями об осуществлении гитлеровцами широкомасштабного геноцида еврейского населения, так называемого «окончательного решения», получившего после войны название «Холокоста», осуществление которого происходило на новейшей технической основе, созданной германской промышленностью.

Именно в США был разработан и долгое время оставался руководством к действию «план Morgenthaу», названный так по имени министра финансов США. Он предусматривал послевоенную деиндустриализацию Германии и расчленение ее на ряд «пасторальных» государств. По сути дела, речь шла о возвращении к добисмарковской Германии, представлявшей собой рыхлый союз или унию зависимых государств.

На Каирской конференции (1943 г.) Ф. Рузвельт и У. Черчилль состязались в своей кровожадности и высказывались в том духе, что необходимо «на месте» расстреливать нацистских преступников без суда и следствия. Черчилль вообще считал, что надо просто расстрелять первую сотню нацистских главарей. На второй Квебекской конференции (1944 г.) Черчилль и Рузвельт договорились о «немедленной ликвидации» главарей рейха. Черчилль мрачно шутил, что готов проявить великодушие, сократив время от обнаружения преступников до их расстрела с 1 до 6 часов. В октябре 1944 г. во время своего визита в Москву он затронул тему наказания нацистских главарей в беседе со Сталиным. Информирова Рузвельта о своих переговорах в Москве, британский премьер с удивлением сообщал: «Дядя Джо неожиданно повел себя сверх респектабельно». Мол, «не должно быть никаких казней без суда, иначе мир решит, что мы боимся процессов». Я указал на трудности в международном праве, но он повторил, что не должно быть смертных приговоров без суда»⁸, – телеграфировал Черчилль в Вашингтон.

Вероятно, отголосками этих настроений в ходе процесса в части наказания зарвавшихся конкурентов, доставивших столько бед англичанам, явился ключевой документ в форме памятной записки, переданный 15 февраля 1946 г. британским обвинителем сэром Хартли Шоукроссом в советское посольство в Лондоне. Документ, прежде всего, исходил из того, что следовало разгрузить Трибунал и передать дальнейшие процессы над военными преступниками непосредственно в соответствующие оккупационные зоны, где они содержались или где совершили преступления. Англичане собира-

⁸ Bower T. Op. cit. P. 82, 84.

лись сделать это, как указывалось, в течение последующих месяцев. Этот принцип передачи преступников для суда «на местах», кстати говоря, через много лет был взят за основу в работе Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), когда обвиненные в геноциде и преступлениях против человечности передавались под национальное законодательство стран – бывших республик Югославии, в частности, в Боснию и Герцеговину для суда, чтобы разгрузить МТБЮ.

Из этого документа следует, что англичане торопились завершить работу Международного военного трибунала, но создавали впечатление, что за первым процессом должен последовать «Нюрнберг-2» для суда над немецкими промышленниками и что, мол, точку ставить еще рано. В частности, Х. Шоукросс предлагал советской стороне рассмотреть вопрос, «следует ли нам по окончании происходящего сейчас Нюрнбергского процесса провести в МВТ, учрежденному согласно Уставу от 8 августа 1945 г., следующий процесс над главными военными преступниками». Однако на деле англичане склонялись к тому, что это не стоило делать. Видимо, за этим уже тогда стояли планы западных союзников «спустить на тормозах» денацификацию в своих зонах, что стало очевидным в последующие месяцы. Достаточно сказать, что половина назначенных американцами чиновников во вновь созданное министерство юстиции в американской зоне оккупации Германии являлись бывшими членами нацистской партии и подлежали аресту. Как отмечает американский историк Том Боуэр, «американская зона стала подлинным раем для военных преступников»⁹.

Поэтому переданная Шоукроссом памятная записка имела своей целью, скорее всего, найти выход из деликатной ситуации и заручиться поддержкой СССР. Недаром в ней далее говорилось: «Однако многое можно сказать за проведение следующего процесса Международного трибунала, направленного в основном, если не исключительно, против немецких промышленников. Сейчас встает вопрос, сможем ли мы достичь соглашения между 4 государствами». Англичане рассматривали идею о «Нюрнберге-2» в практической плоскости, предлагая договориться о месте его проведения, Уставе и, как подчеркивалось, особенно о председателе.

Нюрнберг, по их мнению, и на этот раз, чисто по техническим причинам (помещение, жилищные условия и т.д.), перевешивал Берлин. «Если второй процесс должен начаться очень скоро по окончании первого, то, я думаю, ввиду общих соображений удобства и эффективности перевешивает весьма сильно Нюрнберг. С

⁹ Ibid. P. 239.

другой стороны, я вполне понимаю, что поскольку Берлин является местом пребывания Трибунала, СССР может захотеть провести второй процесс там», — как бы размышлял Шоукросс.

Далее англичанин доверительно сообщал, что у США имеются «сильные притязания» на то, чтобы их представитель был председателем Трибунала во время второго процесса. Но, учитывая тот факт, что американцы несли основную административную и организационную нагрузку по процессу и что эта нагрузка была значительной, британская сторона давала понять, что она ничего не имела бы против американского председательствa. «Можем ли мы договориться относительно этого?», — прямо ставил вопрос Шоукросс.

В заключении он предлагал следующее: «Возможно, что для четырёх заинтересованных государств будет приемлемым уполномочить своих главных обвинителей в Нюрнберге разрешить эти вопросы, и было бы желательным, чтобы у нас было какое-нибудь общее принципиальное соглашение, которое могло бы послужить основой для обсуждения на Нюрнбергском процессе»¹⁰.

В советских архивах не удалось обнаружить никакого следа реакции на этот документ и, скорее всего, ее не было и вообще. В то время в советской дипломатии была принята практика оставлять нередко на входящем документе резолюцию «без ответа». Объяснение этому весьма простое: над Нюрнбергским процессом начали стучаться тучи надвигающейся холодной войны. Февраль — март 1946 г., когда разногласия между СССР, США и Великобританией стали все чаще, особенно после фултонской речи У. Черчилля, выходить на публичный уровень, явились водоразделом и в работе Нюрнбергского процесса. Любопытная деталь из дипломатической каждодневной практики тех месяцев. 7 декабря 1945 г. Вышинский принял в Москве английского посла Арчибальда Кларка Керра, который поинтересовался впечатлениями замнаркома о Нюрнбергском процессе, «в частности, дружно ли работают обвинители». Ответ был положительным. «Я ответил ему утвердительно», — говорится в советской записи беседы о реакции Вышинского¹¹. А 14 марта 1946 г. посольство США в Москве направляет в НКВД резкую по тону ноту, в которой выражалось недовольство тем, что ряд советских должностных лиц прибыли в Нюрнберг в «американскую зону», не имея соответствующих документов на въезд¹². Раньше подобным фактом никто не стал бы придавать значение. Теперь же советской стороне их приходилось принимать во вни-

¹⁰ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 32. П. 178. Д. 1. Л. 18-19.

¹¹ Там же. Оп. 30. П. 1. Д. 5. Л. 8.

¹² Там же. Оп. 28. П. 3. Д. 2. Л. 12.

мание, задумываясь о месте проведения второго Суда народов.

Атмосфера сгущалась не только вокруг, но и в ходе самого процесса. Каждая сторона из числа государств-победителей имела свои «скелеты в шкафу». И процесс начинал напоминать «ящик Пандоры», из которого могли выйти на поверхность любые нелицеприятные факты. Для Запада это была вся предвоенная политика «кумиротворения» агрессоров с ее центральным болевым узлом — «Мюнхенским сговором», и корыстные деловые связи западных корпораций с верхушкой германского бизнеса по укреплению военной машины нацистов.

Для Советского Союза уязвимыми можно было считать события, связанные с подписанием пакта Молотова—Риббентропа и секретных протоколов к нему и, особенно, трагедию Катыни. Весьма квалифицированная защита главных военных преступников быстро нащупала эти уязвимые места в советском обвинении. Поэтому советское обвинение проявляло большую бдительность в связи с этими вопросами и стремилось работать на опережение. В записке Молотова Сталину об указаниях Руденко от 16 октября 1945 г., например, говорилось о том, что «не следует в обвинительном заключении допускать того или иного политического толкования событий». Любопытно, что нарком предлагал заменить в этом документе слова «вождь», «вожди», «вождизм» на прижившиеся в русском языке немецкие слова «фюрер», «фюрерь» и даже «фюрерство». Двумя днями раньше в записке Молотову его первый заместитель Вышинский бдительно предложил в «обвинительном акте по делу 24» использовать слово «всеобъемлющий» вместо слов «тоталитарный»¹³.

Особое беспокойство наркома, судя по архивным документам, вызывал пакт с немцами 1939 г., вошедший в историю под его именем. Он хотел избежать любых возможных намеков или ссылок на него в контексте основных событий, предшествовавших развязыванию Второй мировой войны, в частности, нападению гитлеровцев на Польшу и вскоре последовавшей за ним военной акции Советского Союза, довершившей распад польского государства. Его тревожили, в частности, такие пассажи в проекте соглашения о создании Международного военного трибунала, предложенного американцами, как осуждение «вторжения или угрозы вторжения». В записке Сталину он выражал несогласие и с другим тезисом — «участие в общем плане или мероприятии, направленном к установлению господства над другими нациями».

Хотя даже в закрытых документах вещи не назывались своими

¹³ Там же. Оп. 28. П. 1. Д. 3. Л. 2.

именами, суть их от этого не менялась. В той же записке Молотов докладывал вождю свое мнение: «Мы считаем, что эти крайне неопределенные формулировки дают возможность признать международным преступлением и военные мероприятия, проводимые в качестве обороны против агрессии». При этом Молотов, хорошо понимая, что говорит на одном языке с тем, кому докладывал, все-таки осторожничал и занимался словесной эквилибристикой. Он приводил тот аргумент, что вторжение «наших» (читай советских - А.Б.) и англо-американских войск в Германию «нельзя рассматривать в качестве преступления». По его предложению, эти абстракции с осуждением «вторжения» и «агрессии» вообще можно было принять только при указании на фашистскую агрессию. Нарком отмечал, что советскому представителю в Лондоне были даны указания решительно возражать против указанных пунктов, однако, англичане и американцы настойчиво добивались их сохранения, а французы их в этом поддерживали. «Прошу Ваших указаний», - запрашивал мнение Сталина нарком¹⁴.

Для Лондона и Вашингтона, между тем, это был вопрос принципа. Осуждение войны и агрессии в качестве преступления против человечества в развитие идеи довоенного пакта Бриана-Келлога было тем, ради чего и затевался, по их мнению, Нюрнбергский процесс. Тема геноцида звучала, по мнению многих современных юристов, куда скромнее и приглушеннее. В английском Форин Офис, когда из сообщений Московского радио узнали, например, о трагедии Бабьего Яра, скептически расценили это как «продукт славянского воображения». Английский министр иностранных дел А. Иден в связи с этим говорил, что его не интересуют «военные преступления» (*war crime business*). Во всяком случае, Сталин не разделил в полной мере озабоченности Молотова и из-за «войны формулировок» не захотел затягивать начало работы трибунала. Судя по всему, между главными участниками довоенной политики, объединившимися с началом войны в антигитлеровской коалиции, до определенного момента действовало «по умолчанию» согласие не трогать болевые точки друг друга и сосредоточиться на ключевой задаче трибунала - осуждении военных преступников и совершенных ими преступлений.

Сложнее для советского обвинения складывалась ситуация с трагедией польских офицеров, расстрелянных на Смоленщине. Сказав «а», надо было говорить «б». Советская версия Катыни, озвученная в разгар войны в 1943 г., была включена в качестве одного из пунктов злодеяний нацистов в Обвинительное заключение

¹⁴ Там же. П. 2. Д. 1. Л. 5.

ние Нюрнбергского трибунала. По этому вопросу несколько раз заседала специальная правительственная комиссия по руководству Нюрнбергским процессом под председательством Вышинского, которая рассматривала различные тактические ходы советского обвинения на заседаниях трибунала. Однако ситуация стала складываться не в пользу Советского Союза. 20 апреля 1946 г. Семенов докладывал Вышинскому после очередной схватки на процессе: «Со стороны защиты не исключены дальнейшие попытки вылазок против СССР, ибо трибунал довольно «благосклонно относится к этому»¹⁵.

Это был сигнал, который ясно говорил Кремлю, что в обстановке усиливающейся напряженности в отношениях с США и Великобританией процесс становился непредсказуемым и грозил скомпрометировать руководителей Советского государства. В этой ситуации на заседании Правительственной комиссии по руководству Нюрнбергским процессом 24 мая 1946 г. был принят проект письма И.Т. Никитченко членам Международного военного трибунала «об ускорении проведения Нюрнбергского процесса»¹⁶. Попытки продвинуть советскую версию катынской трагедии еще по инерции продолжались, но в Кремле понимали бесперспективность этого.

Совсем по другим причинам процесс, выражавший дух единства стран-участниц победившей антигитлеровской коалиции, становился в тягость для западных держав. Единство уступало место расколу между вчерашними союзниками. Побежденная Германия рассматривалась в качестве новой опоры в борьбе с коммунизмом, и ее промышленный потенциал принимался в расчет при восстановлении Европы с привлечением американского капитала («план Маршалла») и мощи германских корпораций. В Америке росло стремление покончить с «позором» Нюрнберга. Американский главный обвинитель Р. Джексон, роль которого так идеализируется в США в качестве «непреклонного борца с нацизмом», был очень восприимчив к этим сигналам. В мае 1946 г. он подготовил меморандум для заместителя министра обороны США Р. Паттерсона, в котором высказался против «проведения нового процесса». «Я считаю, что мало, что может быть достигнуто с нашей американской точки зрения и слишком много подвергнуто риску». Что же конкретно? «У меня также есть немалые сомнения, — продолжал Джексон, — в отношении продолжительной публичной атаки, направленной против частной промышленности, которая может по-

¹⁵ Там же. Л. 12.

¹⁶ Там же. Л. 18.

мешать деловому сотрудничеству с нашим правительством в под-
держании должной обороны в будущем, в то время как совсем не
ослабит советскую позицию, так как они не основываются на ча-
стном предпринимательстве...»¹⁷.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы мнение Джексо-
на было по достоинству оценено в Вашингтоне. 6 августа 1946 г.,
видимо, после ряда бюрократических согласований, Паттерсон
сообщил американскому обвинителю, что не может быть и речи о
том, чтобы позволить русским судить промышленников ввиду, –
как подчеркивалось, – многочисленных связей между германскими
и американскими экономиками до войны, так как это создаст вели-
колепную возможность скомпрометировать США в ходе процес-
са»¹⁸. Когда госсекретарь США Дж. Бирнс встретился в Лондоне 3
сентября 1946 г. со своим английским коллегой Э. Бевиным, он
чистосердечно признался, что главным аргументом против нового
процесса была яростная оппозиция со стороны руководителей
американского бизнеса.

Между тем историческая драма под названием Нюрнбергский
трибунал вступала в заключительную фазу – вынесение Пригово-
ра. Советское обвинение добивалось высшей меры наказания для
всех главарей гитлеровской Германии, выделенных в группу глав-
ных военных преступников, включая организаторов военной эконо-
мики Шахта и Шпеера. 18 сентября 1946 г. «тройка» в лице про-
курора СССР К.П. Горшенниина, начальника главного управления
военной контрразведки В.С. Абакумова и помощника главного
обвинителя от СССР Л.Н. Смирнова направила свои предложения
А.Я. Вышинскому о мерах наказания, будучи наслышанными о
сильных колебаниях среди судей в отношении вынесения приго-
вора Шахту и Шпееру. В документе говорилось: «Шпеер – надо
настаивать на обвинении по всем разделам и требовать смертной
казни. Доводы: а) имперский министр осуществлявший общую
политику Гитлера; б) вооружал германскую армию средствами
уничтожения при осуществлении фашистских разбойничьих напа-
дений на мирные народы.

Шахт – ни в коем случае не соглашаться с судьями. Надо бук-
вально ультимативно требовать полного обвинения Шахта и при-
менения смертной казни.

Доводы: а) Шахт прямо помогал Гитлеру прийти к власти; б) он
организовал финансовую поддержку фашистов, включив в это не-

¹⁷ См.: *Higham Ch. Trading with the Enemy. An Expose of the Nazi-American Money Plot. 1933-1949. New York, 1983. P. 115-116.*

¹⁸ *Ibid. P. 232. См. также: Walden G. How Hitler Lost a Demented Wager Made in Money, Guns and Blood. Bloomberg, 2006.*

мецких капиталистов; в) Шахт организовал и осуществлял финансирование агрессии Германии против других стран; г) ссылки Шахта на якобы отход его от Гитлера и уход в оппозицию материалами дела не подтверждены и являются желаемым предположением тех, кто пытается спасти Шахта...»

Авторы документа настаивали, чтобы член МВТ от СССР Иона Тимофеевич Никитченко добивался осуществления этих указаний и их принятия «различными способами, умело перетягивая на свою сторону колеблющихся членов суда и убедительно разбивая мнения не согласных с нашей точкой зрения».

В противном случае, считали авторы документа, если с советскими предложениями не будут соглашаться, несмотря на все усилия, то «надо твердо дать понять, что такого приговора мы не подпишем и вся ответственность за это ляжет на партнеров»¹⁹.

Увы, поставленная задача – максимум оказалась не по силам советскому представителю в Трибунале. Слишком мощные силы развернули активность за кулисами. Судя по тому, как смело, если не сказать вызывающе, вели себя перед судьями Шпеер и Шахт, они понимали, что их довоенные партнеры по бизнесу не дадут их в обиду. Один из американских следователей на процессе Ф. Адамс свидетельствовал, что на английского судью Джеффри Лоуренса сильное давление оказал специально прибывший в Нюрнберг управляющий Английским банком Монтегю Норманн, известный «умиротворитель» гитлеровской Германии и довоенный приятель Яльмара Шахта. «Мы считали, – повествовал Адамс, – что Норманн убедил Лоуренса, что банкиры не могут быть преступниками»²⁰. В итоге Шахт – «финансовый гений Третьего рейха, как известно, был оправдан «за отсутствием улик».

Заступничество англичан помогло сласти от виселицы и Альберта Шпеера. Судья Лоуренс не скрывал, что был поражен «честностью» и «интеллектом» подсудимого и потребовал для него всего лишь 10 лет тюрьмы. Лишь под сильным давлением со стороны советского члена трибунала Шпеер в конечном итоге был приговорен к 20 годам заключения, что рассматривалось как уступка англичан и американцев Советскому Союзу. Зато глава Трудового фронта простоватый Ф. Заукель, непосредственно подчиненный Шпееру, получил сполна и не избежал виселицы.

Так была подведена черта под преступлениями нацистских главарей. 16 октября 1946 г. для 10 из них смертный приговор был приведен в исполнение в спортивном зале тюрьмы Дворца право-

¹⁹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 32. П. 2. Д. 3. Л. 9.

²⁰ Bower T. Op. cit. P. 347.

судия в Нюрнберге. В Кремле, где сходились все нити большой политики, поступили разумно, согласившись с Приговором и зафиксировав лишь для истории особое мнение судьи Никитченко по поводу оправдания судом Шахта, Палена и Фриче, сохранения жизни Р. Гессу, отказа от признания германского правительства, верховного командования и генштаба вермахта преступными организациями. Значение Нюрнберга в мировой истории это, разумеется, не могло сколько-нибудь принизить. Что касается «Нюрнберга-2», то к этой теме вчерашние союзники, надолго разведенные холодной войной, по вполне понятным причинам, уже больше никогда не возвращались.

ПРАВО НА ЗАЩИТУ НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ (историко-философский аспект)*

Неумолимо течет время. Прошло уже 60 лет с тех памятных событий, которые послужили первопричиной нашей конференции. Международный военный трибунал над лидерами фашистского рейха, без сомнения, является одним из величайших событий в истории человеческой цивилизации. По своему масштабу и значимости его можно сравнить разве что с величайшими вехами в истории человечества, которые фундаментально меняли весь уклад жизни и на долгие годы вперед задавали импульс развитию цивилизации.

Вторая мировая война кардинальным образом изменила общественное сознание в пользу безусловного признания приоритета и наивысшей ценностью человека как уникального самобытного феномена, являющегося центральной фигурой всего эволюционно-го процесса, происходящего на Земле.

Долгое время люди полагали, что разрешение споров при помощи силы есть явление столь же обыденное и естественное, как снег, дождь, ураган или землетрясение. Более того, участие в войне во все времена и у всех народов считалось самой почетной публичной деятельностью. Если обратить внимание на патриотические символы любого народа, то мы увидим, что большую их часть составляют герои войн и полководцы, отстаивавшие интересы своего народа. Они восхваляются в литературе, о них слагаются легенды, на их примере воспитывается молодое поколение. Участие в войне, и принадлежность к армии вообще, приветствовалось как свидетельство патриотизма и благородства.

История знает сравнительно небольшие временные отрезки, когда на Земле не шла война, и то они памятны скорее из-за отсутствия реальной информации о проходивших в разных концах нашей планеты войнах, а не действительным их отсутствием. Даже сего-

* Точка зрения автора данной статьи по ряду вопросов не разделяется редакторами издания, особенно в тех случаях, когда она не подкреплена доказательной базой.

дня мы не можем похвастаться тем, что война как инструмент общественных отношений изжита человеком. И свидетельств тому хоть отбавляй: это и Ирак, и Палестина, и Сомали, и Юго-Восточная Европа. Каждый раз агрессор находит множество объективных причин, чтобы оправдать свои бесчеловечные действия. Искоренение войны как формы бытия – это на сегодняшний день первостепенная задача человеческой цивилизации. Не решив ее, мы будем обречены на вымирание.

Любая война – это беда. Беда как для того, кто подвергся нападению, так и для самого агрессора. Человечество прошло долгий исторический путь, обогранный реками людской крови, чтобы осознать всю бесперспективность разрешения конфликтов силой, а соответственно и абсолютную ценность человеческой жизни. Вторая мировая война, ставшая апогеем мирового процесса индустриализации, породившего непримиримые противоречия между различными геополитическими центрами, принесла неисчислимые страдания всем ее участникам. Она кардинальным образом изменила законы и обычаи ведения войны, стала точкой отсчета новой эпохи – эпохи глобализации. После Второй мировой войны человечество впервые ощутило себя единым целым. Понимание этого единства пришло через осознание перспективы всемирной катастрофы, которая может произойти в будущем с учетом стремительного развития науки и техники, а следовательно, и способов уничтожения себе подобных.

Помня о том, что тот, кто забывает уроки истории, обречен на прозябание, мы должны самым тщательным образом исследовать те значимые события, которые и по сей день не только не утратили своей актуальности, но и заставляют нас снова и снова возвращаться к ним, давая богатую пищу для размышлений.

Безусловно, таковым является Международный военный трибунал, осудивший германский нацизм в лице тех, к сожалению, немногих лиц, которые предстали перед судом.

Перед государствами-победителями стояла непростая задача: необходимо было впервые в мировой истории не просто покарать агрессора и тем самым совершить акт возмездия, но и в пример будущим поколениям заложить традицию цивилизованного разрешения даже такой архисложной миссии.

Моя задача по освещению деятельности защиты в ходе процесса представляется весьма не простой. Ведь годами складывались стереотипы отношения к адвокатам, участвовавшим в Суде народов, да и особенность самого Нюрнбергского процесса – все это создало определенную атмосферу, научную и общественную, при оценке роли защиты в Нюрнберге.

Готовясь к прошедшей конференции, я обратился к большинству известных в России исследований по интересующей нас теме, в поисках материалов защиты. К моему большому удивлению, я не нашел ни одной работы отечественных ученых, которая бы ее касалась. Как правило, деятельность защиты оценивалась вскользь, без глубокого анализа и тем более без ссылок на материалы самой защиты. Впервые речи защитников были опубликованы в восьмитомной издании документов Нюрнбергского процесса в 1998 г. под редакцией Н.С. Лебедевой, но и в этом случае, это была скорее попытка заполнить историческую брешь, чем стремление познать доселе не познанное.

Находясь под бременем стереотипов, сложившихся в советской методологии при исследовании МВТ, большинство авторов совершенно однозначно исходило из того, что деятельность адвокатов не заслуживает внимания, так как она была направлена на дезавуирование процесса, на защиту любой ценой заведомых преступников.

Наиболее четко такое отношение к деятельности защиты было выражено уже в одном из первых советских изданий сборника документов МВТ группой авторов во главе с главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе Р.А. Руденко.

Так, в издании 1954 г. авторы посвятили деятельности защитников пять страниц, тогда как только первый том содержит более тысячи страниц, а сами материалы Государственного архива РФ содержат около четырех тысяч листов документов защиты, переведенных на русский язык.

Наибольшее внимание в этом издании было уделено речи адвоката, профессора права доктора Германа Ярайсса, помощника защитника А. Йодля. Характеристика выступления адвоката Ярайсса весьма примечательна и полностью определяет отношение составителей сборника и официальную точку зрения на сам процесс и на место в нем защиты.

Авторы пишут: «...Несмотря на декларацию Ярайсса о “чисто научной задаче” его защитительной речи, она преследовала весьма практические цели: попытаться оспорить нормы Устава и отвести меч правосудия от главных немецких военных преступников... В том же духе выступали и другие адвокаты»¹.

К сожалению, такая оценка сохранилась у большинства исследователей, по крайней мере, в России она присутствует и по сей день.

¹ Нюрнбергский процесс (сборник материалов) Том I, Изд. второе, исправленное и дополненное под редакцией Горшенина К.П. (главный редактор), Руденко Р.А. и Никитченко И.Т. М., 1954. С. 461-464.

обрасывая все рассуждения, которые могут иметь место по осам процессуальной состоятельности как правоустанавливающих документов Нюрнбергского трибунала, так и самого проа, обязан отметить, что соблюдение права на защиту, которое декларировано в Уставе трибунала, закреплено в его Регламенте было реализовано непосредственно в ходе суда, свидетельств о высокой степени легитимности процесса. Право на защиту осуждимого посредством приглашения в качестве защитника непрофессионального юриста превратилось из права суверенных новых систем в международную норму, определяющую степень илизованности и эффективности суда. Следует заметить, что право на защиту» на тот момент с таким объемом процессуальх гарантий и возможностей не существовало не только в судах етского рейха, но их не знала и буржуазная юстиция во многих адных странах.

В ходе подготовки к процессу страны-участники антигитлеровой коалиции не сразу пришли к единому мнению относительно ожности самого процесса, не говоря уже об обеспечении осуждимым права на защиту.

Не было твердой уверенности в необходимости судебной процедуры при наказании главных военных преступников и у руководящих политических деятелей США. За казнь без суда выступали государственный секретарь США Корделл Хэлл, председатель Верховного суда США Х.Ф. Стоун, министр финансов Г. Моргану и сам президент США Ф.Д. Рузвельт².

Некоторые французские политические деятели также высказались за казнь без суда и, в частности, представитель Национального комитета Сражающейся Франция в СССР Р. Гарро³.

Не удивительно, что этой точки зрения длительное время придерживались и некоторые государственные деятели, искренние противники фашизма. Многим из них такое решение казалось весьма радикальным. Ведь суд – это спор между обвинением и защитой о том, виновен или не виновен подсудимый. Но какие могут быть споры по поводу виновности нацистских главарей? Чтобы избежать бесполезной траты времени, говорили они, не более ли целесообразно, избегая упреков в лицемерии, расстрелять гитлеровское правительство на основании согласованного административного акта?⁴

Госдепартамент США, отстаивавший наиболее мягкие условия оккупации Германии, занял довольно негативную позицию в во-

² См.: Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975. С. 61.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 62.

просе о наказании военных преступников. В меморандуме комитета по послевоенной программе Госдепартамента от 5 августа 1944 г., в числе прочего, говорилось:

«Можно сказать в критику советского подхода, что победителям не будет гарантирована необходимая юридическая основа для таких мер, как наказание военных преступников...»⁵.

Приблизительно в это же время в ходе подготовки к встрече Ф. Рузвельта с У. Черчиллем в Квебеке был разработан один из наиболее развернутых и важных английских документов по вопросу наказания главных военных преступников – меморандум лорда-канцлера Англии Д. Саймона от 4 сентября 1944 г. Он был составлен по поручению военного кабинета и одобрен последним.

Допуская возможность пленения военных преступников, Д. Саймон категорически заявил, что «метод судебного процесса, обвинения и юридического приговора совершенно не подходящ для ведущих и наиболее злонамеренных лидеров, таких как Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс и Риббентроп. Помимо огромных трудностей, связанных с созданием суда, формулированием обвинения и сбором доказательств, вопрос об их судьбе – политический, а не юридический»⁶.

Противники наказания главных военных преступников стран оси выдвигали много других аргументов, из которых наиболее распространенными были следующие:

1. События международной политики не могут быть предметом юридических решений, а поскольку война – средство политики, то к уголовной ответственности за ее развязывание привлекать нельзя.

2. Принципы «*nolumus crimen sine lege*» и «*ex post facto*», т.е. что в 1939 г. агрессивная война не считалась еще международным преступлением и, следовательно, привлечение к уголовной ответственности тех, кто развязал Вторую мировую войну, было бы нарушением этих основных принципов права.

3. Доктрина государственного акта, в соответствии с которой все действия, предпринятые от имени государства, не подлежат суду третьего государства, доктрина, исходящая из признания абсолютного суверенитета государства, не связанного никакими нормами международного права.

4. Принцип иммунитета глав государств, в соответствии с которым глава государства мог быть осужден лишь национальным судом.

5. Преступное действие, совершенное в соответствии с прика-

⁵ Там же. С. 67.

⁶ Там же. С. 68

и начальника, не может рассматриваться как преступление.

В результате получался замкнутый круг – глав государств су-
сть нельзя, у них иммунитет, правительство и военное командо-
вание действовали от имени государства – следовательно, непод-
удны, а все остальные преступники действовали в соответствии с
приказами и также не отвечали за свои действия.

Следует отметить, что последовательно за судебный процесс
над главными военными преступниками выступал СССР, по край-
ней мере, у нас нет ни одного официального документа с иной по-
зицией.

Решение о проведении судебного процесса реализовывалось
посредством принятия Устава МВТ и Регламента, где «право на
защиту» нашло свое закрепление в юридических нормах.

Так, Уставом право на защиту декларировано Статьей 23, кото-
рая гласила: «Функции защитника могут выполняться по ходатай-
ству подсудимого любым адвокатом, имеющим право выступать
на суде в его родной стране, или любым другим лицом, которое
будет специально уполномочено на это Трибуналом».

Определяя порядок исследования доказательств в статье 24,
полномочия защиты определялись следующим образом:

d) Трибунал опрашивает обвинителей и защитников, имеются
ли у них и какие ходатайства о представлении доказательств, по-
сле чего Трибунал выносит определение по этим ходатайствам;

e) допрашиваются свидетели обвинения, а затем свидетели за-
щиты, после чего обвинители или защитники представляют такие
доказательства в опровержение доказательств, представленных
другой стороной, какие Трибунал признает допустимыми;

f) Трибунал может в любое время задавать любые вопросы лю-
бому из свидетелей и подсудимых;

g) обвинение и защита допрашивают и могут подвергать пере-
крестному допросу любого свидетеля и любого подсудимого, ко-
торый дает показания;

h) защитник произносит защитительную речь;

i) обвинитель произносит обвинительную речь;

j) каждый из подсудимых вправе выступать с последним сло-
вом.

Развивая продекларированное Уставом «право на защиту», Рег-
ламент определил и расширил его Правилom № 2. Согласно которому:

«Каждый из обвиняемых имеет право на защиту», согласно которому:

себя или быть представляемым адвокатом. Ходатайство о представ-
лении определенного адвоката должно быть незамедлительно пред-
ставлено Генеральному Секретарю Трибунала – Дворец Юстиции,

Нюрнберг, Германия. Трибунал назначит защитников для тех обвиняемых, которые не заявили ходатайства о допущении определенного адвоката, или когда названные ими адвокаты не могли в течение 10 дней приступить к защите, и если обвиняемый не выразил в письменной форме своего желания самолично вести свою защиту. Если обвиняемый назвал определенного адвоката, которого невозможно немедленно найти или который не может немедленно приступить к защите, то такой адвокат может впоследствии принять участие в защите совместно с адвокатом, назначенным судом, или вместо него, при условии, что (1) только один адвокат может защищать одного обвиняемого, если нет специального разрешения Трибунала на защиту двумя адвокатами, и (2) что вследствие такой замены не будет задержки процесса».

Правило № 4 определяло порядок вызова свидетелей и истребование документов, где права защиты также были скрупулёзно учтены. В нем указывалось:

«а) Защита может обращаться к Трибуналу с ходатайством о вызове свидетелей или истребовании документов путем письменного заявления Генеральному Секретарю Трибунала....

б) Если свидетель или документ не находятся на территории, контролируемой союзными оккупационными властями, Трибунал может просить Подписавшуюся Сторону и дружественное Правительство озаботиться доставкой, если это возможно, любых таких свидетелей и таких документов, которые Трибунал найдет необходимым для надлежащего осуществления защиты.

с) Если свидетель или документ находятся на территории, контролируемой союзными оккупационными властями, и если заявление поступило до начала судебного процесса, Генеральный Секретарь должен передать заявление главным обвинителям и при отсутствии возражения с их стороны должен послать вызов такому свидетелю или истребовать такой документ, докладывая Трибуналу о принятых им мерах.

В случае возражения хотя бы одного из главных обвинителей против вызова свидетеля или истребования документа или когда процесс уже начался, Генеральный Секретарь должен передать заявление Трибуналу, который решит, подлежит ли ходатайство удовлетворению...

е) По ходатайству обвиняемого Генеральный Секретарь Трибунала должен передать обвиняемому переведенные на понятный для него язык копии тех документов, на которые есть ссылка в обвинительном заключении, поскольку они могут быть представлены главными обвинителями...»

За месяц до начала процесса каждому из обвиняемых было вручено Обвинительное заключение на немецком языке; каждый обвиняемый имел защитника — немецкого адвоката, в большинстве случаев выбранного по его желанию, причем многие из защитников были в прошлом членами нацистской партии, что, тем не менее, не стало препятствием для их участия в процессе. Подсудимым была предоставлена возможность давать объяснения Трибуналу, ходатайствовать о вызове свидетелей и истребовании документов, подвергать допросу свидетелей обвинения, выступить перед судом с последним словом после заключительных речей обвинителей.

Трибуналом был подготовлен список из 44 адвокатов, услугами которых могли воспользоваться подсудимые. Им было дано время и возможность посоветоваться с родными относительно выбора защитника.

Подсудимых защищали 27 адвокатов, которым помогали 54 ассистента-юриста и 67 секретарей. В составе защиты оказалось много известных германских адвокатов, таких как: Г. Ярайсс, Р. Дикс, О. Штамер, Ф. Экснер, О. Кранцбюллер и др. Защите были предоставлены «документальная» комната и центр информации, где были сосредоточены книги, газеты, журналы и другие печатные материалы. Сюда же прокуратура передавала по 6 экземпляров тех документов, которые она предъявляла суду в качестве доказательств. Открывая процесс, лорд Лоуренс заявил: «Трибунал весьма удовлетворен мерами, предпринятыми Главными обвинителями для того, чтобы защита получила доступ к многочисленным документам, на которых основывается обвинение, с целью предоставить обвиняемым полную возможность справедливой защиты».

Секретариат Трибунала, в свою очередь, многое сделал для доставки тех свидетелей и документов, которые намеревались предъявить суду адвокаты. Были удовлетворены ходатайства о вызове 61 свидетеля защиты, а 143 лицам направлены опросные листы. Кроме того, по делу преступных организаций дали показания 101 свидетель защиты перед уполномоченными высокого суда, 22 — перед самим Трибуналом, 196 тыс. письменных показаний были резюмированы. Если на предъявление доказательств обвинения было израсходовано 74 дня, то защита заняла 134 дня.

Однако следует отметить и ряд существенных проблем, с которыми столкнулась защита при подготовке к процессу.

1. Защитники приступали к исполнению своих обязанностей с момента предъявления обвинения подсудимым, т.е. тогда, когда, собственно, защищаться уже поздно.

2. Защитники были ограничены, а часто и лишены, возможности работать с архивами и документами, которыми располагало обвинение. Один из адвокатов доктор О. Штамер в своей речи, выражая мнение всех защитников, заявил: «Обвинение имело возможность за несколько месяцев до начала процесса с большим аппаратом опытных сотрудников обследовать все учреждения и архивы внутри страны и за границей, а также допросить свидетелей. Таким образом, оно /обвинение/ было в состоянии представить Трибуналу огромный документальный материал. Трудность положения защиты усугубляется еще и тем, что англо-американским процессуальным нормам, которым подчинен этот процесс, чужда одна из норм немецкого уголовного права, по которой обвинение обязано доставлять и представлять доказательства, говорящие в пользу подсудимого. Поэтому и здесь обвинение, следуя тому принципу, что нельзя быть слугою двух господ, отказалось от представления Трибуналу опровергающего материала, который, безусловно, имеется в заграничных архивах. Для защиты те источники, которыми так успешно пользовалось обвинение, остались недоступны. Она /защита/ не имела права доступа в учреждения и архивы ...на предмет отыскания материала, которым можно было бы воспользоваться на данном процессе».

2. Защитники были ограничены в проведении перекрестного допроса свидетелей.

3. Многие ходатайства защиты о вызове свидетелей и приобщении материалов были отклонены Трибуналом, как не относящиеся к процессу и не имеющие существенного значения для дела.

Все это, безусловно, осложнило работу адвокатов. И все же мы можем говорить о большом вкладе защиты в соблюдение принципа справедливости при вынесении Приговора. Деятельность и выступления защитников можно критиковать, с ними можно не соглашаться, но полностью проигнорировать нельзя. Выступления защитников носили не только сугубо прикладной или процессуальный характер, но и научно-исследовательский. Выводы, которые предлагали защитники учесть при вынесении приговора, зачастую обескураживали Трибунал своей логической последовательностью и юридической выверенностью. Отмести их не представлялось возможным, а серьезно противопоставить что-либо Трибуналу не смог. Отсюда и позиция многих его участников со стороны обвинения: не втягиваясь в сложные научные дискуссии — просто их проигнорировать.

Следует отметить, что с политической точки зрения такая позиция себя полностью оправдала, однако многие правовые проблемы, поднятые защитой, не решены и по сей день. Международ-

ное сообщество, признав положения Устава и Регламента нормами международного права, на протяжении последующей истории предприняло большие усилия по усовершенствованию процедуры международного правосудия и норм материального права, лежащих в основе права на уголовное преследование лиц, виновных в военных преступлениях. «Право на защиту» получило наиболее полное и всестороннее развитие. Сегодня можно смело говорить о том, что «право на защиту» в том виде, в котором оно сформулировано в международных правовых актах, позволяет любому человеку, преследуемому по закону, активно защищаться и отстаивать свои права и законные интересы.

1 октября 1946 г. на последнем, 403-м заседании председателем Трибунала Приговор был объявлен каждому обвиняемому в отдельности. Суд приговорил к смертной казни через повешение главных военных преступников: Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Заукеля, Зейсс-Инкварта, Йодля, а также Бормана, дело которого было рассмотрено заочно.

К пожизненному заключению были приговорены Гесс, Функ, Редер.

Четверо подсудимых были приговорены к различным срокам тюремного заключения: Дениц – к 10 годам, Ширах и Шпеер – к 20, Нейрат – к 15 годам.

Шахт, Папен и Фриче были по суду большинством голосов оправданы.

Как видно из Приговора, деятельность защитников даже в такой сложной обстановке имела свой результат.

Однако остались открытыми правовые проблемы, поднятые защитниками подсудимых на Нюрнбергском процессе, а именно:

Профессор Герман Ярайсс

1. Вопрос о войне как форме человеческого бытия.
2. Проблема об обратной силе права.
3. Проблема возможности привлечения к ответственности государства или его лидера.
4. Проблема соотношения государственного суверенитета и завил и норм международного правопорядка.

Проблема соотношения демократических норм суверенного государства и реализация демократических принципов в международных институтах.

Доктор Отто Штамер

1. Проблема допустимости принципа правового позитивизма.

2. Проблема допустимости универсализации и навязывания образа жизни, морально-нравственных норм и обычаев суверенным народам и государствам (пангерманизм, панамериканизм...).

3. Проблема определения границ действия принципа: «все, что не запрещено законом – разрешено...»

4. Принцип аналогии (прецедента) в уголовном праве.

Доктор Зейдель

1. Соотношение политической целесообразности и права.

2. Проблема последствий международных санкций, наложенных на государства, нарушающие международные принципы. Причинно-следственная связь между санкциями и приходом радикалов к власти.

Доктор Фридрих Бергольд

1. Проблема заочного судебного разбирательства и приговора.

2. Проблема права обвиняемого лично присутствовать при предъявлении обвинения и в суде при допросе свидетелей, право возражать на предъявленное обвинение.

Сегодня мы живем в эпоху, которую некоторые называют эпохой глобализации, другие – постиндустриальным обществом. Совершенно очевидно, что развитие цивилизации все ближе и ближе подходит к тому рубежу, когда в силу естественных феноменов, помноженных на антропологический фактор, человечество фактически станет единым. К тому времени, когда это произойдет, вопрос войны и мира должен быть решен окончательно и бесповоротно, а право должно восторжествовать над политикой, в противном случае человеческая цивилизация уйдет в небытие.

ПРОТИВ ИСКАЖЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ИТОГОВ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

Когда говорят об искажении соответствующих итогов, не всегда сразу различишь, имеется ли в виду именно «искажение» или обычный «пересмотр» и «переписывание истории». В последнем случае показательны, например, слова министра иностранных дел России С.В. Лаврова: «Абсолютно неприемлемы предпринимаемые некоторыми политическими силами попытки переписать историю в угоду политической конъюнктуре, юридически обосновать территориальные претензии к России».

Но следует признать, что термин «искажение» тоже стал привычным, общеупотребительным применительно к данным «итогам» и потому не будем его избегать. Отметим лишь, что в таком случае речь идет, прежде всего, об итогах, связанных с территориальными изменениями в результате Второй мировой войны.

Территориальных проблем указанного рода накопилось довольно много. Из них затрону, в первую очередь, послевоенную польско-германскую границу¹. Опосредованно Россия также имеет отношение к ней.

Что касается советско-польской границы, то она стала заметно отличаться от предвоенной соответствующей границы, которая была отодвинута на запад к так называемой «линии Керзона», оставляя за СССР Западную Белоруссию и Западную Украину со Львовом и бывший Виленский край с г. Вильнюс (включен в состав Литовской ССР). Эти изменения были оформлены Договором о советско-польской государственной границе от августа 1945 года.

Польско-германская граница была проведена по линии рек Одер–Западная Нейсе с вхождением в состав Польши Померании с г. Штеттин (Щецин) и Силезии с г. Бреслау (Вроцлав). Частичное межгосударственное оформление эта граница получила в 1950 г. по договору между Польшей и ГДР.

С чем связано здесь определенное историческое и юридическое

¹ Подробнее см.: Жуков Г.П. Территориальные изменения в итоге Второй мировой войны: Польско-Германская граница на Одере и Западной Нейсе // *Международное право*. № 2 (22). 2005. С. 5-17.

«искажение» (поставим все же это слово в кавычки)?

Дело в том, что западные державы (в том числе ФРГ) эту границу не признали, несмотря на то, что на Тегеранской конференции 1943 г. Англия и США поддержали предложение СССР в отношении установления этой границы².

Франция с данной границей тоже согласилась, пусть несколько в иной форме: поддержала требование Польского комитета национального освобождения об установлении польско-германской границы на Одере и Западной Нейсе³.

США и Англия свою позицию в данном вопросе связывали с тем режимом, который будет установлен в Польше, а возвращение Польше ее западных земель истолковывали как компенсацию за «потери на Востоке»⁴.

«Специфический антифашистский и освободительный характер Второй мировой войны не мог не наложить определенного отпечатка не только на содержание, но и на правовую форму послевоенных территориальных изменений»⁵. Этот момент нашел свое выражение в том, что Польше были возвращены ее западные земли без наличия непосредственного правоотношения с Германией.

Воссоединение западных польских земель с Польшей было облечено в форму договора трех великих держав в пользу третьего государства — Польши, что вытекает из смысла п. «В» гл. IX Потсдамского соглашения, и, как полагают видные юристы, является справедливым⁶. Таким же образом, без непосредственных правоотношений с Германией, были возвращены Судетская область Чехословакии и Трансильвания Румынии. Причем эти изменения не следует связывать ни с ответственностью германского государства в принципе, ни с возмещением Польше «потерь на Востоке» (как утверждают отдельные западные юристы и политики). Не имеет это отношения и к, якобы, произошедшему «завоеванию» Германии, переходу ее суверенитета к оккупационным державам, которые и «подарили» Польше западные земли Германии.

После окончания войны многие годы западногерманская наука и политика отстаивали тезис о том, что до заключения мирного договора с Германией проблема послевоенных границ Германии (а, как следствие, и ее соответствующих соседей) остается откры-

² *Sherwood R. E.* The White House Papers on Harry Hopkins. Vol. II. London, P. 707, 776.

³ *Rhode G., Wagner W.* Quellen zur Entstehung der Oder-Neisse-Linie. Stuttgart, 1956. S. 158-161.

⁴ Жуков Г.П. Указ. соч. С. 7.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Там же.

той. До этого момента предлагалось ориентироваться на границы 1937 года.

Такая позиция противоречит обязательствам и договоренностям, достигнутым в Ялте и Потсдаме⁷.

Предположительно, решение территориальных вопросов должно было произойти после заключения мирного договора. Но последовавший вскоре раскол Германии на два государства, ГДР и ФРГ, помешал заключению такого договора. Вместе с тем, важное значение имеет тот факт, что ГДР признала установленную в Потсдаме польско-германскую границу на Одере и Западной Нейсе в правительственном заявлении от 12 октября 1949 г., что позднее (6 июня 1950 г.) сопровождалось соответствующей двусторонней декларацией о демаркации и (6 июля 1950 г.) межправительственным договором о демаркации⁸.

Тем самым и было выполнено условие Потсдамского соглашения об «окончательном определении» польско-германской государственной границы на Одере и Западной Нейсе.

Данная ситуация, в которой есть целый ряд «тонкостей», относится к числу тех, при которых «правомерным является прекращение состояния войны и урегулирование спорных вопросов, в том числе и территориальных, независимо от заключения мирного договора»⁹.

Напомним также, что еще в 1920 г. Польша и Чехословакия воевали из-за Тешинской Силезии, которую включили в территорию Польши. После Второй мировой войны Чехословакия настояла на противоправности «мюнхенских границ» и при поддержке СССР (что было немаловажно) добилась заключения польско-чехословацкого соглашения, по которому Тешинская Силезия сохранилась как часть территории Чехословакии. Сходная ситуация имела место в отношении Судетской области, которая была отторгнута от Чехословакии в соответствии с тем же соглашением 1938 г.

⁷ Это касается и того положения гл. VI Потсдамского соглашения, где говорится об окончательной передаче Советскому Союзу части бывшей Восточной Пруссии, ныне Калининградской области. И с аналогичными выводами. Конференция в Потсдаме согласилась с передачей Советскому Союзу города Кенигсберга и прилегающего к нему района в принципе. А тот факт, что «точная граница» подлежала дальнейшему исследованию экспертов, следует трактовать исключительно в техническом аспекте процесса демаркации.

⁸ См.: Zbiog Dokumentow. 1950, N. 8. S. 703-708.

⁹ Жуков Г.П. Указ. соч. С. 17. См. также: Поклад Б.И. Вопросы послевоенного устройства мира на Берлинской (Потсдамской) конференции // Международное право. № 2 (22). 2005. С. 187-194.

Следует упомянуть также о: передаче Чехословакией Советскому Союзу на основе советско-чехословацкого договора от 29 июня 1945 г. Закарпатской Украины (до 1938 г. она входила в состав Чехословакии, затем короткое время принадлежала Словакии, потом Венгрии); подтверждении Румынией прав СССР на владение Северной Буковиной (г. Черновцы) и Бессарабией по советско-румынскому договору 1940 г.; отмене в пользу Румынии решений венских арбитражей 1940 г., по которым Венгрия в свое время добилась от Румынии передачи ей Северной Трансильвании (последняя ранее перешла к Румынии по Трианонскому договору 1920 г.); сохранении в 1947 г. в составе Болгарии Южной Добруджи, которая была в 1940 г. отобрана Болгарией у Румынии (Болгария – единственная из союзниц фашистской Германии не утратила ни одной из своих довоенных территорий); восстановлении границ Венгрии по состоянию на 1 января 1938 г. с утратой значительных территорий, в том числе земель Воеводины, Трансильвании, части территории в районе г. Братиславы.

Соответствующие новации касаются территориальных изменений между Югославией и Италией, Грецией и Италией, Францией и Италией (по мирному договору с Италией 1947 г.), Германией и Люксембургом, Германией и Бельгией, Германией и Голландией, Францией и Германией (интересно, что лишь в 1948 г. на Лондонском совещании шести западных держав по Германии за Францией был признан контроль вплоть до 1958 г. над Саарской областью, которая впоследствии, по результатам проведенного референдума, вновь стала «германской»).

Ряд оставшихся от войны территориальных проблем не были разрешены в послевоенный период, порождая серьезные межгосударственные трения, часть которых сохраняется и в наши дни. Это споры (их часто называют «тлеющими»), касаются Македонии, границ Албании и некоторых других территорий.

Хельсинский Заключительный акт СБСЕ 1975 года, вроде бы, ставит юридическую точку в подобных вопросах, вводя принцип нерушимости границ и территориальной целостности государств. Государств, существующих в Европе на дату принятия Заключительного акта.

Но в жизни все гораздо сложнее. Приведем в качестве примера ту же Финляндию. Впервые после 1945 года визит Президента РФ В.В. Путина в Хельсинки сопровождался пикетами местного населения за возвращение Финляндии ее бывших земель (приграничных районов Ленинградской, Мурманской областей и Карелии). И это несмотря на то, что экономические и политические связи «Россия – Финляндия» носят максимально доверительный и взаимовы-

годный характер на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года.

Уместно, видимо, напомнить и то, что социологические опросы в Финляндии в 90-х годах показали, что свыше половины финнов являются сторонниками возвращения Суоми ее бывших восточных и северо-восточных земель. Возможно, путем выкупа. В 1999 году в некоторых СМИ Финляндии появился план «Карельская реформа» или «Про-Карелия», предусматривающий экономическое, а затем и политическое возвращение Суоми в ее бывшие земли, с выселением оттуда всех русских и русскоязычных жителей. А в 2000 г. тогдашний спикер финского парламента Р. Уосукайнен заявила, что возвращение земель Финляндии надо поставить в повестку дня Евросообщества.

Можно было бы подробнее остановиться и на этой ситуации, и на территориальных спорах на Дальнем Востоке, возникших после Второй мировой войны, и на ряде других сходных вопросах.

Но важнее общая концептуальная позиция в послевоенных территориальных вопросах. А она заключается в следующем.

В результате Второй мировой войны страны оси и их союзники понесли заслуженное возмездие. Со стороны же стран-победительниц это была освободительная война, заставившая их сплотиться друг с другом перед лицом общей опасности даже при наличии взаимных кардинальных противоречий. Человечество смогло осознать, что продолжать жить и взаимодействовать между собой по диким законам природы, и даже гораздо хуже, дольше нельзя.

И дело тут, как нам кажется, чаще всего не в психопатических отклонениях менталитета соответствующих карателей, а в ощущении ими некоей высшей миссии, выпавшей де на их долю в целях очищения человечества от всякого рода мусора, иными словами, «недочеловеков».

А Гитлер, кстати, был пронизан таким убеждением. Широкое распространение антисемитских и расистских взглядов в Германии во все времена в определенной мере способствовали появлению подобного «мессии» именно в этой стране перед Второй мировой войной¹⁰. Большинство немцев тогда были убеждены, что спасают европейскую культуру, сражаются против мирового зла в лице иудео-большевистских варваров. Не удивительно, что Гитлер уже в своей книге «Майн кампф» заявил, что существует наисвященное право человека заботиться о том, чтобы сохранять в чистоте кровь, создавать человекобожеские, совершенные существа, а не

¹⁰ См.: Дрожжин С. Призрак неонацизма. М., 2006.

«выродков, представляющих собой помесь человека и обезьяны». Задолго до начала агрессии против СССР Гитлер говорил одному из своих приближенных, Раушнингу: «Мы должны развить технику обезлюживания... Природа жестока, поэтому и мы можем быть жестокими... Я имею право устранить миллионы низших рас, которые размножаются, как черви».

Сочетание указанных факторов с унижительным положением Германии после окончания Первой мировой войны сделало неизбежным появление в Германии того времени «мессии – спасителя» Гитлера, который и не мог стать ничем иным, кроме того, чем стал к началу Второй мировой войны.

Гитлер внес свою «заметную лепту» в упомянутую кровавую всемирную и европейскую вакханалию: подписал приказы о медицинском умерщвлении умственно больных людей (в том числе – десятков тысяч немцев); о расстреле диверсантов союзнических армий, попавших в плен; о расстреле союзнических летчиков, принимавших участие в бомбардировках городов; о расстреле пленных советских комиссаров и т.п. Непосредственно перед началом Второй мировой войны были созданы быстродействующие препараты для умерщвления людей («Циклон-А» и «Циклон-Б»), сконструированы специальные газенагены (душегубки), мощные кремационные печи, машины для дробления человеческих костей, аппаратура для производства из них химических удобрений, разработаны особые методы выделки для промышленных целей человеческой кожи и т.п.

Все это являлось неотъемлемой частью государственной политики нового режима и хладнокровно заблаговременно планировалось.

Будущие жертвы агрессии оказывались фактически безвольными свидетелями разворачивающейся фашистской машины тотального уничтожения.

Некоторые историки сравнивают подписанный 23 августа 1939 г. советско-германский пакт о ненападении с Мюнхенским соглашением, полагая, что именно данный Пакт спровоцировал Вторую мировую войну. Это если не искажение, то явное преувеличение. Развязывание войны составляло интегральную часть идеологии фашизма. А поводом могло быть все что угодно. Война неизбежно началась бы вообще без всякого повода.

Чрезвычайно важным юридическим итогом войны явилось проведение Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками.

Как бы ни оценивать Нюрнбергский процесс (как и Токийский), который был судом победителей над побежденными, это –

важнейший международный форум, который символизировал завершение одной эпохи и начало другой. Завершение эпохи законов джунглей и фашизма и начало эпохи цивилизованных отношений; признание в Уставе ООН (еще до проведения процесса) принципов воздержания от применения силы (к сожалению, не запрета на ее применение), невмешательства во внутренние дела государств, суверенного равенства государств и др. – все это, наряду с прочим, юридические итоги Второй мировой войны.

Некоторые особенности в организации Трибунала не могут не обращать на себя внимания. Идея наказания за военные преступления была формализована 30 октября 1943 г. на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Декларации об ответственности гитлеровцев за совершенные ими зверства. Окончательное решение о создании международного трибунала было принято 8 августа 1945 г. путем подписания соглашения между Великобританией, СССР, США и Францией «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси». Неотъемлемой его частью стал Устав Международного военного трибунала.

Устав был, по оценке специалистов, «сверстан на скорую руку»¹¹. Но важно то, что он зафиксировал превосходство общих гуманистических норм над тем или иным конкретным правом, принципов международного права, которые вытекают из обычаев, принятых среди цивилизованных народов, из законов человечности и из велений общественной совести. Отметим, что в 1919 г. в сходной ситуации была предпринята попытка руководствоваться принципами международного права, которые вытекают из обычаев, принятых среди цивилизованных народов, из законов человечности и из велений общественной совести. Но тогда «новая эпоха» так и не наступила.

Чрезвычайно важно также, что учредившие Международный трибунал державы передали на его рассмотрение дела не только о преступниках – физических лицах, но и о преступных организациях: «охранных отрядах» гитлеровской партии (СС); тайной полиции – гестапо, «службы безопасности рейхсфюрера СС» (СД); руководящем составе гитлеровской партии; штурмовых отрядах (СА); имперском кабинете; генеральном штабе и верховном командовании гитлеровских вооруженных сил. Рассмотрение этих дел позволило вскрыть действие сложного и всеобъемлющего ме-

¹¹ Егоров С.А. Указ. соч. С. 278-284. О Трибуналах по Югославии и Руанде см.: Егоров С.А. Указ. соч. С. 284-298.

ханизма, который использовался нацистами для осуществления их планов. В этом смысле главный обвинитель от СССР Р.А. Руденко указывал, что это первый случай, когда перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и сделавшие самое государство орудием своих чудовищных преступлений.

«Нюрнбергское противодействие» этой «зверской составляющей» части человеческого общества должно было рано или поздно свершиться. Носители, как они считают, высокой миссии очищения человечества, сохранения чистоты крови «высших рас» должны понимать объективную закономерность и справедливость постигающего их возмездия.

Уроки Великой Отечественной войны, Нюрнберга многое дают для понимания данной темы¹².

Очень важно, что в Военной доктрине РФ четко сформулированы «Основные внешние угрозы», дан их практически исчерпывающий перечень. И в первую очередь названы «территориальные претензии к Российской Федерации».

Полагаю, что это вполне адекватная реакция на происходящие изменения в мире. После распада СССР западные (и не только) политики воспринимают Россию как аутсайдера, которому сильно повезет, если он в начале очередного тысячелетия сохранит свою государственность. Но и сохранив её, Россия, по их мнению, будет разбита на множество своего рода удельных княжеств, которые сегодня называются субъектами РФ и которые всё более обретают самостоятельность в решении целого ряда важных дел, традиционно относившихся к исключительной компетенции Федерации. А в этих условиях Запад предполагает, что ему легко будет вести самостоятельные внешние (особенно важно – в экономической сфере) сношения с каждым из таких субъектов, что, собственно, уже делается.

А уж если Россия начнет раздавать то, чем она и ее союзники приросли во время Второй мировой войны, то задача и вовсе упрощается.

Но следует в данном случае помнить о таком важнейшем факторе как российская державность, становление которого датируется окончанием монгольского ига¹³.

Сегодня интерес России, в отличие от большинства предыду-

¹² См.: Малеев Ю.Н. Начало Великой Отечественной войны – уроки для современного международного права и политиков // *Международная жизнь*. № 2 (22), 2005. С. 31-57.

¹³ США, Великобритания, Франция, Италия и некоторые другие западные страны такие же державники по своей сути. США – в особенности, демонстрируя сегодня пример вызывающего империализма.

ix столетий, базируется на острой потребности России в самосохранении и возрождении в новых условиях. С точки зрения государственного интереса Россия является страной модостаточной. Ей не нужны ни глобализация (мондиализм), ни унионализация, ни наднациональные подходы типа западно-европейской интеграции. Будь у России современные технологии и дековатная рабочая сила, она не нуждалась бы ни в ком вообще. И активно продолжая международное сотрудничество по вопросам экономики, науки и техники, Россия, в основном, попросту компенсирует этот недостаток. Сохранение же юридических говов Великой победы над фашистской Германией для нее

Власти в редакции 2000 года¹⁴

Внешнеполитическая концепция России в редакции 2000 года – концептуально отработанный документ именно под углом зрения национального государственного интереса. Военная доктрина РФ также призвана сыграть важную роль в деле обеспечения военной безопасности РФ с учетом реалий современной международной и внутрисударственной жизни. В последней Доктрине множество мест свидетельствует о безоговорочном переходе России к мышлению державным национальным государственным интересом. Это: положительная оценка поддержания на достаточном уровне российского военного потенциала, прежде всего потенциала ядерного сдерживания; отнесение к числу основных внешних угроз (кроме прочего) попыток игнорировать (ущемлять) интересы Российской Федерации в решении проблем международной безопасности, противодействовать её укреплению как одного из влиятельных центров многополярного мира; сохранение статуса ядерной державы при сохранении за собой права на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и (или) её союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях.

Вообще только в контексте национальных школ геополитики следует воспринимать российскую державность, которая также заставляет ее дорожить итогами Второй мировой войны. Соответствующие отдельные национальные школы, как утверждают исследователи, возникли в 80-е годы XIX – 40-е годы XX века в едином русле геополитической мысли.

Здесь можно назвать следующие школы геополитики: герман-

¹⁴ См.: Концепция внешней политики России // Международная жизнь. 2000, № 8-9. С. 3-13.

ская (оформилась первой), японская, итальянская, англо-американская, французская и, разумеется, российская. У каждой из них есть свои особенности¹⁵.

В XXI веке американская школа, похоже, выходит в лидеры в развитии геополитической науки. В этом плане сохранение юридических итогов победы над фашистской Германией отвечает и интересам США. Иначе станут возрождаться прежние геополитические центры силы. Россия, на мой взгляд, не в счет: с ней в конечном итоге ничего не поделаешь, и следует воспринимать как мирового партнера.

Формирующаяся европейская школа геополитики в некоторой мере перечеркивает негативные для отдельных европейских стран итоги Второй мировой войны. Но в позитивном смысле, имея в виду, что Европейский Союз, другие общеевропейские организации сплотили европейские страны в едином геополитическом союзе, ядром которого обычно называют в историческом плане практически невозможное франко-германское согласие. И в этом плане, в подобном коллективе, как бы компенсируются отдельные «недостатки», связанные с итогами Второй мировой войны.

Обоснование современной российской школой геополитики¹⁶ места России в мире, независимо от взглядов представителей различных направлений, не может не основываться на максимально возможном сохранении юридических итогов Войны.

Соревнование некоторых стран Балтии в своей неприязни к России под лозунгами «ликвидация последствий оккупации» и «восстановление исторической справедливости» порой переходит разумные границы. Так, в Таллине родилась даже идея потребовать от России в качестве «компенсации за нанесенный советской оккупацией экономический и экологический ущерб» в пользование Эстонии, кроме прочего, Новосибирскую область¹⁷.

¹⁵ Японская геополитика исходит из уникальности и неповторимости Японии с целью создать «Великую Японию», расширить японское геопространство до размеров «Великой Азии». Итальянская геополитика основана на апологетике экспансии фашистского правительства и прославления усилий по консолидации нации. Англо-американскую геополитику называют умеренной, не страдающей идеями рваншиа, но все же пронизанной духом колониализма, империализма и милитаризма. Французская геополитика, сложившаяся под влиянием франко-германского противостояния, развилась как антитеза германской.

¹⁶ Наиболее известные представители: Ивашов, геополитик-державник; Н. Мироненко, В. Колосов, К.Сорокин – геополитики либерал-демократического направления и др.

¹⁷ Кстати сказать, «под шумок» тогдашний премьер Италии С. Берлускони призвал к пересмотру итогов Второй мировой войны, потребовав от Хор-

Немаловажно отметить, что председатель Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПААСЕ) Рене ван дер Линден (Нидерланды) 14 апреля 2006 г. в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС заявил, что не может быть и речи о пересмотре итогов Второй мировой войны. Кроме прочего, он указал, что решения и постановления Международного военного трибунала в Нюрнберге окончательны и обжалованию не подлежат. Абсурдно, считает он, говорить о том, что можно «бороться за свободу» под знаменами коммунистов и в фашистской форме. Подобные утверждения – искажение истинной сущности тех ценностей, которые призваны защищать Совет Европы.

«Возлагать на русский народ вину за преступления сталинского режима столь же неоправданно и несправедливо, как и обвинять народ Германии в чудовищных преступлениях и жестокостях гитлеровского режима, – подчеркнул Рене ван дер Линден. – Я считаю, что Красная Армия воевала с фашизмом и защищала родину, а не сталинистские догмы. Советский народ боролся за выживание, за право на жизнь»¹⁸.

Но следует помнить слова и другого человека, Збигнева Бжезинского, который подчеркивал, что именно Германия является главным союзником США в создании нового мирового порядка и их «субподрядчиком» в Европе. В награду ей, якобы, обещана зона влияния, точно покрывающая ту, которая как раз и была предметом ее многовековых вожделений и «...может быть изображена в виде овала, на западе включающего в себя, конечно, Францию, а на востоке она охватывает освобожденные посткоммунистические государства Центральной и Восточной Европы – республики Балтии, Украину и Беларусь, а также частично Россию»¹⁹. В последнем случае имеется в виду граница российской территории почти до Волги.

Это уже начинает напоминать историю, случившуюся в 1915 г., когда 325 немецких профессоров подписали петицию своему правительству, в которой потребовали от него выдвинуть ультиматум, потребовав чтобы граница между Германией и Россией проходила по Волге. Похожие планы были и позднее²⁰.

вации выплаты компенсации итальянцам, изгнанным с Балкан в 1945–1947 гг., а также отмены ряда дискриминационных по отношению к ним законов. В Загребе опасаются, как бы теперь не зашла речь о возвращении территорий (Истрия, Риска и Далмация), перешедших в свое время под суверенитет Югославии.

¹⁸ <http://victory.tass-online.ru/?page=article&categID=1&part=18&aid=1553>

¹⁹ <http://www.nationalsecurity.ru/library/00010/00010part3d.htm>

²⁰ См.: *Независимая газета*. 3 марта 1998 года.

Уверен, что ничему подобному не бывать. И юридические итоги Великой Победы над фашистской Германией в основе своей никогда не будут пересмотрены (за исключением второстепенных, исторически объяснимых корректив объективного порядка). Независимо от вероятного вступления России в ВТО и Европейский Союз. И даже благодаря такому вступлению. А разработка некоторыми американскими политиками и учеными планов послевоенного утверждения Америки в качестве всемирной империи (Pax Americana), способно привести лишь к очередному Нюрнбергу, итоги которого тоже не будут подлежать пересмотру.

СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В НАЦИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЯХ, 1945–1990 гг.

Примерно два миллиона заключенных содержались в 24 крупных концлагерях и в тысячах их филиалах. Из зарегистрированных узников погибло 800–900 тыс. человек¹, став жертвами многочисленных зверских преступлений. Они испытали голод и жажду, холод, избиения, всевозможные виды унижений и пыток, являлись объектами псевдо-медицинских экспериментов; их заставляли работать до упаду и зачастую убивали прямо на месте. Система концлагерей являлась единым крупным комплексом преступлений. Широко был круг виновных в них – от самого Гитлера и руководства СС до простых представителей лагерной охраны и тех узников, которые злоупотребили возложенными на них организационными функциями. Не следует забывать о преступных лагерных врачах и о предпринимателях, использовавших труд заключённых, и т.д.

Примечательно, что первые судебные процессы по поводу преступных актов в концлагерях состоялись ещё в первые годы нацистского режима. Правда, они являлись редкими исключениями – последними актами уничтоженного нацистами правового государства. Более того, Гитлер вскоре помиловал всех осужденных за эти преступления. Тем не менее, данные процессы свидетельствуют о том, что в основном правовые нормы для осуждения преступлений в концлагерях, конечно же, существовали еще во время гитлеровского режима. Но подавляющее большинство попыток немецкой юстиции преследовать эти преступления в 1930-х годах подавлялось политическими инстанциями и полицией, и вскоре такие попытки больше уже не предпринимались². В нескольких случаях материалы ранних следствий сохранились. Они могли стать осно-

¹ Pohl D. Verfolgung und Massenmord in der NS-Zeit 1933-1945. Darmstadt, 2003. S. 140. Ort K. Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Eine politische Organisationsgeschichte. Hamburg, 1999. S. 343-350. В эти цифры не включены жертвы холокоста, которые непосредственно после прибытия в лагерь уничтожения были убиты в газовых камерах.

² Gruchmann L. Justiz im Dritten Reich. Anpassung und Unterwerfung in der Ära Gürtner. 3, verbesserte Auflage, München, 2001. S. 353-364, 374-379, 632-645.

вой для новых расследований после разгрома нацизма. Это касалось в основном преступлений против немецких противников гитлеризма, попавших в концлагеря в первые годы нацистского правления. В Вуппертале Союз узников нацизма даже добился того, что тот же самый прокурор, который в 1934 г. был вынужден закрыть следствие, касающееся концлагеря Кемна, в котором страдали 4500 заключенных, мог продолжить свою прерванную работу. Процесс над 30 охранниками этого концлагеря состоялся в 1948 году и закончился строгими наказаниями виновных³.

Следует подчеркнуть, что не только само освобождение концлагерей, но, по большей части, и юридическая расплата со служащими преступной системы, явились делом стран-победительниц. Соприкосновение с концентрационными лагерями и тысячами их замученных жертв явилось крайне шокирующим событием и для освободителей, и для мировой общественности в целом. Названия Берген-Бельзен, Бухенвальд, Дахау, Освенцим скоро узнали во всем мире. Они стали символами нацистских преступлений.

Такое явление требовало юридического ответа. Лондонское соглашение стран-победительниц от 8 августа 1945 г. дало основу для создания не только Международного военного трибунала, но и судов в отдельных оккупационных зонах⁴. Они начали работать еще до окончания Нюрнбергского процесса, и комплекс концлагерей играл при этом важную роль. Так, в Люнебурге (британская оккупационная зона) с 17 сентября по 17 ноября 1945 г. проходил судебный процесс над 48 членами лагерного СС, а также преступными функционерами из рядов узников. Комендант концлагеря Берген-Бельзен Иозеф Крамер являлся на нем главным обвиняемым. Кроме того, 11 подсудимых были обвинены в преступлениях, совершенных в концлагере Освенцим. Подсудимых, в соответствии с правовыми нормами, которые чуть позже были зафиксированы в Законе № 10 Контрольного Совета для Германии, обвинили в совместно совершенном преступном деянии. Суд также определил личную ответственность каждого. Он вынес 11 смертных приговоров, 19 подсудимых были приговорены к разным срокам лишения свободы, 14 человек оправдали (4 заболели). В своем ходатайстве о помиловании Крамер называл себя невиновным. Он писал, что никогда по собственной воле не убил человека, что он был солдатом и только исполнял приказы. Маршал Монтгомери откло-

³ Stadtarchiv Wuppertal (Hrsg.), KZ Kemna 1933-1934. Eine Quellendokumentation. Wuppertal, [1984].

⁴ Текст Лондонского соглашения и Устав Международного военного трибунала см.: Taylor T. Die Nürnberger Prozesse. Hintergründe, Analysen und Erkenntnisse aus heutiger Sicht. München, 1994. S. 742-753.

ходатайство⁵. Аргументация Крамера оказалась типичной и обвиняемых в последующих процессах. Подавляющее большинство сотрудников системы концлагерей не проявило ни малых признаков раскаяния в ходе судебных разбирательств. В американской зоне оккупации бывший концлагерь Дахау стал центром юридического преследования нацистских преступников. В помещениях лагеря содержали несколько тысяч нацистских деятелей. В зданиях, раньше принадлежавших СС, проводились так называемые «Дахауские процессы». Они касались различных нацистских преступлений, совершенных не только в Дахау. В целом эти процессы не ограничились лишь комплексом концлагерей, так как именно он играл самую важную роль. В первом из этих процессов в ноябре и декабре 1945 г. привлекли к ответственности одного из комендантов концлагеря Дахау, Мартина Вайса, а также других лиц, 35 из которых были приговорены к смертной казни. Далее последовали 122 процесса над пятьюстами виновниками в преступлениях, касавшихся, в том числе концлагерей Маутхаузен, Хенвальд, Флоссенбюрг и других. В целом за преступления, совершенные в концлагерях, в американской зоне обвинили 1021 человек⁶.

Несомненно, на американские суды выпала львиная доля процессов над деятелями концлагерей, к которым относятся и некоторые из тех, которые проводились американскими военными трибуналами в Нюрнберге. В данном контексте следует отметить процесс над руководителями администрации системы концлагерей (Wirtschaftsverwaltungshauptamt)⁷, процесс над врачами, которому

Philipps R. (ed.). *The Belsen Trial*. London 1949; *Wenck A.-E. Verbrechen als «Pflichterfüllung?» Die Strafverfolgung nationalsozialistischer Gewaltverbrechen am Beispiel des Konzentrationslagers Bergen-Belsen // KZ-Gedenkstätte Neuengamme (Hrsg.) Die frühen Nachkriegsprozesse. Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland*. 3 (1997). S. 38-55; S. 281. *Orth K. Die Konzentrationslager-SS. Sozialstrukturelle Analysen und biographische Studien*. Göttingen, 2000.

⁶ *Schafflik A. Im Schatten der Nürnberger Urteile. Die Dachauer Prozesse unter besonderer Berücksichtigung des Weiß-Prozesses (неопубликованная экзаменационная работа)*. Dachau, 1986; *Sigel R. Im Interesse der Gerechtigkeit. Die Dachauer Kriegsverbrecherprozesse 1945-1948*. Frankfurt a. M., 1992; *Lessing H. Der erste Dachau-Prozeß (1945/46)*. Baden-Baden, 1993; *Stepiani U. Die Dachauer Prozesse und ihre Bedeutung im Rahmen der alliierten Strafverfolgung von NS-Verbrechen // Ueberschär, Der Nationalsozialismus vor Gericht*. S. 227-239.

⁷ *Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals Under Control Council Law No. 10. Nuremberg October 1946-April 1949*. [в дальнейшем: *Trials*.] Vol. V. Washington, 1950.

Александр Мичерлих и Фред Мильке посвятили свою книгу «Медицина без человечности»⁸, и процесс над руководителями концерна «ИГ Фарбен», который для того, чтобы использовать рабочую силу узников, создал концлагерь Освенцим-Моновиц⁹.

Во французской зоне оккупации в Tribunal Général в Раштатте с мая 1946 до 1950 гг. имели место некоторые процессы, касающиеся в первую очередь концлагерей, в которых страдали французские граждане¹⁰.

В восточной зоне оккупации советские военные трибуналы до 1 августа 1947 г. осудили 2000 виновных на основе Закона № 10 Контрольного Совета для Германии от 20 декабря 1945 года, в котором юридически определены военные преступления, а также преступления против мира и человечности. Затем Советская военная администрация в Германии (СВАГ) передала эту компетенцию в основном немецкой юстиции¹¹. В деятельности советских военных трибуналов наблюдаются типичные для сталинской юстиции дефекты. Так, в единственном публичном «концлагерном» процессе в советской зоне, который состоялся осенью 1947 г. над представителями руководства и охраны концлагеря Заксенхаузен, подсудимые, в отличие от большинства процессов на Западе, признали себя виновными и подчеркнули ответственность капиталистов за систему концлагерей.¹² Когда в 1955 г. в Западную Германию вернулись подсудимые, находившиеся в воркутинском лагере, будучи освобождены в связи с установлением дипломатических отношений между СССР и ФРГ, их там вновь осудили за совершенные в Заксенхаузене преступления¹³.

Западногерманская же юстиция в начале пятидесятых годов играла сомнительную роль. В атмосфере развивающейся холодной войны над общественным мнением стала доминировать так называемая «стихорадка милости». Требование помиловать «военных

⁸ Trials, Volume II: «The Medical Case». Washington, 1949. Medizin ohne Menschlichkeit. Dokumente des Nürnberg. Frankfurt a. M., 1960.

⁹ Trials, Volume VII, VIII: «The I.G. Farben Case». Washington, 1952.

¹⁰ *Pendaries Y.* Le Procès de Rastatt (1946-1954): Le jugement des crimes de guerre en zone française d'occupation en Allemagne. Paris, 1995.

¹¹ *Jeske N., Schmidt U.* Zur Verfolgung von Kriegs- und NS-Verbrechen durch sowjetische Militärtribunale in der SBZ // Hilger A., Schmeitzner M., Schmidt U. (Hrsg.) Sowjetische Militärtribunale. Bd. 2: Die Verurteilung deutscher Zivilisten 1945-1955. Köln, 2003. S. 155-192, 166-170.

¹² *Meyer W.* Stalinistischer Schauprozess gegen KZ-Verbrecher? Der Berliner Sachsenhausen-Prozess vom Oktober 1947. // Dachauer Hefte 13 (1997). S. 153-180.

¹³ *Schmidt U.* Spätheimkehrer oder «Schwerkriegsverbrecher»? // Hilger A., Schmidt U., Wagenlehner G. (Hrsg.) Sowjetische Militärtribunale. Bd. 1: Die Verurteilung deutscher Kriegsgefangener 1941-1955. Köln, 2001. S. 311 f, 345.

преступников» – о нацизме уже больше не говорили – было очень популярно и поддерживалось правительством и представителями церкви. Правительства США, Великобритании и Франции согласились с программой амнистии, которую и начали проводить в первой половине пятидесятых годов. Некоторых наиболее крупных преступников, как, например, Освальда Поля, казнили, но других вскоре выпустили из тюрьмы¹⁴. Так, например, Вильгельма Байгльбэка, врача, который в Дахау проводил бесчеловечные медицинские эксперименты,¹⁵ в том же 1951 г., когда повесили Поля, выпустили на свободу. Политика помилования и общественная атмосфера оказали значительное влияние на деятельность юстиции Западной Германии. Если она в 1948 и 1949 гг. осудила 1819 и 1523 нацистских преступников, то в 1955 г. таких приговоров было только 21¹⁶. Причиной этого являлись не только истечение срока давности и законы об амнистии для преступлений меньшей тяжести, но в основном и пассивное отношение прокуроров к нацистским преступлениям¹⁷. Ряд скандалов – некоторые из них связаны с возвратившимися из СССР – открыли политикам (в определенной степени) глаза, и в 1958 г. было организовано Центральное учреждение для координации следствий по нацистским преступлениям в Людвигсбурге¹⁸. Выяснилось, что отсутствие процессов в пятидесятых годах не было обусловлено отсутствием нацистских преступников. Но, хотя западногерманская юстиция активизировалась, правосудие в ФРГ отличалось от правосудия западных союзных государств. Юрист Штеффен Витке исследовал судебные процессы по поводу преступлений в концлагерях с 1948 по 1993 гг. (85 процессов, 160 подсудимых) и обнаружил, что в абсолютном большинстве случаев подсудимых рассматривали лишь как пособников, которые поэтому не в полной мере ответственны за преступления. С другой стороны, те, кто отдавали эти приказы, зачастую могли использовать аргумент, что они не собственными руками убивали людей, в качестве смягчающих вину обстоятельств¹⁹. В

¹⁴ *Schwartz Th. A. Die Begnadigung deutscher Kriegsverbrecher. John McCloy und die Häftlinge von Landsberg // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 3 (1990). S. 375-414.*

¹⁵ *Zámečník S. Das war Dachau. Frankfurt a. M., 2007, S. 293 ff.*

¹⁶ *Rückertl A. NS-Verbrechen vor Gericht. Versuch einer Vergangenheitsbewältigung. 2, überarbeitete Auflage. Heidelberg, 1984. S. 127.*

¹⁷ *Frei N. Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1996. S. 29-53.*

¹⁸ *Rückertl A. Op. cit. S. 140.*

¹⁹ *Witke S. Teilexkulpation von KZ-Tätern? // Kritische Justiz (Hrsg.). Die juristische Aufarbeitung des Unrechts-Staats. Baden-Baden, 1998. S. 547-594.*

ФРГ не могло быть и речи о «совместном предприятии» - то есть правовой мысли, которая лежала в основе правосудия союзников и намного больше соответствовала действительности²⁰.

Генеральный прокурор земли Гессен, Фриц Бауер, который больше всех западногерманских юристов сделал для юридического преследования нацистских преступников, попытался преодолеть эту «атомизацию на отдельные эпизоды». Когда Бауер организовал судебный процесс над 20 охранниками концлагеря Освенцим, он достиг того, что рассматривали весь комплекс Холокоста и концлагерей²¹. Во время процесса, который длился с 20 декабря 1963 по 21 августа 1965 гг., суд выслушал более 300 свидетелей и посетил Освенцим. В процессе в качестве экспертов выступили историки с обширными докладами. Это были в основном сотрудники Института современной истории в Мюнхене²².

Хотя этот процесс имел значительное влияние на общественное мнение в ФРГ, общее направление правосудия не изменилось. Растущее общественное сознание о преступлениях нацизма и необходимости соответственного юридического преследования, привело к тому, что в 1979 г. Бундестаг снял норму истечения давности в отношении убийств²³.

Конечно, процессы по поводу преступлений в концлагерях состоялись не только в ФРГ, но и в ряде европейских стран, например в Польше, где были расположены крупные лагеря уничтожения. Так, в апреле 1947 года повесили Рудольфа Гесса, коменданта концлагеря Освенцим, на месте его преступлений²⁴.

Оценка деятельности юстиции ГДР относительно нацистских преступлений представляет собой вопрос, вызывающий споры. Юристы бывшего ГДР полагают, что они более активно и после-

²⁰ Greve M. Der justitielle und rechtspolitische Umgang mit den NS-Gewaltverbrechen in den sechziger Jahren. Frankfurt a. M., 2001. S. 145 ff.

²¹ Wojak I. (Hrsg.) Auschwitz-Prozeß 4 Ks 2/63. Frankfurt a. M.; Köln, 2004. S. 271.

²² Wojak I. Op. cit. S. 607-611. Приговор процесса публикуется в книге: Balzer F.-M., Renz W. (Hrsg.) Das Urteil im Frankfurter Auschwitz-Prozeß (1963-1965). Köln, 2004. Экспертизы историков были опубликованы непосредственно после окончания процесса: Anatomie des SS-Staates (в двух книгах). Olten, 1965.

²³ Обширное исследование этой проблематики см.: Miquel M. von Ahnden oder amnestieren? Westdeutsche Justiz und Vergangenheitspolitik in den sechziger Jahren. Göttingen, 2004.

²⁴ Обзор о юридическом преследовании нацистских преступников см. по: Frei N. (Hrsg.). Transnationale Vergangenheitspolitik. Der Umgang mit deutschen Kriegsverbrechern in Europa nach dem Zweiten Weltkrieg. Göttingen, 2006.

зательно вели следствия по этим преступлениям, чем их коллеги ДРГ. В определенной мере эту позицию подтверждает нидерландский юрист Фредерик Рüter, который издал собрание приговоров нацистским убийцам не только западногерманской, но и восточногерманской юстиции²⁵. С другой стороны, историки, изучающие деятельность госбезопасности ГДР, показывают, сколько широко использовали в ГДР юстицию для политических целей ЭПГ, включая манипуляцию процессами²⁶. После воссоединения Германии 105 лиц, осужденные судами ГДР как нацистские убийцы, подали заявления о реабилитации, в результате чего полностью или частично остались в силе лишь 73 приговора²⁷. Окончательное слово по этой сложной проблематике еще не сказано.

Баланс деятельности юстиции в связи с преступлениями в концлагерях не дает основания для удовлетворения. Из 6500 членов СС, служивших в концлагере Освенцим, только 789 человек или 15% были привлечены к судебной ответственности²⁸. В американском процессе по лагерю Маутхаузен осудили 61 виновника, тогда как в командном составе этого лагеря в целом служили примерно 400 человек²⁹. Можно полагать, что положение относительно других лагерей ничем не отличается. И все же при всех недос-

²⁵ Justiz und NS-Verbrechen. Die deutschen Strafverfahren wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. Zusammengestellt im Institut für Strafrecht der Universität von Amsterdam von Prof. Dr. Rüter Ch.F. und Dr. de Mildt D.W. Bisher 23 Bände. Amsterdam, 1968 ff.; DDR-Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung ostdeutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen, bearb. im Seminarium voor Strafrecht en Strafrechtspleging "Van Hamel" der Universität Amsterdam von Rüter Ch.F. Bisher 12 Bände. München, 2002 ff.; Rüter Ch.F. Die Ahndung von NS-Gewaltverbrechen im deutsch-deutschen Vergleich. // Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen und deren Widerspiegelung in der Gedenkkultur, hrsg. von der Fraktion der Linkspartei/PDS im Landtag von Sachsen-Anhalt. Magdeburg, 2005. S. 65-82.

²⁶ Werkentin F. DDR-Justiz und NS-Verbrechen. Notwendige Hinweise zu einer neuen Dokumentation. // Deutschland Archiv, 38 (2005). S. 506-514.

²⁷ Wieland G. Die Ahndung von NS-Verbrechen in Ostdeutschland 1945-1990. // Ch.F. Rüter (Hrsg.). DDR-Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung ostdeutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen: Verfahrensregister und Dokumentenband, München, 2002. S. 13-99, 93.

²⁸ Lasik A. Die Strafverfolgung der Angehörigen der SS-Besatzung des KL Auschwitz. // Dhugoborski W., Piper F. Auschwitz 1940-1945. Studien zur Geschichte des Konzentrations- und Vernichtungslagers Auschwitz. Bd. V. Oświęcim, 1999. S. 87-108.

²⁹ Freund F. Der Mauthausen-Prozess. Zum amerikanischen Militärgerichtsverfahren in Dachau im Frühjahr 1946 // Dachauer Hefte, 13 (1997). S. 99-118.

татках нельзя забывать об активной и трудной работе многих прокуроров и судей, которая представляет собой большую часть общественных усилий разделаться со злодейским наследием нацизма. Тем не менее, юстицией было сделано слишком мало: из-за собственной слабости, из-за влияния общественного мнения, из-за недостатков правовых инструментов, но, прежде всего, из-за слишком большого размаха преступлений.

АКТУАЛЬНЫЕ УРОКИ НЮРНБЕРГА

Оглядываясь на историю человечества, мы, как правило, вспоминаем его *наиболее значимые* достижения, представляем себе выдающиеся памятники архитектуры, полотна известных художников, бесценные произведения мировой литературы. Однако думается, что реальная история представляет собой не столько историю созидания и творчества, сколько историю борьбы и противодействия самым различным угрозам. По мере развития цивилизации не только менялся «набор» таких угроз, их характер и источники, но и их приоритетность в зависимости от степени представляемой ими опасности.

Природные явления – как источник опасности – утратили в этом «рейтинге» своё лидирующее место, поскольку благодаря *развитию науки и технологий* человечество в значительной степени отгородилось от опасностей *природы*, научилось снижать ущерб от стихийных бедствий, справляться со многими смертоносными болезнями.

Но источник самой главной угрозы не только не исчез, но вместе с развитием технологической мощи человечества постоянно приобретал все большую опасность. Этот источник – человеческая алчность и желание властвовать над миром, порабощая других людей. Он представлял угрозу во все времена, но в новейшей истории, угрозы благодаря стремительному развитию техники, во-первых, обрели невиданную доселе смертоносную опасность и, во-вторых, стали носить поистине глобальный характер.

В XX веке порождением этого источника и основной угрозой для существования человечества, безусловно, явился германский фашизм. Он принес многим народам неисчислимые страдания, и потому главные военные преступники европейских стран оси получили суровое наказание от имени Нюрнбергского военного трибунала, выразившего волю многих народов мира.

Из схватки с фашизмом мировое сообщество вынесло уроки, за которые пришлось заплатить огромную цену. Сегодня, благодаря общим усилиям, опасность неонацизма не представляет для мира смертельной угрозы. Созданы и эффективно действуют межгосударственные механизмы, которые не позволяют неофашистам любых мастей прийти к власти, провозглашать человеконенавистни-

ческие идеи, вновь начать агрессию и развязать мировую войну. Этот урок человечеством усвоен.

Однако новое время неизбежно порождает новые силы, выдвигает новые угрозы и вызовы. И искать формы противодействия им, думается, необходимо с учетом исторического опыта, в том числе опыта Нюрнберга.

Сегодня уроки Нюрнберга актуальны, на наш взгляд, как для поиска путей решения вопросов международной политики, так и внутригосударственных проблем. На некоторые из них нам хотелось бы обратить внимание. О роли Нюрнберга в установлении ответственности за совершение преступлений против мира и человечности, в развитии международного уголовного права, а также в укреплении мира сказано и написано достаточно много. Еще во время работы Трибунала комментатор американской компании «Колумбия» отмечал, что данный процесс «возможно, является важнейшим мероприятием на пути к обеспечению безопасности мира»¹. Представляется также, что наследие Нюрнберга актуально сегодня и для оценки некоторых внутренних процессов в нашей стране, особенно роста экстремизма и ксенофобии. Однако в данной статье нам хотелось бы остановиться на некоторых уроках Нюрнберга, относящихся к вопросам межгосударственных отношений, приобретающих сегодня особое звучание.

Прошло более 60-ти лет с момента военного поражения нацистской Германии, однако, как представляется, каждый шаг на пути зарождения фашизма, его становления и разгрома может и сегодня служить для нас не только предостережением, но и наглядным уроком перед лицом новых угроз, возникших перед человечеством. В этой связи очень емкими представляются слова Президента России В.В. Путина о том, что «причины всякой войны нужно, прежде всего, искать в ошибках и просчетах мирного времени, а их корни – в идеологии конфронтации и экстремизма»².

Немецкий фашизм возник из противоречий, отчетливо обозначившихся еще на рубеже веков, но сформировался благодаря изъятию Версальского договора и кризиса 1930-х годов. Безусловно, приход фашистов к власти в Германии не был жестко детерминирован, но появление и активное развитие гитлеризма вызвано рядом закономерностей, а также просчетами лидеров развитых стран и руководителей самой Германии.

История второй половины тридцатых и первой половины сороковых годов прошлого века свидетельствует, что все попытки от-

¹ Цит. по: *Рагинский М.Ю.* Нюрнберг: перед судом истории. М., 1986. С. 6.

² http://www.gazeta.ru/2007/05/11/oa_238815.shtml.

ческие идеи, вновь начать агрессию и развязать мировую войну. Этот урок человечеством усвоен.

Однако новое время неизбежно порождает новые силы, выдвигает новые угрозы и вызовы. И искать формы противодействия им, думается, необходимо с учетом исторического опыта, в том числе опыта Нюрнберга.

Сегодня уроки Нюрнберга актуальны, на наш взгляд, как для поиска путей решения вопросов международной политики, так и внутригосударственных проблем. На некоторые из них нам хотелось бы обратить внимание. О роли Нюрнберга в установлении ответственности за совершение преступлений против мира и человечности, в развитии международного уголовного права, а также в укреплении мира сказано и написано достаточно много. Еще во время работы Трибунала комментатор американской компании «Колумбия» отмечал, что данный процесс «возможно, является важнейшим мероприятием на пути к обеспечению безопасности мира»¹. Представляется также, что наследие Нюрнберга актуально сегодня и для оценки некоторых внутренних процессов в нашей стране, особенно роста экстремизма и ксенофобии. Однако в данной статье нам хотелось бы остановиться на некоторых уроках Нюрнберга, относящихся к вопросам межгосударственных отношений, приобретающих сегодня особое звучание.

Прошло более 60-ти лет с момента военного поражения нацистской Германии, однако, как представляется, каждый шаг на пути зарождения фашизма, его становления и разгрома может и сегодня служить для нас не только предостережением, но и наглядным уроком перед лицом новых угроз, возникших перед человечеством. В этой связи очень емкими представляются слова Президента России В.В. Путина о том, что «причины всякой войны нужно, прежде всего, искать в ошибках и просчетах мирного времени, а их корни – в идеологии конфронтации и экстремизма»².

Немецкий фашизм возник из противоречий, отчетливо обозначившихся еще на рубеже веков, но сформировался благодаря изъянам Версальского договора и кризиса 1930-х годов. Безусловно, приход фашистов к власти в Германии не был жестко детерминирован, но появление и активное развитие гитлеризма вызвано рядом закономерностей, а также просчетами лидеров развитых стран и руководителей самой Германии.

История второй половины тридцатых и первой половины сороковых годов прошлого века свидетельствует, что все попытки от-

¹ Цит. по: *Рагинский М.Ю.* Нюрнберг: перед судом истории. М., 1986. С. 6.

² http://www.gazeta.ru/2007/05/11/oa_238815.shtml.

дельных стран в одиночку противостоять нарастанию международной угрозы, оставаться в стороне от бедствий соседей, а особенно стремление некоторых политиков решить «свои задачи» руками агрессора, не привели ни к чему, кроме многочисленных жертв и запоздалого понимания необходимости объединиться перед бедой, которая из-за близорукости и попустительства одних стала трагедией для многих. Достаточно отметить, что экономический и военный потенциал Германии, вставшей на путь милитаризма, значительно вырос после передачи ей Судетской области Чехословакии³ на основе соглашения, подписанного 29 сентября 1938 г. в Мюнхене главами правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладьё), нацистской Германии (А. Гитлер) и фашистской Италии (Б. Муссолини).

Мюнхенское соглашение не привело и не могло привести к умиротворению. Оно лишь разожгло аппетит нацистов для дальнейшего наращивания агрессии, став важной вехой в подготовке Второй мировой войны.

Попытки запоздалого самооправдания, выраженные, в частности, в словах главного обвинителя от Великобритании о том, что «мир был вынужден доверять этим обязательствам»⁴, выглядят, на наш взгляд, крайне неубедительными, как минимум, по двум причинам. Первая – такие страны, как Великобритания, обладают достаточно эффективными средствами, позволяющими не просто доверять, но и качественно проверять искренность намерений и характер планов своих оппонентов. Вторая – в этой же речи Х. Шоукросс, характеризуя положение дел еще в 1937 г., сам отмечал, что «Германия продолжала лихорадочное строительство величайшей военной машины, которую когда-либо знала Европа»⁵.

Трагической ошибки в Мюнхене можно было бы избежать, если бы к обсуждению вопросов были приглашены все заинтересованные стороны. Однако ни Чехословакия, ни Советский Союз, который выступал в качестве одного из гарантов ее безопасности, не были допущены на переговоры. И это несмотря на то, что накануне Мюнхена именно предупреждение СССР и Франции о том, что они исполняют свои обязательства по отношению к Чехословакии, вынудило Гитлера отвести германские войска, уже выдвину-

³ После распада Австро-Венгерской империи на территории Чехословакии располагались многие крупные промышленные предприятия, в том числе сталелитейные заводы Шкода и военные предприятия.

⁴ Вступительная речь главного обвинителя от Великобритании Хартли Шоукросса // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 8 т. М., 1987. Т. 1. С. 484.

⁵ Там же. С. 475.

тые к границам этой страны. Показательно, что чехословацкую делегацию допустили в зал переговоров только после их завершения для объявления уже принятого решения. Заслуживает внимания и тот факт, что чехословацкое правительство было вынуждено передать Германии часть своей территории в силу предъявленного ей англо-французского ультиматума.

Указанные обстоятельства, на наш взгляд, делают вполне закономерным признание Мюнхенского соглашения в качестве яркого проявления политики Великобритании и Франции, направленной на то, чтобы добиться своих целей за счет стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Мюнхенский способ разрешения вопросов привел к росту нацистской экспансии, а в результате – к многомиллионным жертвам. Однако, несмотря на печальный опыт 1938 г., думается, что до настоящего времени «мюнхенский урок» – урок недопустимости одностороннего подхода при поиске путей решения международных проблем еще не в полной мере усвоен некоторыми современными лидерами.

Двойные стандарты, к сожалению, до сих пор активно используются и при анализе истории первой половины XX века. В частности, масса острых материалов традиционно посвящается секретному протоколу к пакту Молотова–Риббентропа. Ни в коем случае не ставя цель оправдывать этот документ, хотелось бы отметить, что указанной критике не достаёт объективности, поскольку, например, при освещении хода событий совершенно замалчивается, что тем же Мюнхенским соглашением 1938 г. наряду с удовлетворением территориальных претензий Германии, было предусмотрено удовлетворение за счет Чехословакии территориальных притязаний Венгрии и Польши⁶. При этом отметим, что посол Польши в Германии Ю. Липицкий 1 октября 1938 г. сообщал в своем письме министру иностранных дел Польши Ю. Беку, что «посол Великобритании сэр Невиль Гендерсон, возбужденный в связи с нашим ультиматумом Праге», выразил Польше озабоченность на случай, если будет осуществлено «ее вооруженное выступление против Чехословакии»⁷. На что он (Ю. Липицкий) «старался разъяснить послу создавшееся положение, дав единственный совет, чтобы его правительство повлияло на Прагу в том направлении, чтобы она приняла польский ультиматум». Далее в этом же письме посол Польши в Германии сообщал о своей встрече с Риббентропом, в ходе которой последний официально заявил следующее: «1. В слу-

⁶ Энциклопедия третьего рейха. М., 1996. С. 327.

⁷ См. Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы в двух томах. Составитель МИД СССР, 1990.

чае польско-чешского вооруженного конфликта правительство Германии сохранит по отношению к Польше доброжелательную позицию. 2. В случае польско-советского конфликта⁸ правительство Германии займет по отношению к Польше позицию более чем доброжелательную. При этом он дал ясно понять, что правительство Германии оказало бы помощь»⁹. Эти свидетельства красноречиво говорят о том, что подход Польши в отношении южного соседа был очень схож с подходом, который через год был зафиксирован в советско-германском пакте.

Нельзя не отметить и то, что оценка событий XX века в ряде зарубежных стран в последние годы выглядит буквально обескураживающей. В частности, трудно не согласиться с В. Печко, который, анализируя материалы новых учебников по истории, появившихся во многих школах стран СНГ и Восточной Европы, говоря о Польше, отметил: «По меньшей мере странными выглядят и замечания о том, что немецкий период оккупации 1939-1945 годов ни в какое сравнение не идет с более жестоким и безнадежным советским... При этом, если не изменяет память, при коммунистическом режиме 1945-1991 годов Польша не теряла 6 миллионов своих граждан»¹⁰.

Мы не ставим себе задачу упрекнуть наших соседей. Цель автора этой статьи иная. Нам представляется, что уроки истории, тем более трагичные, должны не разобщать, а объединять народы. Они не должны быть забыты. Но только при объективной оценке эти уроки могут помочь нам избежать нагнетания новой конфронтации и нового напряжения отношений, помочь учесть прошлые ошибки и строить сегодняшние взаимоотношения в русле большего взаимопонимания и единения усилий. Опыт Нюрнберга наглядно показывает, что добиться позитивных результатов можно лишь на пути согласия и взаимного уважения.

Ставя перед собой цели порабощения всего мира и уничтожения целых народов, нацизм использовал для этого самые передовые достижения технической мысли того времени, экономический потенциал всех завоеванных стран. Победить такого врага можно было, лишь объединив усилия. Думается, что к решающим факторам разгрома гитлеровских захватчиков – мужеству народа и таланту полководцев, можно добавить еще один – стремление и спо-

⁸ Поскольку СССР подтвердил свою решимость оказать Чехословакии военную помощь в случае агрессии против нее даже при отсутствии такой поддержки со стороны Франции.

⁹ См. Год кризиса. 1938-1939.

¹⁰ Деловая газета «Взгляд» 01.10.2005; <http://www.vz.ru/politics/2005/10/1/8451.html>.

способность к сотрудничеству стран, объединившихся в Антигитлеровскую коалицию. В тяжелейшие военные годы на практике была доказана возможность эффективного экономического, военного и политического сотрудничества государств, имевших не просто собственные интересы, но принципиально различных по своему социальному устройству и совсем недавно считавших друг друга потенциальными противниками.

С течением времени создание Антигитлеровской коалиции стало казаться нам привычным историческим фактом. Однако известно, что в начале 1940-х годов решение «протянуть руку» принципиальному сопернику было отнюдь не простым для всех участников альянса. Непростым был и сам ход сотрудничества союзников в течение всей войны. Были и разногласия, и дипломатические уловки, и жесткие требования – одним словом, весь арсенал сложностей, который может встречаться в ходе международного сотрудничества. Но способность настойчиво преодолевать эти сложности, способность к взаимодействию позволили, в конечном счете, разгромить фашистского зверя.

Точка в борьбе с нацизмом была поставлена не в день капитуляции Германии, а в день вынесения Приговора Нюрнбергского трибунала. Ее итог был подведен не на поле брани и не в зале подписания последнего акта немецкого командования, а в зале судебного заседания Международного военного трибунала. Это было не только закономерно, но и в высшей степени справедливо, поскольку фашизм посягнул, в первую очередь, на право людей на жизнь, свободу, достоинство.

Принятие решения о проведении судебного процесса над главарями фашистской Германии, подготовка и сам ход последнего также были отнюдь не простыми для всех сторон, учредивших Трибунал. Оценивая итоги Нюрнбергского процесса, нельзя не согласиться, что главная его историческая ценность состоит в том, что он состоялся¹¹. И не случайно, сотрудничество столь разных государств Антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны и в первый послевоенный период является и, уверен, еще долго будет являться, предметом исследований в самых разных областях науки.

И в этой связи, полагаю, особая заслуга Нюрнберга состоит в том, что он стал одним из первых шагов на пути решения жизненно важной задачи объединения усилий в борьбе против агрессии, в борьбе за безопасность.

В поиске путей противодействия опасностям и угрозам в XX

¹¹ См. *Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975.

веке мировое сообщество постепенно, но неуклонно осознавало невозможность их отражения разрозненными силами, все больше понимая необходимость объединения усилий ради предотвращения общей опасности, училось жертвовать частными интересами ради предотвращения общей беды.

За прошедшие десятилетия мир кардинально изменился: изменились его политическая карта, уровень технического и информационного развития большинства государств, формы межгосударственного взаимодействия. Изменилось само время, его реалии. Но вместе с развитием технических средств и форм организации общества менялись формы и виды агрессии. Причем динамика их изменения зачастую опережала темпы развития других направлений движения цивилизации.

Сегодня на авансцену вышли беды, о которых два – три десятилетия назад мало кто подозревал, так же, как за 20 – 30 лет до начала фашистской экспансии мало кто отводил ей роль самой страшной угрозы. Вместе со всем человечеством плоды технического прогресса активно используют и террористы, и лидеры организованной преступности. Развитие глобализации всех сфер социально-экономической деятельности позволило терроризму стать международным, а организованной преступности приобрести транснациональный характер и подняться на новый качественный уровень.

Взаимосвязь между историческими угрозами, которые разделены несколькими десятилетиями, полагаю, вполне очевидна. И лидеры фашизма и лидеры террористов для достижения своих целей и в другом случае общие источники – алчность и жажда власти одних и фанатичная вера других. На Нюрнбергском процессе главный обвинитель от США Роберт Джексон говорил: «Наше доказательство будет ужасающим, и вы скажите, что я лишил вас сна. Но именно эти действия заставили содрогнуться весь мир»¹². Уверен, что те же слова может сказать любой, кто соприкоснулся с трагедией в Нью-Йорке, Лондоне, Мадриде или Беслане.

Существующая разница в выборе тактики и используемых средств, на наш взгляд, не делает новые угрозы менее опасными, поскольку тактика террористов и преступников становится все более изощренной, а сегодняшний уровень развития средств уничтожения и новейшие технологии, которые используют террористы, позволяют им достигать самых разрушительных результатов.

Перечень общих черт можно продолжить. Стремясь к установ-

¹² Нюрнбергский процесс. Т. 1, С. 423.

лению своей власти, фашисты пытались разрушить нравственность и подменить человеческие идеалы. Тот же путь сейчас активно используют наркодельцы, руководители преступных сообществ, главаря террористических организаций.

Полагаю также, что здесь можно привести и другие, не менее значимые, параллели: соглашение в Мюнхене и вливания американского капитала в немецкую промышленность¹³ послужили созданию военной мощи Германии – вооружение антисоветского движения в Афганистане привело к росту боевой мощи олицетворения новой мировой угрозы, имя которой – Аль-Каида. На наш взгляд, такие примеры свидетельствуют о том, что не все уроки истории были до конца оценены и усвоены некоторыми современными деятелями.

Для того, чтобы справиться с фашизмом, человечеству пришлось понести огромные потери, и путь к созданию общего механизма противодействия глобальному злу XX века был достаточно долог. Думается, что сегодня было бы непростительным начинать поиски этого пути заново, без учета тяжелых ошибок и жертв, без учета опыта Великой Победы и уроков Нюрнберга. Реалии сегодняшнего дня не дают права на забвение уроков, за которые пришлось заплатить огромную цену, и потому нельзя не согласиться с тем, что решение сегодняшних проблем возможно лишь на пути скоординированных усилий всех государств, а не выборочных акций отдельных альянсов¹⁴.

В этой связи хотелось бы отметить особую роль крупнейшего международного объединения, созданного для того, чтобы, как записано в его основном документе, «поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира»¹⁵. Эти слова из Устава ООН как нельзя более точно отражают главное направление международных усилий всех

¹³ В ходе допросов американскими следователями Я. Шахт пояснял: «Возьмите хотя бы заводы Опеля, которые ничего, кроме военной продукции не выпускали! Они же были собственностью «Дженерал моторс» (Цит. по: Рагинский М.Ю. Указ. соч. С. 15).

¹⁴ См. Сухарев А.Я. Нюрнбергский процесс – на службе международной законности. Правда, 2006. 17-20 марта.

¹⁵ Статья I Устава Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.).

прогрессивных сил по предотвращению любых угроз международного характера.

Сегодня необходимость обращения к этому документу связана с тем, что в последнее время все чаще звучат высказывания различных, так называемых, независимых экспертов, которые активно пытаются убедить нас в том, что ООН утрачивает свое значение. Однако полагаю, любой не ангажированный человек полностью согласится со словами Президента России В.В. Путина, который на встрече с руководителями ведущих информагентств стран «восьмерки» обратил особое внимание на то, что сегодня в ООН вопросы открыто дискутируются, что ООН остается площадкой для урегулирования международных проблем, а не обслуживает внешнеполитические интересы одного государства, и это делает ее совершенно необходимой для выработки приемлемых международных решений. При этом Президент Российской Федерации отметил, что никакие другие формы, в том числе «восьмерка», не могут заменить ООН. Решения, рождающиеся в рамках ООН и обязательные для членов международного сообщества, становятся существенной частью международного права¹⁶.

Попытки поставить заслон агрессии предпринимались на международном уровне давно. Достаточно вспомнить предложения из проекта программы русского правительства для Первой мирной конференции в Гааге в 1899 г. В их числе, в частности, значится заключение соглашений: о сохранении существовавшего состава сухопутных и морских вооруженных сил и бюджетов на военные надобности; об установлении запрета «вводить в употребление в армиях и во флотах огнестрельное оружие нового образца и новые взрывчатые вещества»; об ограничении употреблять разрушительные взрывчатые составы и «пользоваться метательными снарядами с воздушных шаров или иным подобным способом»; о запрещении «употреблять в морских войнах подводные миноносные лодки или иные орудия разрушения того же свойства»¹⁷. Сейчас трудно себе представить, какой была бы история XX века, каким был бы сегодняшний мир, если бы тогда в Гааге эти документы были подписаны.

Многое изменилось за прошедшие десятилетия, но по-прежнему судьба человечества зависит от умения выстоять, проти-

¹⁶ Официальный сайт РИА Новости (<http://www.rian.ru/politics/russia.htm>), 2 июня 2006 г.

¹⁷ См. Вопрос об ограничении вооружений на Гаагских мирных конференциях 1899 и 1907 гг. (Краткая справка по документам Архива внешней политики Российской Империи). Официальный сайт МИД России (<http://www.mid.ru/ns-arch.nsf/88ff23e5441b5caa43256b05004bce11/832ab4c7e21a62a943256b06002fb319?OpenDoc>).

лению своей власти, фашисты пытались разрушить нравственность и подменить человеческие идеалы. Тот же путь сейчас активно используют наркодельцы, руководители преступных сообществ, главари террористических организаций.

Полагаю также, что здесь можно привести и другие, не менее значимые, параллели: соглашение в Мюнхене и вливания американского капитала в немецкую промышленность¹³ послужили созданию военной мощи Германии – вооружение антисоветского движения в Афганистане привело к росту боевой мощи олицетворения новой мировой угрозы, имя которой – Аль-Каида. На наш взгляд, такие примеры свидетельствуют о том, что не все уроки истории были до конца оценены и усвоены некоторыми современными деятелями.

Для того, чтобы справиться с фашизмом, человечеству пришлось понести огромные потери, и путь к созданию общего механизма противодействия глобальному злу XX века был достаточно долог. Думается, что сегодня было бы непростительным начинать поиски этого пути заново, без учета тяжелых ошибок и жертв, без учета опыта Великой Победы и уроков Нюрнберга. Реалии сегодняшнего дня не дают права на забвение уроков, за которые пришлось заплатить огромную цену, и потому нельзя не согласиться с тем, что решение сегодняшних проблем возможно лишь на пути скоординированных усилий всех государств, а не выборочных акций отдельных альянсов¹⁴.

В этой связи хотелось бы отметить особую роль крупнейшего международного объединения, созданного для того, чтобы, как записано в его основном документе, «поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира»¹⁵. Эти слова из Устава ООН как нельзя более точно отражают главное направление международных усилий всех

¹³ В ходе допросов американскими следователями Я. Шахт пояснял: «Возьмите хотя бы заводы Опеля, которые ничего, кроме военной продукции не выпускали! Они же были собственностью «Дженерал моторс» (Цит. по: Рагинский М.Ю. Указ. соч. С. 15).

¹⁴ См. Сухарев А.Я. Нюрнбергский процесс – на службе международной законности. Правда, 2006. 17-20 марта.

¹⁵ Статья 1 Устава Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.).

прогрессивных сил по предотвращению любых угроз международного характера.

Сегодня необходимость обращения к этому документу связана с тем, что в последнее время все чаще звучат высказывания различных, так называемых, независимых экспертов, которые активно пытаются убедить нас в том, что ООН утрачивает свое значение. Однако полагаю, любой не ангажированный человек полностью согласится со словами Президента России В.В. Путина, который на встрече с руководителями ведущих информагентств стран «восьмерки» обратил особое внимание на то, что сегодня в ООН вопросы открыто дискутируются, что ООН остается площадкой для урегулирования международных проблем, а не обслуживает внешнеполитические интересы одного государства, и это делает ее совершенно необходимой для выработки приемлемых международных решений. При этом Президент Российской Федерации отметил, что никакие другие формы, в том числе «восьмерка», не могут заменить ООН. Решения, рождающиеся в рамках ООН и обязательные для членов международного сообщества, становятся существенной частью международного права¹⁶.

Попытки поставить заслон агрессии предпринимались на международном уровне давно. Достаточно вспомнить предложения из проекта программы русского правительства для Первой мирной конференции в Гааге в 1899 г. В их числе, в частности, значится заключение соглашений: о сохранении существовавшего состава сухопутных и морских вооруженных сил и бюджетов на военные надобности; об установлении запрета «вводить в употребление в армиях и во флотах огнестрельное оружие нового образца и новые взрывчатые вещества»; об ограничении употреблять разрушительные взрывчатые составы и «пользоваться метательными снарядами с воздушных шаров или иным подобным способом»; о запрещении «употреблять в морских войнах подводные миноносные лодки или иные орудия разрушения того же свойства»¹⁷. Сейчас трудно себе представить, какой была бы история XX века, каким был бы сегодняшний мир, если бы тогда в Гааге эти документы были подписаны.

Многое изменилось за прошедшие десятилетия, но по-прежнему судьба человечества зависит от умения выстоять, проти-

¹⁶ Официальный сайт РИА Новости (<http://www.ria.ru/politics/russia.htm>), 2 июня 2006 г.

¹⁷ См. Вопрос об ограничении вооружений на Гаагских мирных конференциях 1899 и 1907 гг. (Краткая справка по документам Архива внешней политики Российской Империи). Официальный сайт МИД России (http://www.mid.ru/ns_arch.nsf/88ff23c5441b5caa43256b05004bce11/832ab4c7c21a62a943256b06002fb319?OpenDoc).

востоять современным угрозам. Думается, что самый главный, и от того самый актуальный, урок Нюрнберга состоит в том, чтобы вовремя распознать надвигающуюся угрозу и найти в себе силы и мудрость отбросить несущественное и объединить усилия для ее устранения. Думается, что умение вести диалог со всеми заинтересованными партнерами и находить взаимоприемлемые решения является одним из ключевых признаков того, что мы называем цивилизованностью.

Принципиальная важность координации своих действий для обеспечения безопасности в мире осознавалась государственными лидерами еще на переломе Второй мировой войны. Именно поэтому 30 октября 1943 г. в Декларации четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности правительства Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Советского Союза и Китая сделали заявление, в котором, «сознавая свою ответственность в деле обеспечения освобождения самих себя и союзных с ними народов от угрозы агрессии» и «признавая необходимость установления и поддержания международного мира и безопасности при наименьшем отвлечении мировых человеческих и экономических ресурсов для вооружений», определили направления сотрудничества, которые актуальны и поныне. Давайте вчитаемся в положения этого документа, оценивая их актуальность и универсальность с позиций сегодняшнего дня. В Декларации Стороны, в частности, обязались:

– что их совместные действия, направленные на ведение войны против их соответственных врагов, будут продолжены для организации и поддержания мира и безопасности (п. 1);

– что они будут консультироваться друг с другом и, по мере того, как этого потребуют обстоятельства, с другими членами Объединенных Наций, имея в виду совместные действия в интересах сообщества наций в целях поддержания международного мира и безопасности, пока не будут восстановлены закон и порядок и пока не будет установлена система всеобщей безопасности (п. 5);

– что по окончании войны они не будут применять своих вооруженных сил на территории других государств, кроме как после совместной консультации и для целей, предусмотренных в этой Декларации (п. 6).

На наш взгляд, приведенные пункты и в наступившем веке могут являться основой механизма, способствующего поддержанию безопасности, мира и стабильности как в отдельных регионах, так и во всем мире.

В заключении хотелось бы отметить, что за минувшие годы многое сказано и, возможно, еще больше будет сказано о значении главного процесса XX века, как о первом судебном процессе над

преступными лидерами государства, как о событии, заложившем основу международной уголовной системы, о его роли в прогрессивном развитии международного права и о многих других аспектах этого многогранного феномена. Но, как представляется, главное, чему учит Нюрнберг сегодня – это умению договариваться, умению находить пути объединения усилий перед лицом возникающих перед человечеством все новых угроз. Не усвоив этот урок, мы вынуждены будем повторить путь, пройденный в прошлом веке по дороге к Мюнхену, путь анклавов и коалиций, путь, приведший к неисчислимым бедам.

Сегодня, так же как в 40-х годах прошлого столетия, только объединив усилия можно найти эффективные средства противодействия новым угрозам. Возможно сейчас, как в середине минувшего века, следует, забыв разногласия, как можно скорее объединить усилия во имя искоренения терроризма, сохранения мира и творческого созидания.

ОТ НЮРНБЕРГА ДО ГААГИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

Международный военный трибунал в Нюрнберге был первым международным уголовным судом для преследования индивидов за совершенные ими преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Тем самым Нюрнбергский трибунал заложил основы международной уголовной юстиции; это был первый этап ее становления.

Тем не менее, ответственность за совершение международных преступлений не являлась к тому времени абсолютно новым феноменом. До трибуналов, учрежденных после Второй мировой войны, объектами ответственности по международному праву были государства, но не индивиды. Однако даже реализация ответственности государств на практике была сравнительно редким явлением. Военные преступления и преступления против человечности влекли ответственность, в первую очередь, государств. Было заключено некоторое количество договоров, в которых был установлен определенный вид индивидуальной уголовной ответственности, тем не менее, ни один из них не был успешен или не вступил в силу. Следует привести Севрский мирный договор с Турцией (1920 г.), который постановил об ответственности «младотурков» за армянский геноцид 1915 г.; однако в новом Договоре с Турцией 1923 г., заключенном на Лозаннской конференции, подобного положения уже не было. В нормах Версальского договора (1919 г.) индивиды были признаны ответственными за определенные преступления: статьи 227-229 Версальского договора закрепляли ответственность индивидов, в том числе императора Вильгельма II, за преступления против «нарушения международных договоров» и нарушения законов и обычаев войны. Однако, как известно, Нидерланды отказались выдать Вильгельма II суду, аргументируя это тем, что он обвинялся в политических преступлениях, ненаказуемых по нидерландскому законодательству¹. Таким образом, пре-

¹ Примером договоров победивших держав в Первой мировой войне, где устанавливалась личная ответственность, является также Трианонский договор с Венгрией (1920 г.), договор Невильи-сью-Сейнс с Болгарией

следование индивидов на практике оставалось делом отдельных государств по национальному праву.

Два специализированных международных трибунала – Нюрнбергский (1945 г.) и Токийский (1946 г.) – изменили это положение учреждением принципа, что любое лицо, независимо от должности или воинского звания, должно нести ответственность за военные преступления, преступления против мира и преступления против человечности. Этот принцип полностью воспринят в наши дни.

Идея судебной ответственности за военные преступления была впервые провозглашена в Заявлении девяти европейских эмигрантских правительств в Лондоне 13 января 1942 г. и объявлена неременным условием окончания военных действий. Осенью 1942 г. Черчилль и Рузвельт объявили, что все лица, ответственные за военные преступления, должны будут предстать перед правосудием тех стран, в которых они совершали преступления. Советское правительство также присоединилось к этому заявлению.

Реализация принципа международной уголовной ответственности индивида была осуществлена после победы Антигитлеровской коалиции. Первым был создан Международный военный трибунал в отношении главных военных преступников, правовой основой которого являлось Соглашение между правительствами СССР, США, Великобританией и Францией от 8 августа 1945 г.² в Лондоне (позже к нему присоединились еще 19 стран). Приложением к Соглашению был Устав МВТ для судебного преследования и наказания главных военных преступников европейских стран оси, на основании которого был учрежден международный судебный орган. Хотя МВТ был рассчитан на неограниченное количество судебных процессов, на практике его деятельность ограничилась одним Нюрнбергским процессом, проведенным с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г.

Устав МВТ насчитывал 30 статей, которые фиксировали его структуру и функции, индивидуальную ответственность, организацию обвинения, права обвиняемого (подсудимого), принципы судопроизводства, порядок вынесения приговора.

Статья 6 Устава определяет *ratione materiae*: преступления против мира³, военные преступления⁴, и преступления против

(1919 г.), договор Сен-Жермен-и-Лайе с Австрией (1919 г.).

² См. Действующее международное право. В 3-х т. Сост. Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С. Т. 3. М., 1997. С. 761-770.

³ Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны, или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий

человечности⁵: Правила процедуры МВТ включали 11 норм. Нерегулированные процессуальные проблемы могли быть разрешены отдельными решениями трибунала. Впервые была создана и реализована уникальная судопроизводственная модель, которая соединила достижения несхожих и разнородных правовых систем. Основанная на принципах состязательного (adversarial) процесса, она в значительной степени восприняла элементы и континентальной, инквизиционной (inquisitorial) формы судопроизводства⁶.

В октябре 1945 г. были предъявлены обвинения 24 лицам, одному из них *in absentia*⁷; годом позже был провозглашен Приговор: 11 из них были приговорены к смерти через повешение, трое к пожизненному заключению и четверо к срокам заключения от 10 до 20 лет, трое оправданы.

Международный военный трибунал для Дальнего Востока, созданный для суда над японскими военными преступниками – Токийский трибунал – был учрежден в январе 1946 г. Он был создан не на основе международного договора, а в порядке реализации решения специального совещания в Москве министров иностранных дел СССР, США и Великобритании исполнительским декретом главнокомандующего оккупационными войсками в Японии генерала Д. Маккартура от 19 января 1946 г. Его устав состоял всего из 17 статей⁸. Статья 5 Устава определила предметную юрисдикцию: преступления против мира⁹, конвенционные военные

⁴ Нарушения законов и обычаев войны. К ним относятся: убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; разграбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления.

⁵ Убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

⁶ См. об этом *Глотова С.В.* К 60-летию Нюрнбергского процесса. Вклад Устава Нюрнбергского трибунала в становление международной уголовной процедуры // *Российский ежегодник международного права.* 2005. СПб., 2006.

⁷ Борману, который, как выяснилось годами позже, погиб в последние дни войны.

⁸ См. Без срока давности. К 60-летию Нюрнбергского процесса. М., 2006. С. 263-269.

⁹ Планирование, подготовка, развязывание и ведение объявленной или

преступления¹⁰ и преступления против человечности¹¹. Имелось всего 9 правил процедуры. Как и в отношении Нюрнбергского трибунала, все иные вопросы были оставлены на case-by-case урегулирование самим Трибуналом.

В апреле 1946 г., спустя всего несколько дней после появления Устава, 28 лицам были предъявлены обвинения; в ноябре 1948 г. вердикты были провозглашены, семь из которых предусматривали смерть через повешение.

Кроме этих двух военных трибуналов, многие военные преступники были осуждены национальными судами, на основе Закона № 10 Контрольного Совета, который явился правовой основой для судебного разбирательства над военными преступниками в трибуналах оккупационных зон Германии.

Значение первых международных уголовных трибуналов состояло в том, что, во-первых, они подтвердили содержащиеся в международном праве принципы уголовной ответственности физических лиц: «Люди, а не абстрактные категории, совершают преступления, подлежащие наказанию путем применения санкций, предусматриваемых международным правом, и только путем их наказания можно укрепить установления международного права»¹².

Во-вторых, был сформулирован состав преступлений против мира и преступлений против человечности.

В-третьих, впервые провозглашался принцип: должностное положение подсудимых в качестве глав государств или ответственных чиновников не может служить основанием для освобождения от ответственности (ст. 7 Устава МВТ). Совершение преступления по распоряжению правительства или по приказу начальника не освобождает от ответственности, но может служить смягчающим вину обстоятельством (ст. 8 Устава). Идея наказуемости за исполнение преступного приказа сохранена и в нормах современных трибуналов.

несобъявленной агрессивной войны, или войны в нарушение международного права, договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре для реализации любых из вышеупомянутых действий.

¹⁰ Нарушения законов или обычаев войны.

¹¹ Убийство, истребление, порабощение, депортация, или другие бесчеловечные акты, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследование по политическим или расовым основаниям во исполнение или в связи с любым преступлением, покрываемым юрисдикцией трибунала, независимо от того, нарушало или нет такое действие внутренние законы той страны, где оно совершалось.

¹² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. М., 1957. Т. I. С. 368.

В-четвертых, процессуальные нормы и принципы, сформулированные государствами Антигитлеровской коалиции, в дальнейшем оказали влияние на процессуальную модель Международного трибунала по бывшей Югославии, Международного трибунала по Руанде и Международного уголовного суда.

Общее значение трибуналов в том, что они подтвердили возможность учреждения международных независимых судов, созданных мировым сообществом. После Второй мировой войны потенциальная возможность создания новых международных судебных учреждений была зафиксирована в конвенциях о геноциде и апартеиде. Согласно Ст. VI Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, лица, обвиняемые в совершении геноцида, «должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено преступление или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей конвенции, признавших юрисдикцию такого суда»¹³.

Генеральная Ассамблея ООН 11 декабря 1946 г. приняла резолюцию, подтвердившую принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала¹⁴.

Практика трибуналов легла в основание принятых в 1950 г. Комиссией международного права семи так называемых Нюрнбергских принципов: «Принципы международного права, признанные в Уставе Нюрнбергского трибунала и в Приговоре этого трибунала»¹⁵. Первый принцип закрепляет положение, что любое лицо, которое совершило международное преступление, «является поэтому ответственным и подлежит наказанию». В принципе VI преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности были охарактеризованы как «преступления, наказуемые по международному праву». Индивиды не освобождаются от ответственности на основании факта, что право их собственной страны не содержит наказания за такие преступления (принцип II). Факт совершения лицом действия, признаваемого, согласно международному праву, преступлением, если оно действовало в качестве главы государства или ответственного должно-

¹³ Сборник важнейших документов по международному праву. Часть I. М., 1996. С. 104.

¹⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 4. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов. М., 1984. С. 451-452.

¹⁵ Документ ООН, 5-я сессия, доп. 12. UN Doc. A/316(1950).

стного лица правительства, не освобождает такое лицо от ответственности по международному праву (принцип III). Согласно принципу IV, обстоятельство, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождает это лицо от ответственности по международному праву, если сознательный выбор был фактически для него возможен. Любое лицо, обвиненное в преступлении, имеет право на справедливое разбирательство (принцип V).

В 1951 г. Комиссия международного права подготовила проект «Кодекса деяний против мира и безопасности человечества», включая нарушения законов и обычаев войны (пересмотренная версия 1954 г.). Специальной комиссией, назначенной Генеральной Ассамблеей ООН, были сформулированы проекты статуты для постоянного международного уголовного суда в 1951 и 1953 гг.

Вне ООН Всемирная Ассоциация международного права и Ассоциация международного уголовного права сделали похожие установления в направлении наднационального уголовного суда.

Несмотря на все эти достижения, учреждение универсального международного трибунала стало вновь возможно лишь в конце столетия. Причиной часто называют «холодную войну», во время которой заключение международных соглашений в отношении преследования нарушителей международного гуманитарного права не было возможно. Тем не менее, как только железный занавес упал, были предприняты новые усилия, приведшие к соглашению о создании постоянного Международного уголовного суда. До этого соглашения два трибунала *ad hoc* были учреждены Советом Безопасности ООН.

Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. (МТБЮ) был создан резолюцией Совета Безопасности ООН № 827 от 25 мая 1993 г. на основании главы VII Устава ООН («Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и акта агрессии») в качестве одной из принудительных мер по смыслу этой главы. Правовой основой деятельности МТБЮ стал Устав, утвержденный резолюцией Совета Безопасности, его местопребывание – Гаага (Нидерланды).

В Уставе МТБЮ установлена юрисдикция в отношении «серьезных нарушений гуманитарного права», к которым отнесены: серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г.; нарушение законов и обычаев войны; геноцид; преступления против человечности. В перечень деяний, классифицируемых как нарушение об-

шепризнанных норм о защите жертв войны, как они отражены в положениях Женевских конвенций 1949 г., дополнительно включены, по сравнению с уставами международных военных трибуналов, биологические эксперименты, принуждение военнопленного или гражданского лица служить в вооруженных силах неприятеля, взятие гражданских лиц в качестве заложников, лишение военнопленного или гражданского лица права на нормальное судопроизводство. Также запрещен захват, разрушение или умышленное повреждение культурных, учебных, благотворительных, художественных и научных учреждений, исторических памятников, художественных и научных произведений.

Юрисдикция за нарушение законов и обычаев войны, включает, помимо установленных в Гаагских конвенциях 1907 г. и приложениях к ним, применение отравляющих веществ и других видов оружия, предназначенных для причинения излишних страданий. Статья 4 почти дословно воспроизводит ст. 11 Конвенции о предупреждении преступления геноцида 1948 г. Статья 5 «Преступления против человечности» дополнена включением ответственности за изнасилования, пытки, заключение в тюрьму. Юрисдикция в отношении преступлений против человечности наступает, когда они совершаются в ходе вооруженного конфликта, будь то международного или внутреннего характера.

Положения о личной уголовной ответственности воспроизводят положения Устава Нюрнбергского трибунала. Новеллой является установление ответственности обвиняемых за то, что не предотвратили совершение преступления своими подчиненными.

В 1994 г. резолюцией Совета Безопасности ООН № 955 от 8 ноября был создан Международный уголовный трибунал для преследования лиц, виновных в геноциде и иных серьезных нарушениях международного гуманитарного права, совершенных на территории Руанды и руандийских граждан, виновных в геноциде и других преступлениях, совершенных на территории соседних государств в период с 1 января по 31 декабря 1994 г. (МУТР). Место пребывания трибунала – Аруша (Танзания). Трибунал учрежден для суда за преступления, совершенные в конфликте немеждународного характера, имевшие в основном межплеменной характер (между тутси и хуту), в результате которого погибло около 1 млн человек. Положения Устава этого трибунала в главных чертах аналогичны положениям Устава по Югославии. Однако на первое место среди подпадающих под юрисдикцию преступлений поставлен геноцид (ст. 2). Наказуемы также преступления против человечности, однако наступление юрисдикции в отношении этих преступлений ограничено требованием их совершения в рамках ши-

рокомасштабного или систематического нападения на гражданское население по национальным, политическим, этническим, расовым и религиозным мотивам. Устав не связывает перечисленные деяния с вооруженным конфликтом. Устанавливается юрисдикция за нарушение норм, как они воплощены в Женевских конвенциях 1949 г. (ст. 3) и Дополнительном протоколе II к ним, включая акты терроризма, причем перечень этих деяний не является исчерпывающим.

Учреждение и деятельность международных военных и уголовных трибуналов имеет большое прогрессивное значение. В уставах и приговорах трибуналов был подтвержден принцип международного права об уголовной ответственности физических лиц. В Уставах были кодифицированы нормы об ответственности индивидов за совершение международных преступлений, а также конкретизированы нормы: права вооруженных конфликтов – в процессе квалификации материальных норм обнаружили признаки, размывающие границы между конфликтами международного и немеждународного (внутреннего) характера. Опыт создания и работы трибуналов положен в основу учреждения Международного Уголовного Суда¹⁶, действующего на постоянной основе (в отличие от трибуналов, имеющих временной характер) и обладающего универсальной юрисдикцией.

Идея учреждения международного уголовного суда для преследования за тягчайшие преступления, возникшая более 50 лет назад, получила практическое наполнение в конце 1980-х годов. Учреждение югославского и руандийского трибуналов в 1993-1994 гг. подтолкнули Комиссию международного права в 1994 г. к разработке нового проекта Статута. Суд мог бы быть учрежден путем заключения соответствующего международного договора, и на основании резолюции Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи ООН. Принимая во внимание нарастающие сомнения в легитимности трибуналов *ad hoc*, Комиссия отдала предпочтение первому варианту. Созданный Генеральной Ассамблеей Подготовительный комитет в апреле 1998 года завершил работу над составлением проекта Статута. На Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой Организации Объединенных Наций по вопросу об учреждении международного уголовного суда в Риме Статут Международного уголовного суда был принят 17 июля 1998 г. большинством в 120 голосов. Он вступил в силу 1 июля 2002 г.¹⁷ По состоянию на 1 ноября 2006 г. 103 госу-

¹⁶ В дальнейшем – МУС или Суд.

¹⁷ Ассамблея государств-участников Статута Международного уголовного суда избрала Прокурором Международного уголовного суда Луиса Морено Окампо (Аргентина). 7 февраля 2003 г. Ассамблея государств-

дарства являются участниками Статута (28 государств Африки, 12 азиатских государств, 15 государств Восточной Европы, 22 государства Латинской Америки и Карибского бассейна и 26 государств Западной Европы и Канада), и еще одно государство передало ратификационную грамоту депозитарию (Чад).

Местопребывание Суда – Гаага (Нидерланды). Правовой основой Суда, помимо Статута, является Соглашение о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда, Элементы преступлений, помогающие суду в толковании статей, Правила процедуры и доказывания, Правила процедуры Ассамблеи государств-участников, другие документы.

Основной целью суда является положить конец безнаказанности лиц, совершающих самые серьезные преступления, которые угрожают всеобщему миру, безопасности и благополучию, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, и тем самым способствовать предупреждению подобных преступлений. В то же время подчеркнуто, что действенное преследование должно быть обеспечено как мерами, предпринимаемыми на национальном уровне, так и активизацией международного сотрудничества. В этом отношении Суд дополняет национальные системы уголовного правосудия, преисполненные решимости создать прочные гарантии уважения к осуществлению международного правосудия и обеспечения его соблюдения (п. 10 Преамбулы и ст. 1 Статута, принцип комплементарности).

Суд обладает юрисдикцией над следующими категориями преступлений:

- а) преступление геноцида;
- б) преступления против человечности;
- в) военные преступления;

г) преступление агрессии. Однако осуществление юрисдикции в отношении данного преступления отложено до принятия определения агрессии, что может произойти на основании ст. 121 и 123 (внесение поправок и пересмотр Статута) по истечении семи лет с момента вступления Статута в силу. Как сказано в ст. 5(2), такое положение должно соотноситься с положениями Устава ООН, что подразумевает принятие во внимание полномочий Совета Безопасности ООН по несению главной ответственности за поддержание мира и международной безопасности. Суд не обладает юрисдикцией над преступлением терроризма (кроме случаев, когда совершение акта терроризма признается военным преступлением или преступлением против человечности), распространением наркотиков,

участников избрала восемнадцать судей в Международный уголовный суд, срок полномочий которых начинается с 11 марта 2003 года.

наемничеством. Введение этих и иных преступлений в юрисдикцию Суда может иметь место также на основе ст. ст. 121 и 123.

Определение **геноцида** эквивалентно определению Конвенции о геноциде 1948 г.

Юрисдикция в отношении **преступлений против человечности** имеет место, если следующие деяния совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, причем такое нападение совершается сознательно: убийство, истребление, порабощение, депортация или насильственное перемещение населения; заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права, пытки; изнасилования, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести; преследование любой идентифицируемой группы по политическим, расовым, национальным, этническим, религиозным, культурным и гендерным мотивам; насильственное исчезновение людей; преступление апартеида, другие бесчеловечные деяния.

В ст. 8 устанавливается юрисдикция в отношении широкого перечня **военных преступлений**. После напряженной дискуссии статья стала охватывать преступления, не только из Гаагских и Женевских конвенций, но и Дополнительных протоколов, а также из других договоров. Запрещаются серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г. (любые деяния против лиц или имущества, охраняемых положениями соответствующей Женевской конвенции (8 составов, включая взятие заложников); серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах и установленных в рамках международного права (26 составов). Отдельно инкриминируются военные преступления, совершаемые в ходе вооруженного конфликта немеждународного характера: серьезные нарушения ст. 3, общей для четырех Женевских Конвенций; другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера. Наказуемы деяния, совершенные против сил по поддержанию мира ООН и правонарушения против детей (набор или вербовка детей в возрасте до 15 лет). Тем не менее, не наказуемы проступки, относящиеся к руководству враждебными актами во внутреннем вооруженном конфликте, использование оружия, запрещенного применительно к международным вооруженным конфликтам, применение ядерного оружия. Для осуществления юрисдикции над военными преступлениями необходимо, чтобы они

были совершены как часть плана или политики, или при крупномасштабном совершении таких преступлений.

Государство, становящееся участником Статута, тем самым признает юрисдикцию Суда в отношении перечисленных категорий преступлений (совершенных на территории данного государства, в том числе на борту морского или воздушного судна, а также совершенных гражданами этого государства). Государство, не являющееся участником Статута, может принять юрисдикцию Суда посредством заявления. Если ситуация, при которой, как представляется, были совершены преступления, предусмотренные Статутом, передается Советом Безопасности ООН, действующим на основании главы VII Устава ООН, юрисдикция Суда наступает независимо от участия государства в Статуте. В силу принципа субсидиарности, дело не принимается к производству Судом, если оно расследуется или в отношении его возбуждено уголовное преследование государством, которое обладает в отношении его юрисдикцией, за исключением случаев, когда это государство не желает или не способно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом (п. I. ст. 17).

2005 и 2006 годы характеризуются активизацией деятельности Суда, в результате чего Суд из органа, существующего «на бумаге», превратился в действующий механизм. В связи с этим международное сообщество испытывает большие ожидания относительно независимости осуществления правосудия МУС, юрисдикция которого, в отличие от трибуналов *ad hoc*, гораздо шире, и что особенно важно, предполагает быть реализованной в невыборочный манер¹⁸.

В 2005 г. Международный уголовный суд приступил к практической работе, в 2006 г. он продолжил расследование ситуаций в Демократической Республике Конго¹⁹, в Уганде²⁰ и в Дарфуре, Судан²¹. Если первые ситуации были переданы государствами-участниками, последнее расследование ведется на основе передачи Обвинителю Советом Безопасности ООН (Резолюция 1593 (2005) от 31 марта 2005 г.)²², согласно ст. 13«b» Статута МУС. Данное

¹⁸ *Bassioni M. Sherif. International Criminal Court – Quo Vadis? // Journal of international criminal justice, 2006, Vol. 4. Issue 3. P. 426.*

¹⁹ Решение о начале расследования принято 23.06.04.

²⁰ Решение о начале расследования принято 29.07.04.

²¹ Решение о начале расследования принято 06.06.05. Подробно о расследовании этих ситуаций см.: Доклад о деятельности за первые три года, подготовленный Службой Обвинителя 12 сентября 2006 г. Доступно на веб-странице http://www.icc-cpi.int/library/organs/otp/OTP_3-year-report-20060914_English.pdf.

²² Документ ООН S/RES/1593(2005).

правовое основание совсем по-иному, нежели возбуждение расследования *propter motu*, или на основании п. «а» ст. 13, воздействует на компетенцию МУС. В результате МУС можно рассматривать как орган, стоящий на страже интересов мира и безопасности, что превышает задачу классического уголовного преследования, состоящую в наказании виновных за совершение тяжких международных преступлений²³. Информация, переданная СБ относительно ситуации в Дарфуре, как явствует из докладов Комитета экспертов и Международной Комиссии по расследованию в Дарфуре Генеральному Секретарю ООН, касается совершения широкомасштабных преступлений: убийства мирных граждан, разрушения и разграбления деревень, в результате чего около 1,9 млн человек остались без крова, и тысячи умирают от голода и болезней.

Начато производство по первому делу «Обвинитель против Томаса Лубанга Дийло»²⁴. Т. Лубанга – основатель и лидер Союза конголезских патриотов (СКП) – подозревается в совершении военных преступлений, а именно призыве и вербовке детей в возрасте до 15 лет и использовании их в боевых действиях²⁵. 10 февраля 2006 г. был издан ордер на арест в отношении Т. Лубанги, и 17 марта 2006 г. он был передан в распоряжении Суда. Это стало возможным благодаря сотрудничеству со стороны государств-участников и ООН (ст. 89 Статута).

В отношении ситуации в Уганде Палата досудебного производства I в порядке осуществления надзора за расследованием и санкционирования действий Службы Обвинителя утвердила 13 октября 2005 г. пять ордеров на арест в отношении членов Армии Сопротивления Господа: Д. Кони, В. Отти, О. Одимбо, Д. Онгвен, Р. Лукви²⁶. До сих пор подозреваемые не предоставлены в распоряжение Суда. Эти лица обвиняются в совершении преступлений против человечности и военных преступлениях, включая сексуальное порабощение, изнасилования, нападения на гражданское население, и использование детей в качестве наемников.

Деятельность Суда включает не только полномочия по осуществлению своей юрисдикции, но также и административные полномочия (координация между органами Суда), оперативные функ-

²³ *Fletcher G.P., Ohlin J.D.* The ICC — Two Courts in One? // *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 4. Issue 3. 2006. P. 428.

²⁴ Case ICC-01/04-01/06 The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo.

²⁵ http://www.icc-cpi.int/library/cases/ICC-01-04-01-06-2_English.pdf.

²⁶ Case ICC-02/04-01/05 The Prosecutor v. Joseph Kony, Vincent Otti, Raska Lukwiya, Okot Odhiambo and Dominic Ongwen. В августе Служба обвинителя получила сообщение о смерти Р. Луквии, и по просьбе правительства Уганды оказала помощь в идентификации.

ции и функции в области внешних связей. Их выполняет Президиум и Секретариат, несущий главную ответственность за информационно-просветительскую деятельность (ст. 43)²⁷.

Значение Международного уголовного суда в том, что он продолжил тенденцию прогрессивного развития материального международного уголовного права, начатую в Уставах Нюрнбергского и Токийского трибуналов. Вступление в силу Римского Статута Международного уголовного суда и начало функционирования МУС ознаменовало собой исторический этап в реализации принципа индивидуальной уголовной ответственности за совершение самых серьезных преступлений, что является краеугольной основой Международного уголовного суда. Развита принцип ответственности лиц независимо от того, где преступления были совершены – принцип универсальной юрисдикции. Вместе с тем Суд, функционируя как межгосударственный юридический орган, не претендует на статус наднационального правового образования. Он, напротив, стоит на страже приоритета национальных юридических систем государств, что является воплощением принципа комплементарности. Римский Статут отразил и всемирно признанные принципы международного уголовного процесса.

В настоящее время МУС представляет собой сердцевину системы международного уголовного правосудия, согласно Доклада МУС 61-й сессии Генеральной Ассамблеи, подготовленного 3 августа 2006 года²⁸. Формирующаяся система международного уголовного правосудия охватывает национальные, международные и смешанные трибуналы, а также такие международные организации, как ООН.

Таким образом, Международный уголовный суд является образованием, в полной степени реализовавшим идею всемирного органа правосудия, обладающего универсальной юрисдикцией над самыми тяжкими международными преступлениями. Принципы международного уголовного правосудия, впервые воплотившиеся в практике послевоенных трибуналов, а затем в практике специализированных трибуналов начала 90-х годов прошлого века, подтверждены и развиты посредством уникального институционального, юрисдикционного и судопроизводственного механизма Суда.

²⁷ См. п.п. 72-74 Доклада о деятельности Суда. Международный уголовный суд. Ассамблея государств-участников. Пятая сессия. Документ ICC-ASP/5/15.

²⁸ Документ ООН A/61/217.